Шевченко О.К.

Курс лекций по истории Восточных философий (ориентософии).

Том первый. Протософия.

УДК: 141.1(1-11) (091)
ББК: 87.3 (5)

Официальные рецензенты:
Масаев М.В. доктор философских наук, доцент (г. Ялта).
Тайсина Э.А. доктор философских наук, профессор (г. Казань).
Королев А.Д. кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник ИФ РАН (г. Москва)

Шевченко О.К. Курс лекций по истории Восточных философий (ориентософии). Том первый. Протософия: учебное пособие. Брянск: Издательство ООО ИД “Историческое сознание”, 2017. 240 с.

В первый том вошли лекции, охватывающие исторический период, начиная с третьего тысячелетия до н.э. по первую половину первого тысячелетия до н.э. Были проанализированы мировоззренческие традиции, которые стимулировали или препятствовали развитию ориентософских практик в Египте, Месопотамии, Восточном Средиземноморье, Иране, Индии, Китае. Пособие ориентировано как на профессиональных философов, так и на специалистов-гуманитариев, самостоятельно изучающих историю философии.

Рекомендовано к печати ученым советом «Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского». Протокол № 5 от 30 мая 2017г.

ISBN…..

В оформлении обложки использована картина Фернандо Висент.Источник: http://3domen.com/index.php?newsid=8221
а также картина Н. Рериха «Звезда Героя», Источник
http://artchallenge.ru/gallery/fr/11.html

© Шевченко О. К., 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие……..4
Лекция 1. Введение в Восточные философии (ориентософию)……10
Лекция 2. Современные критики и апологеты «Восточных философий»……22
Лекция 3. Протософия как этап развития философских традиций……34
Лекция 4. Протософское знание в Египте и Месопотамии……55
Лекция 5. Предпосылки ориентософских традиций в Иране и Индии……85
Лекция 6. Софийные элементы в Древнекитайской Культуре……...119
Лекция 7. Предориентософские пространства Восточного Средиземноморья (Сирия, Финикия, Палестина)……...137
Лекция 8. Три концепции появления эллинской Философии……...178
Лекция 9. Мыслители Ионии: от Протософии к Философии……195
Антология протософских текстов древнего Востока…….216
Рекомендованная литература…….235

Светлой памяти моего отца
Константина Владимировича,
который считал, что достижение истины
в ученом споре всегда благостней,
нежели снисходительность к
детскому возрасту своего сына
или смирение сына перед его сединами.

Предисловие

Мир XXI века - это реальность с пластично меняющимися векторами развития не просто держав, а целых континентов. И в этом смысле говорить о глобальном и всеохватывающем центризме чего бы то ни было – смешно и наивно. И если ранее Европоцентризм, ориентир на Западный стандарт развития Человека и Общества, был вполне приемлемым и респектабельным выбором подавляющего числа культур и стран, то первые десятилетия XXI века показали, что этот выбор несколько поспешен и не всегда продуман. Все чаще и чаще Восток заявляет о своем высоком статусе в экономике, политике, культуре. Особенно это характерно в отношении Российской Федерации, которая уже в силу своих географических границ большей частью протянулась в азиатские дали вплоть до Тихого океана. Вектор развития России все устойчивей и устойчивей связывается с диффузией собственных политико-экономических пространств с пространствами Ближнего и Дальнего Востока, Средней и Южной Азии, тем более что многие народы Российской Федерации являются носителем Восточных культур. Это требует от граждан РФ масштабного

переосмысления не только утилитарных экономических или, скажем, дипломатических нюансов, но и всей глыбы смыслов мира Востока. Процесс запущен относительно недавно[1] и он, очевидно, требует переустройства многих общественных институций, среди которых не последнюю роль играет гуманитарное образование. Подготовка гуманитариев неразрывно связана с освоением спектра общеобязательных курсов философских дисциплин: «Философия», «Основы социального государства», «Обществознание» и т.д. При этом все еще львиную долю в указанных

---

[1] Речь идет о «*Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 12 февраля 2013 г.*», где отмечается, что *«… Россия будет наращивать взаимодействие в таких форматах, как БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), РИК (Россия, Индия и Китай). Россия считает важным дальнейшее развитие механизма эффективного и взаимовыгодного внешнеполитического и экономического сотрудничества в формате Россия - Индия – Китай. Россия намерена активно участвовать в работе по формированию в Северо-Восточной Азии эффективных механизмов укрепления мира, безопасности, взаимного доверия и взаимовыгодного сотрудничества как регионального компонента новой архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе». При этом данный приоритет будет осуществляться на фоне: «рассредоточения мирового потенциала силы и развития, его смещение на Восток, в первую очередь в Азиатско-Тихоокеанский регион»* и далее*: «На передний план выдвигаются, наряду с военной мощью, такие важные факторы влияния государств на международную политику, как экономические, правовые, научно-технические, экологические, демографические и информационные. Все больший вес приобретают вопросы обеспечения устойчивого развития, духовного и интеллектуального развития населения. Стремление вернуться к своим цивилизационным корням отчетливо прослеживается в событиях на Ближнем Востоке и в Северной Африке, где политическое и социально-экономическое обновление общества зачастую проходит под лозунгом утверждения исламских ценностей. Схожие процессы наблюдаются и в других регионах,* ***что выводит в разряд первоочередных приоритетов мировой политики задачу предотвращения межцивилизационных разломов, наращивания усилий в интересах формирования партнерства культур, религий и цивилизаций, призванного обеспечить гармоничное развитие человечества*** *(выделено – О.К.)… ».*

дисциплинах занимают смыслы, ценности, методы, одним словом, интеллектуальные реалии Запада. Востоку остается довольствоваться небольшими маргинальными сносками или ссылками. А между тем именно через специфическое философское знание возможно оперативно и в значительном объеме набрать опыт *общения* с миром восточных культур, опыт *диалога* с ментальными практиками наших партнеров из Индии, Китая, Сирии, Ирана. Философия, генерируя в себе квинтэссенцию духовной культуры, рафинируя вековые опыты мировоззренческих поисков, позволяет готовить базу для дальнейшего получения узких и специализированных знаний по культуре, истории или экономике стран Востока. И в этом смысле *целостное представление* о развитии Восточных философий как феномена человеческой цивилизации переоценить – невозможно.

Вдвойне это верно в отношении тех молодых людей (а иногда и не совсем молодых), которые посвятили свою судьбу философскому знанию и получают профессиональное философское образование. Ни один локальный курс по истории Древней китайской философии или философии Буддизма не в силах сформировать, еще раз подчеркну, *целостный образ* Восточных философий как удивительного феномена развития Человеческой цивилизации.

К сожалению, монографий и учебников, посвященных именно этой задаче, пока еще ничтожно мало. Можно отметить, пожалуй, лишь учебники М.Т. Степанянц и Н.С. Семенова. Все остальное - это *отдельные* философии *отдельных* эпох, *отдельных* культур, *отдельных* философий и *отдельных*

мыслителей. Но количество курсов и спецкурсов по Восточной философии растет как на дрожжах, а значит необходимо трансформировать в текст аудиторные лекции, формировать пособия по учебным семинарам и открытым занятиям, создавая дидактическую базу для еще не созданного классического учебника «Восточные философии», нужда в котором год от года становится все острее и острее.

Предлагаемое пособие - это переведенный в печатный текст лекционный курс, прочитанный автором студентам-философам первого курса в Ялте, во втором семестре 2014-2015 учебного года и откорректированное по итогам второго семестра 2016-2017 гг. Материал максимально приближен к устной речи и лишь при жесточайшей необходимости адоптировался к нормам печатного слова (в основном это касается ссылочного и дидактического аппаратов). Автор посчитал уместным создать пособие в форме живого общения, когда в лучших традициях Восточных подходов, читатель выступает партнером автора. А созданный *печатный текст – не завершение, но приглашение к разговору…* длящемуся иногда как для автора, так и читателя всю жизнь, правда, уже за пределами книги, в мире собственных смыслов и практик самосовершенствования. В этом смысле сохранение устной речи как никогда полно отвечает предмету пособия и полностью согласно с излагаемой в нем правдой создателя книги.

По глубокому убеждению автора, учебное пособие не должно вещать истину или формулировать факт наличия чего бы то ни было. Для этого есть иные жанры: энциклопедии и справочники. В нынешнюю

эпоху избытка фактов надобно, чтобы книга учила мыслить факт (предмет, реальность). И речь должна вестись не о теории *как мыслить*, а о практике того, *как процессуально развертывать конкретную мысль*. И в этом смысле любое учебное пособие обязано быть максимально авторским, за текстом должна просматриваться точка зрения создателя, его, авторская, индивидуальность. Ибо процесс мысли неизбежно личностен, интеллектуально интимен и не поддается штамповке, или копированию. Просмотр такой стилистики, ее тщательная поэтапная неторопливая «прокрутка» в текстах дает возможность обучающемуся увидеть возможные варианты *мысления* хорошо известных фактов, отрабатывает возможности трансформации собственного внутреннего диалога. В конечном счете, учит быть оригинальным, ставит барьеры перед «цитатничеством» и, безусловно, «работает» на повышение уровня восприятия материала книги.

Данное учебное пособие в меньшей степени ориентированно на изложение восточных философий как структурно-организационной, упорядоченной и строго иерархичной системы. Ведь для такой работы еще не наступило время. На день сегодняшний необходимо отстаивать саму *возможность* бытия восточного философского дискурса. Его онтологическую приемлемость как явления, как феномена, как аспекта реальности. И в этом смысле, прежде чем найти взаимосвязанные элементы и взаимообусловленные части, следует определиться с общим. Это общее вырастает из сравнительной истории, культуры, археологии. Для формирования общего -

строгий эмпиризм, неуклонный жесточайший позитивизм попросту вредны. Они убьют еще не родившееся дитя прямо в утробе матери, апеллируя к беспомощности плода и его неразумности, игнорируя факт возможного развития плода во вполне совершенную и развитую личность. Поэтому автор допускает в данном пособии общие слова, смелые обобщения, нетривиальные гипотезы. Он мечтает о том, чтобы читатель перепроверил его выкладки с позиций собственного суждения, с точки зрения узкоспециального знания. Для этого будут предоставлены ссылки на авторитетные источники, монографии, статьи… Если студент после прочтения пособия будет во всем согласен с автором, если он позволит себе цитировать куски текста пособия, апеллируя к его авторитету, значит философ в чем-то ошибся и сделал очень дурную работу. Но коль скоро читатель (а под ним понимается, в первую очередь, именно студент) усомнится в словах пособия, раскритикует авторскую позицию на основе тщательного изучения локального эмпирического материала, предложит собственное видение излагаемых вопросов - ученый будет знать, что он с честью сделал свою работу.

Ялта-Евпатория, 2014-2017.

Лекция 1.
Введение в Восточные философии (ориентософию)

Дисциплина «Восточные философии» выступает новым и во многом еще необычным явлением для образовательного пространства Российской Федерации. В России имеются солидные традиции преподавания «Китайской философии», «Индийской философии», «Философии Японии», «Арабо-мусульманской философии», «Индийской эпистемологии», «Введения в восточные философии»[2]. Однако целостного курса, в котором бы осваивалась специфика именно Восточной формы понимания Бытия как предельной формы существования и пространства, и времени, и движения, и Человека, и общества, короче, всего того, что называется философским освоением мира – все еще нет. По сути, даже сама возможность объединения, скажем, Китайской и Арабской философий в рамках единого смыслового образования: «Восточная философия» вызывает скепсис у тотального большинства профессиональных арабистов и синологов[3]. Но более того, в отечественном философском сообществе, все еще весьма сильны позиции тех, кто считает, что понятие «Философия» принципиально неприменимо к интеллектуальным, духовным или специфическим ментальным практикам Восточных искателей истины и

[2] Именно «Введение», основные подходы к Восточным философиям, но далеко не история самой «Восточной философии».

[3] Синологи – специалисты по Китайской истории, культуре, философии и языку.

мудрости. Об этом красноречиво свидетельствуют великая палитра учебников по истории философии, где восточным практикам отведено лишь несколько страниц в разделе «Древняя философия». И обозначенный скепсис не лишен основания. Слишком уж странная и ни на что, кроме как на себя, не похожая реальность восточной мысли смущает интеллектуала, воспитанного на шедеврах классической Западной философии. Но разве *инаковость* собеседника может служить поводом к отрицанию его правды? Разумеется, если мы признаем в другом *со-беседника*, а не покорного и угодливого слушателя великого и могучего Себя. Именно переступить через эгоцентризм собственной правды, воспитать в себе желание услышать иного, является главным барьером для западного философа в отношении достойной оценки философии Востока. Разумеется, не у всех и не всегда[4]. Но речь идет не об отдельных великих именах, а об основной, если угодно, критической массе студентов, преподавателей, писателей, мыслителей, относящих себя к категории «Философы». Будь иначе, Российские философские конгрессы демонстрировали бы солидные секции по Восточным философиям, а они представляют одни из самых мизерных по количеству докладчиков показатели. При иных обстоятельствах, всероссийские съезды востоковедов имели бы серьезные блоки по восточным философиям, а они отсутствуют вовсе, при изумительном количестве секций филологического, исторического, археологического или

[4] Не раз отмечалось высокое внимание, временами доходившее до восхищения Восточной философией многими гигантами Западной философии. Достаточно упомянуть такие имена как: Г. Лейбниц, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, Вл. Соловьев, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Т. Манн, Г. Гессе.

культурологического характера. Будь иначе, учебники по восточным философиям, написанные в России и для россиян, заполняли бы полки книжных магазинов наравне с историями западной философии, а этого нет, и в ближайшие десятилетия вряд ли будет. В тех же случаях, когда барьеры преодолены, вдруг оказывается, что существует особая, удивительная и поучительная правда интеллектуально-духовных исканий народов Востока. Правда поиска и осознания, освоения предельных оснований Бытия, Времени, Пространства, Человека… Бога. Эта правда иная, нежели правда народов Запада. С большим смущением можно зафиксировать, что правда Восточно-христианская, Православная, намного ближе народам Востока, нежели правда народов Запада. Она не идентична Востоку, но близка, понятна, как хоть и двоюродный, но, все-таки, родственный дядюшка.

Да, безусловно, термин «Философия» применительно к ментальным исканиям Востока – неудачен. Но другого пока нет[5]. Реальность предельности мысли в познании мира есть – а обозначения Восточной специфики этой мысли – нет. Не лишать же реальность прав на существование, лишь из-за неудачно проведённого спора о словах? Поэтому соглашаясь на неудачность обозначения реальности интеллектуально-духовных исканий Востока термином «Восточные Философии», стоит все-таки, применять его для идентификации такой ситуации, когда будет

[5] Автор разрабатывает особый термин: «Ориентософия», который в вольном переводе можно обозначить как «Восточная мудрость». Ориентософия призвана разграничить практики философствования Запада и «Ориентософский стиль» народов Востока. Но термин еще слишком «сырой» и нуждается в определенной научной апробации.

фиксироваться: *«Ментально-духовная практика народов Востока с древнейших времен до наших дней в постановке, поиске и ответах на вопросы о предельных основаниях Бытия\Небытия, о взаимосвязи этой практики с пониманием должного в сфере политики, искусства, экономики, этики и т.п.»*. Пожалуй, стоит расшифровать приведенную фразу. Под «*Ментально-духовными практиками*» понимается спектр *освоения*[6] окружающего мира и внутреннего личностного «Я» мыслителем Востока. Здесь речь идет не только о стандартных шаблонах логики (которой достаточно много и в Китае, и в Индии), но и об интуитивных озарениях, выводах из житейских наблюдений, религиозных переживаниях. Это такой спектр знания, который, например, неизбежно связывает ответ на вопрос: *«Что есть истина?»* с конкретной задачей: *«Никогда не лгать в разговоре с учеником»*. Другими словами, любое теоретическое изложение, самых, казалось бы, отвлеченных вопросов, с *железной необходимостью* проецируется на повседневную практику. Причем учитывается триада: *должное-возможное-существующие*. Комплекс этих метаний души, ледяной работы разума, практических опытов и полета фантазии представляет собой феномен

---

[6] Речь идет не о «понимании», не о «изучении», а именно об «освоении». Восприятие проблемы в совокупности ее предпосылок, механизма осуществления, последствий для будущего и всего прочего, что составляет целостный образ мира. Именно целостность, а не фрагментарность, системность, а не элементарность, гармоничность, а не локальная схематичность отличают «освоение» от иных видов восприятия реальности. По сути, «освоение» - это визитная карточка философии, в отличие, скажем, от науки, где доминирует наблюдение, описание, измерение, эксперимент, анализ и синтез.

Восточных философий, не сводимых к формально-рациональному дискурсу и игре в дефиниции.

Не случайно, мы не раз и не два ставили словосочетание «Восточная философия» во множественном числе. Ибо философские искания Востока насчитывают несколько тысяч лет и, в своей протофилософской стадии, начались на несколько столетий раньше, нежели протофилософия Эллады, родившая классическую Западную философию. Разошлись пути Востока и Запада в философских исканиях около 4-3 вв. до н.э., ранее хоть и были видны отличия, но они имели характер скорее стилистического, нежели принципиально-родового формата. За прошедшие тысячелетия многие народы Востока, создававшие свои системы поиска предельных оснований бытия, исчезли с лица Земли, их духовные искания либо стали собственностью их соседей, либо достоянием небольшого круга специалистов-историков… Бурлящий котел духовных поисков Востока занимает не только значительный временной отрезок, но и внушает трепет своей географией: от моря Средиземного - до Тихого океана, от моря Каспийского - до океана Индийского, на всем гигантском материке от Палестины - до Японии. Раз, появившись в Египте, никогда полностью не прекращался опыт восточного философствования. Никогда не угасала тяга к знаниям. Но все-таки, говорить о некой одной единственной – Восточной философии - это попросту интеллектуальный моветон. Конечно, философий было множество, но это не должно нас смущать. Ведь и единой Западной философии, по сути, не существует. И если подойти с позиций гиперкритицизма, то придётся сказать о

существовании отдельных, очень личностных философий Платона, Боэция, Ф. Бэкона и Ж. Дерриды. В них мы, тем не менее, упорно видим некий единый, если и не стержень, то *некое*, скорее угадываемое, нежели тщательно формулируемое единство. И в тотальном большинстве учебников даже не стремимся доказывать и накидывать на это *нечто* сеть понятий и категорий, довольствуясь принципом Буддизма: «Что самоочевидно, то не нуждается в исследовании. Ведь имея нужду выйти из комнаты и зная, где выход из нее, нет большого смысла изучать ее мебель, достаточно просто выйти через дверь». А раз множественность Западных философий допускает возможность определения их в рамках одного поля, следовательно, то же самое вполне подходит и для множественности философий Востока, не правда ли? Единственный реверанс скептикам это наделение понятия множественным числом, дабы более уверенно себя чувствовать, анализируя изумительное многообразие Восточных философских традиций[7].

Однако, все-таки, рискнем определить то наиглавнейшее, что объединяет разнообразные философские практики Востока под одним понятием и что заставляет говорить об их отличии от философий Запада.

Во-первых, философские практики Востока имеют безусловное, авторитетное начало. В своем большинстве философы этой традиции не начинают мысль исходя из самого себя (своего разума, души или

[7] Кстати термин «Философские традиции Востока» является ключевым при описании Восточных философий на официальном портале сектора «Восточных философий» Института философии Российской Академии Наук. См.: [*Сектор Восточных философий*].

идеи своего Я). В их понимании уже изначально существует некий безусловный авторитет, который нуждается в интерпретации, осмыслении, исследовании, иногда, корректировке и всегда в особом толковании. Это могут быть Веды, Ши-Цзин, Авеста или Коран. В данном случае, не суть важно. Главное, что истина не только возможна, но она УЖЕ явлена в тексте (или реже – устном предании), вот только Человек не слишком-то и готов эту истину воспринять. Отсюда множественность философских школ, направлений… мистических сект. Истину не следует искать - ее надобно обрести, истину не стоит создавать - ее следует идентифицировать среди уже существующего многообразия мнений, идей, текстов, слов. В этом смысле Западные философии предпочитают именно *создание* истины, ее *творение*. Причем творения уникального, данного в одном единственном формате и принципиально исключающего иные варианты сотворенной истины. Классическим примером такой оппозиции выступает философский конфликт: «Г. Гегель – А. Шопенгауэр». Для Востока возможна критика понимания истины другим мыслителем, но никак не критика самой истины, данной сверхчеловеческим усилием в пространствах над человеческой реальности.

Во-вторых, уклонение от тотальности авторства. Речь идет о том, что на всем пространстве от Палестины до Тихого океана считалось бестактным, среди философов, указывать, если угодно «*педалировать*», факт своего авторства в том или ином тексте. Это своеобразие вытекает из предыдущего пункта. Раз истина *уже* дана, а Я лишь комментирую (толкую,

осмысливаю и т.п.) имеющееся и созданное не мной, то, о каком авторстве во всей полноте смысла может идти речь? По меньшей мере, ставить свое имя под текстом, созданным на основе *иного* (вне человеческого знания) бестактно, а по большей мере, глупо. Поэтому многие великие философские тексты не имеют конкретного автора, да и зачастую нет точной хронологии создания текста. В тех же случаях, когда имеется автор, то его личность, его Я, намеренно затушевывается и маскируется за понятием «традиция». Создается ситуация, когда со ссылкой на традиционные воззрения, автор так формулирует свою собственную мысль, приводит такие вариации традиций и устанавливает такие сноски на прошлое, что задает головную боль жестким аналитикам, копающимся в прошлом и не могущим найти такой традиции. Ибо очень трудно найти в темной комнате черную кошку, особенно если ее там нет. Ведь дело не в том, что была та или иная традиция, или нет, автор мог просто скромно умолчать о своем открытии и почтительно передать «пальму первенства» прошлому, которого не было в Западном понимании, но обязательно ДОЛЖНО БЫЛО БЫТЬ в понимании Восточном.

В-третьих, время, обращенное вспять. Философия Востока - это философия не возможного будущего, а должного прошлого. Именно должное прошлое есть мерило актуальности настоящего. Цель философствования воплотить идеал прошлого, идеал, дошедший во фрагментах, идеал, искаженный предыдущими его воплощениями. Очистить идеал от недомолвок, излишней узкой конкретности и продемонстрировать его слушателям. Любая философия

— это интеллектуальный проект видения реальности. Восточные философии видят этот идеальный проект в прошлом, Западные философии в будущем (иногда в настоящем). Почему так? Про Восток мы уже говорили, попробуем очертить точку зрения Запада.

Для Западного философа предшественники – это череда абсолютных заблуждений и случайных, тезисных откровений, исправить которые – дело рук очередного Гения, Великой философской школы и т.п. Свершение Гения может быть и не понято современниками, считает Гений, но будет оценено потомками… И в этом смысле любой философский текст Запада проходит по реестру возможного будущего, и осмысливается современниками, опять-таки, с точки зрения актуальности еще не наступившего дня *Завтрашнего*. В этом смысле классическими выглядят фигуры Гераклита и Ф. Ницше. То есть тех философов, которые создали уникальные концепции, но адресовали их не своим современникам, а отдаленным потомкам, философам грядущих веков. Для Востока же, опыт прошлого - бесценный дар, который стоит холить и лелеять, постигая глубину мысли предшественников интеллектуальными усилиями дня *Сегодняшнего*.

В-четвертых, практика есть мерило истины. Восток, вероятно, не знает умозрительной истины. Не в том смысле, что умозрительных истин в его традициях нет, а в том смысле, что истина признается таковой, если ее носитель (обладатель, создатель, репродуктор) демонстрирует предметное, заметное на бытовом уровне воплощение этой истины в собственной, личной жизни. Если добродетель мыслителя вызывает сомнение, если его воля, интеллект, речь не являются

совершенными, то истина, которую он транслирует, весьма сомнительна. Ибо не может быть истина сама по себе, а ее хранитель сам по себе. Для Востока истина - это всегда конкретное, предметное, овеществленное бытие идеального и мыслимого. Пусть эта предметность и странна для прагматика с Wall Street или циника с «Рублевки», но для Востока она – очевидна. Как правило, такая предметность связана с практиками смерти, вечности, порядка, смысла. Предметность должна быть видима или, по крайней мере, угадываема всеми. Пусть не в своей бесконечной полноте, но хотя бы в отдельных своих гранях. И эти грани просто обязаны быть самоочевидны и не нуждаться в излишних объяснениях. Например, невозмутимость *Сиддхартхи Готамы*, искренность *Заратустры*, вежливость *Кун Фу-цзы*.

Для Запада же истина остается истиной и в устах праведника, и в устах нечестивца. Личная честь, достоинство, образ жизни никак не влияет на отношение к истине, которую излагает Западный философ. Истины гомосексуалиста *М. Фуко* и ректора нацистского университета, члена национал-социалистической партии Германии (НСДАП) *М. Хайдеггера*, также почитаемы, как истины пуританина, сидевшего за научную честность в «Сталинских лагерях» *А.Ф. Лосева* и борца движения Сопротивления *А. Камю*. Впрочем, иногда, для Запада мерилом истинности могут выступать личная ученость, научная щепетильность творца, но и они при случае могут быть «забыты». Авторитетность *Т. Гоббса* ничуть не страдает от того, что он осуществлял масштабные интеллектуальные кражи у *Р. Декарта*. А глубочайшее

научное невежество Р. Декарта (он совсем не знал и практически не читал трудов Августина Блаженного, что для его времени - верх интеллектуального моветона) ничуть не принизили его заслуг в глазах современников. В этом смысле Запад крайне умерен и невзыскателен к своим философам, мудрецам, учителям. Более того, знание о предмете, частенько совсем не означает направленности на воплощение этого знания в бытийной реальности. Блестящий *Ю. Хабермас*, так и не озаботился созданием идеального гражданского общества, как действующее политическое лицо… Исключения есть, но они редкость, а их опыты ужасающе плачевны либо для них, либо для их подопечных, а частенько и для всех вместе взятых. В этой связи стоит упомянуть трагические фигуры философов, Великих Философов Запада, которые, претворяя свои философские идеи в жизнь, либо совершили масштабные злодеяния, либо испытали спектр личных трагедий: *Платон*, *Савонарола*, *К. Маркс*, *М. Фуко*. Но при всех их личных и общественных неудачах, при всей их вопиющей непрактичности и предметной несостоятельности учения, они не лишаются доверия со стороны читающей аудитории Запада.

Предложенные четыре пункта это наиболее яркие и существенные моменты, отличающие западные философии от Восточных. Это ось, которая разделяет полушария философской мысли. Это ось, вокруг которой веками кружится философский азарт Востока и Запада.

Вопросы для самоконтроля:

1. Дайте определение понятию «Ориентософия» и приведите его синонимы.
2. Каковы четыре отличительные особенности «ориентософии» от Западной философии?
3. В чем заключается своеобразие понимания феномена «Практика» в ориентософских традициях?

Темы для рефератов и эссе.

1. Что есть Истина для Востока и что есть истина для Западных типов культуры?
2. Будущее как «должное прошлое»: парадокс Восточных философий.
3. Роль мудреца в социальных практиках Восточных и Западных культур.

Лекция 2.
Современные критики и апологеты «Восточных философий».

Опыт компаративистских (сравнительно-аналитических) исследований Востока и Запада насчитывает уже несколько тысячелетий. Он был начат Диогеном Лаэртским еще в Античности, отчасти продолжен Христианско-мусульманским диалогом в Средние века. Он, то возгорался, то затухал. Процесс был достаточно вялотекущим с отдельными взрывными периодами. Так продолжалось до XVIII-XIX вв., то есть до тех пор, пока Европейская мысль в поисках смысла жизни и смысла истины не исчерпала сама себя и Европейские философы не стали систематически искать откровений в текстах Восточных мудрецов. Они, то спорили с ними, то апеллировали к ним, но уже полностью отказаться от смыслов Восточного мудрствования Европа не смогла. Наиболее заметными философскими проводниками, лоцманами в океане восточной мысли стали столь знаковые философы Европы как Г. Лейбниц, Г. Гегель, А. Шопенгауэр, Ф. Шеллинг, Ф. Ницше, Вл. Соловьев. К 1899 году опыт освоения восточных традиций *мышления* мира был уже настолько значителен, что потребовалось обозначить его особым термином, который и был предложен Индийцем Б.Силом: «Comparative philosophy».

В 80-ые годы XX века существуют уже академические организации и авторитетные научные

журналы, посвященные сравнительному анализу Западной и Восточной философии. Крайне серьезно к освоению восточных смыслов подошел писательский корпус. Из-под пера известных классиков и популярных беллетристов выходит цикл книг, в которых разворачивается дискурс особенной, мало на что похожей философии Востока: Т. Манн «Иосиф и его братья», Г. Гессе «Паломничество в страну Востока», А. Экзюпери «Цитадель», Р. Желязны «Князь Света», П. Коэльо «Алхимик».

В нашей отечественной традиции одной из первых ярких фигур, синтезирующих Западный и Восточный формат философствования явилась личность Вл. Соловьева. В советское время компаративистикой активно занимались специалисты из сектора Восточных философий, сосредоточив свое внимание, в основном, на вопросах Арабо-мусульманской, Китайской и Индийской философий. Однако к концу XX – началу XXI века складываются противоречия, заблокировавшие путь для дальнейшего изучения Восточных философий. Попытки освоить мир восточной мудрости в рамках художественной литературы были, но носили маргинальный, спорадический характер. Среди наиболее ярких образцов преимущественно XX-XXI века, можно привести в пример двух классиков, к которым и тяготеет большинство текстов. С одной стороны, псевдоисторическая романистика Л. Соловьева «Повесть о Ходже Насреддине», а с другой – квазифилософская фантастика Г.Л. Олди «Черный Баламут».

Попробуем выявить основания столь неровного, скачкообразного отношения профессионалов к проблеме Восточных философий.

Во-первых, плюрализм понимания термина: «Философия». Что скрывается под этим понятием? Каковы пределы смыслов философии? Нужно ли считать, что это некая реальность, вернее, некий четко определенный, регламентированный канон мысли, созданный в рамках Античности и Нового Времени? Если да, то любая Восточная философия, если она самостоятельна, оригинальна и не соответствует европейскому рационализму 18-19 вв., должна пониматься, как нечто иное, нежели философия. В этом смысле очень классичным и очень последовательным критиком Восточных философий «априори» является *М.Н. Вольф*. Так, например, рассматривая формы и возможности влияния Иранских традиций на раннюю греческую философию *[Вольф, 2006]*, исследовательница выводит эталонность философии именно из образцов Эллады. Более того, тщательно анатомируя саму философскую традицию, исследовательница отсекает все, что выходит за пределы сухого рационализма, отбрасывая прочь любой элемент мифологии, религии, мистики. Даже в том случае, если речь идет об одном мыслителе, например, Эмпедокле, М.В. Вольф четко разделяет его, как философа и, как теолога. Не считая серьезным делом, видеть реальность гармоничной и целостной, предпочитая фрагментировать ее, реальность, на искусственные, существующие атомарно друг от друга капсулы: «Философия», «Теология» и «Миф». Этого, конечно же, реальность никогда не знала. Та же четкая

и последовательная позиция прослеживается в работах М.В. Вольф, посвященных рождению древней греческой философии или Ашаритскому Каламу. Сама же философия понимается как строгая, европейски рационализированная форма обобщения фактов реальности.

Однако столь ясная и четкая позиция редкость среди исследователей. Большинство философов, в том числе таких видных как М.Т. Степанянц, создавая труды по Востоку, предпочитают «уходить» от четкого определения, что такое философия. Выводя формулы о сложнейшем комплексе **верознания** *[Степанянц: 10]*. Отмечая важность «сердца», «универсалий культуры», «ценностей», но не предлагая, пусть и развернутого, но четкого определения, что считать философией. Подливает масла в огонь появление текстов, которые прямо и непосредственно посвящаются именно религиозной философии, в которых предпринимаются попытки все-таки вывести возможность рационально-эмоционального, предметно-мистического познания мира. При этом данные попытки вполне соответствуют самым строгим канонам светского образования и третьему поколению образовательных стандартов РФ *[Воденко, Самыгин]*.

В том же случае, если автор пожелает дать определение понятию «философия», которое было бы универсальным и для Запада и Востока, он будет вынужден добрую треть своей книги посвятить только этому вопросу, лишь позже переходя к основной теме *[Семенов: 3-79]*. При этом он просто вынужден быть оригиналом и создавать учебное пособие или монографию по неклассическому стандарту. Слишком

уж специфична тема, слишком уж трафаретны и не жизнеспособны имеющиеся каноны истории восточных философий.

Во-вторых, отсутствие понимания процесса зарождения философии. Этап появления философских знаний - наименее изученный период в истории философии. Работ, посвященных именно переходному этапу от не философии к философии – устрашающе мало. Продуманных концепций и того меньше. И это речь идет исключительно о Западной или, если угодно, Эллинской философии. По сути, существует одна авторитетная концепция замечательного ученого *А.Н. Чанышева*. Но, созданная еще в 70-80-ые гг. XX века, она безнадежно устарела, как из-за значительного накопления исторического материала, так и в силу расширения методологического кругозора современной философии. Но, тем не менее, ее концептуальные положения считаются базовыми для любой работы общего (а тем более учебного характера), где есть раздел «Древняя философия». Остановимся подробнее на мнении А.Н. Чанышева: «художественно-мифолого-религиозный мировоззренческий комплекс, с одной стороны, и реальные знания и умения, с другой, и составили профилософию. В самом широком смысле слова профилософия — совокупность развитой мифологии (плод воображения) и зачатков, необходимых для жизнеобеспечения знаний (плод деятельности рассудка). Такая профилософия — в своей сущности дофилософская парафилософия — парафилософия без философии. Конечно, о парафилософии можно говорить лишь тогда, когда образовалась философия. Тогда философия - ядро. А

парафилософия - скорлупа. Тогда философия — Солнце. А парафилософия — солнечная корона. Но если ядра нет, то парафилософия - лишь туманность, в которой еще предстоит зародиться звезде. В более узком смысле слова профилософия - то, что и в мифологии, и в начатках наук непосредственно послужило генезису философии. В мифологии это стихийная постановка мировоззренческих, больших вопросов. По меньшей мере, установка на большие вопросы. В начатках наук - это не столько сами" знания, сколько развитие мышления, самого научного духа и научного метода, интеллект. Далее в комплексе профилософии начинается взаимодействие ее мировоззренческой и протонаучной частей. Плод этого взаимодействия - переходные формы между мифологией и философией. Так что в еще более узком смысле слова профилософия — именно эти переходные формы между мифологическим и философским мировоззрением. В самом же узком смысле слова профилософия - противоречие между основанным на эмоциональном и нерациональном воображении мировоззрением и начатками научного трезвого мышления, между фантазирующим мифотворчеством и зарождающимся научным методом и критическим мышлением. Таковы духовные предпосылки философии.

Как возникла философия

Философия возникла как разрешение противоречия между ХМРМК и интеллектуальной деятельностью человека, связанной с решением реальных задач жизнеобеспечения рода и племени. Разрешение этого противоречия состояло в том, что до

сих пор ограниченный узкими рамками практических задач интеллект вторгается в область мировоззрения и интеллектуализирует его. Так возникает философия как интеллектуальное мировоззрение. Философия наследует от мифологии как мировоззрения установку на большие вопросы, а от интеллекта - установку на их решение логическими средствами. Эта интеллектуализация не сводилась, как думают некоторые исследователи философии, к одному лишь изменению формы мировоззрения путем замены образов на понятия, концептуализацией мифологических образов, переводом мировоззрения с языка мифологии на язык философии, притом, даже таким, что всегда возможен обратный перевод. Нет, возникновение философии было не только формальным, но и содержательным переворотом в духовной культуре. Выше мы отмечали, что мысль о генетическом первоначале была дополнена мыслью о начале субстанциальном. И это произошло как раз в связи с генезисом философии. Появляется новая проблематика, например, проблема познания мироздания. Появляется идея неумолимой безликой объективной необходимости» *[Чанышев: 19-20]*. Эта теоретическая схема сталкивается с серьезными трудностями практического характера. Современное развитие египтологии, синологии, да и любой другой части древнего Востока, входит в прямое противоречие с набором тех доказательств, которые были, возможно, и актуальны, но лишь для 80-ых гг. XX века. Более того, вызывает некоторое сомнение методика анализа события, когда созданная автором схема раздавливает объективную реальность, подгоняя ее под свои нужды.

Характерный пример: «Для Аристотеля философия - игра. Философия - достояние свободного человека, который существует сам для себя, а не для другого, как раб. Философия возникает для наилучшего время препровождения. Однако влияние философии бывало и трагическим. Известно, что некий Клеомбрат, прочитав сочинение Платона «Федон» и приняв его всерьез, бросился в море (См. Платон. Сочинения в 4-х томах. Т.2. С.498-499). После лекций александрийского философа Гегесия многие слушатели кончали самоубийством. Мы же скажем, что философия возникает для удовлетворения общественной потребности в новом мировоззрении» *[Чанышев: 20]*. Столь вольная игра с историческим фактом, «рихтовка» мировоззренческих норм, одним словом, мало уместная модернизация реальности – приводит к тому, что очень интересная концепция с целым спектром важных и оригинальных идей полностью компрометирует себя при предметном анализе. Так, например, в ином месте своей книги А.Н. Чанышев заявляет: «…философия возникла в пределах меднобронзовой полосы древней цивилизации (40° — 20° сев. широты) и в Китае, и в Индии, и в Греции. Что же касается стран Ближнего Востока, то там (Вавилония, Сирия, Финикия, Иудея, Египет) была возможность возникновения философии в форме профилософии (особенно в Вавилонии и Египте, где высокого уровня достигли протонауки), но эта возможность не реализовалась из-за персидского нашествия, в результате которого Персидская сверхдержава поглотила все эти древнейшие цивилизации и культуры» *[Чанышев: 22]*. Мысль дельная, но огульное выведение знаний Ближнего

Востока в формат профилософии совершенно не соответствует целым пластам современных знаний о некоторых странах региона, а объяснение невозможности развития профилософии в философию – Персидским нашествием, крайне наивно и не соответствует реалиям тех лет. При этом просто блестящие догадки А.Н. Чанышева так и не нашли своего развития в его же собственном тексте: «Возникновение философии не означало исчезновения той среды, из которой она выделилась. Она продолжала существовать в искусстве как 1а) субъективно-художественное мировоззрение, как 1в) мифологическая аллегория и как 2) мировоззренческая часть религии. С возникновением философии профилософия, разумеется, не исчезает. По отношению к философии она становится парафилософией. Мифология продолжает существовать в искусстве, в религии, в обыденном сознании. В своем мировоззренческом значении она уже ограничена философским мировоззрением. Однако взаимодействие между философией и мировоззренческой профилософией (здесь «про» уже в логическом, а не в историческом аспекте, т. е. мировоззренческой парафилософией) продолжается. Что касается науки, то благодаря философии она получает некоторый простор для дальнейшего развития до ступени теоретического знания. Но это главным образом в Европе» *[Чанышев: 24-25]*[8].

Очень важны наблюдения и разработки автором понятийного аппарата рождения философии: «Термины

[8] О критике А.Н. Чанышева можно также прочитать в статье журнала Вопросы философии [Емельянов, 2009]

«профилософия» и «парафилософия» полезно дополнить термином «протофилософия» («первичная философия»). Протофилософия — перворожденная философия, философия, только что возникшая из мифологии под влиянием развивающегося мышления и несущая на себе родимые пятна социоантропоморфического комплекса. Для протософии характерны значительные пережитки мифологии, неразвитость философской терминологии, слабое развитие самосознания, стихийность, а также отсутствие сколько-нибудь четкого расчленения на материализм и идеализм, что является плодом лишь достаточно зрелой философии» *[Чанышев: 25]*. Однако четкой проработки границ понятий так произведено и не было, да и методика противопоставления «идеальное-материальное», как лакмус истинной философии – существенно устарела.

В последние годы, в том числе и на русском языке, вышел цикл интересных работ, в которых на предельно эмпиричном уровне рассматриваются достижения народов Ближнего Востока в создании и развитии протософии, как первого этапа развития философии, но при этом начисто игнорируется схема А.Н. Чанышева [Емельянов, 2009; Емельянов, 2015; Жданов, 2012; Жданов, 2013; Матвейчев, 2015; Рассоха, 2015]. По сути, речь идет о создании предметного комплекса протофилософских концепций, идей, образов, символов, логик культур Ближнего Востока, ранее совершенно не входивших в поле зрения отечественных ученых. Уже в настоящее время стало возможно провести первичное обобщение накопленного материала и выйти на принципиально новый уровень понимания генезиса

философии на Западе и ее аналога на Востоке. Конечно, этот этап займет не одно десятилетие, но первые шаги, гипотезы и наброски можно уже сделать прямо сейчас.

В-третьих, путаница терминологии. Очевидно, что философия имеет свою специфическую реальность (иначе, откуда споры о наличии философии на Востоке). Причем эта реальность носит онтологический и безусловный характер. Как средство снятия противоречия автор уже предлагал (см. первые лекции) ввести термин *«Ориентософия»*. Но что делать с этапом зарождения этой самой ориентософии? Также клеить ее по лекалам классической Эллинской философии, как это сделал А.Н. Чанышев? Но теперь уже очевидно, что сделал он это не удачно. Его разработанная (очень, надо сказать, продуманная и мастерски сработанная) матрица понятий появления философии оказалась не работоспособной на практике.

В этом смысле *считаем уместным, дабы избежать излишних усложнений, ввести термин «Протософия»*. Протософия - это некая реальность, существовавшая до появления групп людей, которые образом своей жизни сделали занятия мудростью. Они посвятили свою жизнь и смерть мудрости, эти люди в глазах окружающих приобрели статус - мудреца[9]. Пришло осознание, что между Западом и Востоком имеются существенные различия, но также и понимание, что эти различия возникли только с определенного этапа интеллектуальной истории. Думается, *будет верным объединить под понятием*

---

[9] Развернутое представление о феномене «мудрости» и ее генетических связях с классической философией см: *[Лазарев, Трифонова: 25-100]*.

«протософия» весь этап зарождения и появления нового вида духовной жизни, который был подобен и для Запада, и для Востока, но который с определенного времени (примерно с середины I-го тысячелетия до н.э.) стал трансформироваться для Запада в «философию», а для Востока в «ориентософию».

В тексте будет время от времени встречаться термин «Протофилософия», в том случае, когда речь пойдет об анализе концепций иных авторов, когда же речь начнется о личной точке зрения автора данного пособия и выстраиваемой им модели генезиса ориентософии, то будет звучать понятие «протософия».

Вопросы для самоконтроля:

1. В чем отличие профилософии от парафилософии?
2. Дайте определение понятию «Протософия».
3. Какие синонимы к понятию «Протософия» Вам известны?

Темы для рефератов и эссе.

1. Понятийный аппарат А.Н. Чанышева (к вопросу о генезисе философии).

2. Каковы перспективы изучения генезиса ориентософии?

Лекция 3.
Протософия как этап развития философских традиций.

Отечественная историко-философская мысль знает массу ярких работ, посвященных протософии. Можно и нужно привести такие имена как *А.Ф. Лосев, А.Н. Чанышев, Г.В. Драч*. Однако в основной своей массе литература о протофилософии затрагивает регион Восточного Средиземноморья, а также, отчасти Индию и Китай. Создается впечатление, что философия зародилась локально, в отдельных, маленьких пятачках Евразии… А потом, вдруг стала особой формой мировоззрения сразу для большого числа человеческих коллективов. Этап от зарождения к ее развитым формам как-то опущен в классических работах, негласно свидетельствуя, что протофилософское знание просто заимствовалось одной культурой у другой, причем сразу в готовом виде. Но так ли это?

Философия и философские усилия в культуре (жизни отдельного человека, политической силы, или, скажем, государства) не возникают вдруг, неожиданно, по щелчку пальцев. Философию невозможно взять и перенести из одной культуры в другую, как традицию почтения перед определенным дворянским титулом или чувства наслаждения от вида мраморной скульптуры. Вполне возможно перенести и, притом весьма

стремительно перенести (при жизни одного поколения), определенное религиозное чувство и юридические правила. Этот перенос может затронуть тысячи людей, перемешать напластования традиций и привести к системному изменению культуры. Но с философией подобное – невозможно. Для внедрения философии в структуры цивилизации и культуры необходим труд поколений мыслителей, которые в глазах тысяч и тысяч будут считаться либо великими Чудаками, либо великими Учителями. Нужны интеллектуальные пробы и ошибки, трагедии и фарсы, чтобы философская традиция сменила место своей культурно-цивилизационной прописки. Особенно сложен перенос философии в культуру, которая никогда не имела представления о философском способе освоения мира. Уровень сложности и процессуальной длительности рождения философии в мире, который *никогда* не имел ни примеров философствования, ни собственного философского опыта, одним словом, в мире, который *впервые* в человеческой истории родил философское знание из самого себя – неимоверно выше и протяжённой чем при переносе уже готовых образцов мудрствования.

Появление философии традиционно относят к VII-VI вв. до н.э., когда в Элладе, Индии и Китае появились люди, чьим долгом и профессией стала работа с истиной и мудростью. С легкой руки *К. Ясперса*, этот период (вплоть до I в. н.э.) получил название «Осевого

времени» (правда, для самого К. Ясперса это период великих Учителей человечества, к которым он зачислял не только философов, но и религиозных проповедников). «Осевое время» получило название не случайно, как не случайно и почти мгновенное принятие ученым сообществом этого термина. Осевое время это, образно говоря, невидимый стержень, вокруг которого спиралью вьется история человечества с древнейших времен до наших дней. Это период станового хребта человеческого знания, ибо большинство истин, которыми мы с Вами сейчас владеем родом из «осевого времени». Абсолютное большинство специалистов с этим согласно, более того, классичным, также считают утверждение, что в рамках осевого времени (VII-VI вв. до н.э.) и произошло рождение философии. Но прежде всего, это столетие рождения философии Эллады (*Милетская и Италийская школы*, первые *Атомисты* и *Софисты*, в конце же периода – величественная фигура *Сократа* и Золотая эра эллинской (читай, мировой) философии: *Платон* и *Аристотель*).

Но вот вопрос: «Что было до Фалеса, Пифагора, Анаксимена, Анаксимандра, Эмпедокла?» То есть до тех, кого большинство считает *первыми* философами. Неужели Фалес, однажды проснувшись, понял, все, он – философ, а весь мир, как сообщество зомби, закивав в ответ, признало, что появилось новое мировоззрение - философское? Конечно же, столь мистический ход

вещей пусть и прост, но далеко не объективен. Специалисты на многочисленных примерах, применяя изумительные логические, лингвистические и эстетические приемы показывают, что процесс рождения философии затянулся как минимум на 100-150 лет. Многие культуры обладали предпосылками и возможностями к созданию философского стиля мышления, но лишь некоторые из них реализовали свои возможности. Этот этап рождения, то есть период, когда *ничто*, начинает свои трансформации в *нечто*, когда еще нет философии, но уже есть ее *вероятие*, ученые называют по-разному: *предфилософия, дофилософия, протофилософия*[10].

Пока остановимся на этом обозначении и попробуем вновь задать вопрос. А что же было *до* предфилософии (протософии)? Ответ однозначен – стихия мифа, ибо философия (как и религия) отсутствовала в первобытном обществе и отнюдь не всегда являлась спутником человека. Итак, до протософии на планете Земля властвовало мифологическое сознание и мифологическая культура. И что же? *Вдруг*, в недрах мифа, никогда не знавшего своих альтернатив, ибо кроме него, мифа, ничего собственно и не было, *неожиданно* в *некоторых* культурах, в *отдельных* географических точках, в VII-VI вв. до н.э. появляется та самая дофилософия

[10] В предыдущей лекции для обозначения специфического этапа зарождения философии и ориентософии мы ввели термин «протософия».

(предфилософия, протофилософия, протософия). И спустя столетие она становится *настоящей* философией, но… исключительно в Элладе? А между тем, древнейшие цивилизации появились уже в III тысячелетии до н.э. (более чем за две тысячи лет до рождения первых протофилософов!). Эти цивилизации имели свою письменность, обширную литературу, значительнейший багаж научного знания (в диапазоне от математики до филологии), сложные, уже не мифологические, а религиозные воззрения, системное знание о социально-политических и правовых аспектах реальности. При этом все они имели отношение исключительно к Востоку: Египет, Месопотамия, цивилизации долины Ганга и Янцзы. Но вот незадача, философией они так и не сумели обзавестись, а некоторые даже и протофилософию не сумели сформировать. Многие из перечисленных культур являлись на протяжении веков своеобразным центром «повышения квалификации» для эллинов, но сами на протяжении тысяч (!) лет так и не поняли, что же, такое они создали и открыли. Не смогли увидеть перспектив собственного таланта и трудолюбия. И лишь философы Эллады сумели аккумулировать лучшие их достижения. Несколько наивно, не правда ли?

Итак, суммируем наши сомнения.

Во-первых, не ясно каким именно набором протофилософий обладали культуры вне Эллинского мира. Так ли уж они были беспомощны в опытах и

попытках философствования? А если они и не смогли оформить свой гений в протофилософию или в философию, то, что же именно им помешало в этом процессе?

Во-вторых, неясен этап перехода и верифицируемый маркер факта перехода от протософии к собственно философии. Разночтения среди экспертов присутствуют уже при обращении к самой изученной протософии мира – Эллинской традиции. Более того, существующие (пусть и противоречивые, но вполне обоснованные и элегантные) попытки маркировать переход протософии в философию у эллинских «ловцов мудрости» совершенно беспомощны, наивны и, по-младенчески, умилительны, для маркирования того же процесса в Индии и Китае[11].

В-третьих, широкая учебная литература практически не упоминает о заимствованиях протофилософских идей[12] древними цивилизациями друг у друга, их взаимном обогащении протофилософскими текстами. Иное дело специализированные научные издания: монографии, статьи, тезисы. Они переполнены спорами, открытиями, дискуссиями, хлесткими репликами и массой частных мнений исследователей. К сожалению, вся эта буря

---

[11] Не говоря уже о столь дискуссионных вопросах, как связка «Протофилософия-Философия» в Палестине, Иране и т.п.

[12] Не философий, а именно *идей*. Не сложившихся протофилософских систем, а отдельных их методик, восприятий, понятий и пр.

носит сугубо прикладной характер, касается частных вопросов отдельных периодов отдельных культур и не является «общим местом» в обобщающих текстах, коими по праву являются учебники и учебные пособия.

В-четвертых, классическая схема упоминает протофилософии Эллады, Китая и Индии, но почему же, только их? Разве отсутствовала протофилософия Египта (III тысячи лет литературной традиции), Шумеро-Вавилона (III тысячи лет опыта создания шедевральных литературных памятников), Ирана (IV тысячи лет интеллектуального творчества со сменой нескольких стилей письменности), Хеттов (700 лет литературной традиции), Ассирии (6 веков переводческой и литературной деятельности)? Речь идет о культурах с крайне разветвленной социально-политической системой, отточенным математическим чутьем, развитым литературным языком, блестящим воображением и тонкой эстетической чувствительностью. А уже это вызывает как минимум сомнение в исключении заявленных традиций из этапа протософии рода Человеческого. Ведь не лишним было бы понять, что они такое были, а только потом делать вывод об их философской импотенции. Без этого история философии Востока, да и мировая философия будут явно неполными и, несколько, однобокими.

Заявленные четыре пункта сомнений в своей совокупности свидетельствуют, что уже имеющаяся обучающая схема истории философии утратила доверие

и нуждается либо в модернизации, либо в альтернативе. Уместно оформить новую схему предварительно именно в рамках универсального курса «Истории Восточных философий» и в случае его успеха, перенести полученную матрицу на специальные философские дисциплины. Последнее, впрочем, дело далекого будущего, а нам надо начинать с малого. Этим малым должна стать именно протософия. Работа с протософией и выстраивание новой схемы освоения ее истории поможет решить:

1. Почему в одной культуре появляется и философия, и философы, а в другой нет.
2. Какие формы может принять протофилософия, а, следовательно, и философия в специфическом ментальном, эстетическом, религиозном, короче, культурно-цивилизационном окружении.

Почему именно протофилософия поможет ответить на эти два вопроса? Ибо в протософии заложен генотип развития философии в целом, подобно тому, как в малом зернышке заложен генотип могучего и плодоносящего колоса. Более того, изучая протофилософию, ее мутации, механические повреждения, наносимые извне, можно многое понять не только о развитии философии в прошлом, но и перспективы мутагенеза философии современной.

Когда же появляется стремление к философскому осмыслению мира? Очевидно, что если чего-то не было,

а потом нечто появилось, на то были некие особые условия, совпадение которых и позволили этому самому *нечто* появиться на свет. Данная мысль верна не только в отношении биологической репродуктивности особей, но и в отношении философского знания. Известны три условия появления философии, совпадение которых неминуемо ведет к появлению, как минимум, протософии.

Во-первых, появление нестандартных проблем, которые не имеют опыта разрешения. Причем проблем, игнорирование которых ведет к гибели культуры и цивилизации.

Во-вторых, наличие значительной меры свободы от ежедневного, изнурительного и необходимого для выживания физического труда.

В-третьих, способность удивляться и как результат стремление донести свое удивление до другого.

В мире, где известны рецепты от всех проблем, где бытие Человека направленно на физическое выживание, где все, что происходит, измерено, взвешено и определено – философии нет, и не может быть.

В среде охотников и собирателей, когда любая неясность, это неминуемая смерть. Когда каждый день идет борьба за жизнь, удивление — это неминуемое замедление реакции, притупление восприятия физических шумов, а значит опять-таки смерть. В такой

среде рождение философии вещь не мыслимая. Также мало возможна философия *вне* письменности, правда, в силу иных причин. В таких не письменных культурах трудноосуществим процесс передачи удивления, отсутствует опыт сравнения в связке «Тогда-Сейчас». Одним словом, Философия может появиться в культурах, имеющих письменность, обладающих возможностями дать определенному кругу лиц свободу от борьбы за свою жизнь, свободу от ежедневной борьбы за минимальное количество пищи. Ну и, конечно же, уровень письменности должен вырасти в таких культурах до статуса литературы (а не банальных хозяйственных записей). Статус литературы - это наглядное, легко определяемое исследователем мерило способности удивляться и удивлять других. Дело за малым, наложить предложенную сетку на известные нам культуры древности и определить, которая из них попадает под все три условия (с сопутствующими комментариями), а, следовательно, теоретически могла обладать протософским знанием. К таковому типу культуры при тщательном размышлении следует отнести:

- Египет (с первой трети III-го тыс. до н.э.).
- Культуры Месопотамии.
  - Шумеро-вавилонская (с середины III-го тыс. до н.э.);
  - Хатти (с начала II-го тыс. до н.э.);
  - Ассирия (с середины II-го тыс. до н.э.).

- Восточное Средиземноморье.
  - Сирия (с конца II-го тыс. до н.э.)
  - Палестина (с конца II-го тыс. до н.э.)
  - Финикия (с конца II-го тыс. до н.э.)
  - Иония (с начала I-го тыс. до н.э.)
- Иран (с начала I-го тыс. до н.э.)
- Индия
  - Хараппа и Мохенджо-Даро (с середины III-го тыс. до н.э.)
  - Ведийская цивилизация Индии (с конца II-го тыс. до н.э.)
- Китай (с середины II-го тыс. до н.э.)

Не учтенные культуры и архаические сообщества (Япония, культуры арабо-мусульманского мира, Тибет, Россия) пришли на арену истории, *уже* имея опыт предшественников, компендиумы шедевральных философских текстов и практик. В этом смысле значительную часть их философских традиций следует по факту их рождения считать – вторичными. Еще раз отмечу, всегда по факту рождения, но отнюдь не всегда по глубине мысли, живости изложения и степени влияния на эпоху.

В предложенном списке указана дата, когда исследователь смеет надеяться увидеть факты, свидетельствующие о конкретной форме протософии. Не стоит считать эти даты началом культуры в целом. Эти два феномена: культура и протософия, безусловно, взаимосвязаны, но очень и очень однобоко. Вне

культуры - протософия не мыслима, а вот сама культура может прекрасно обойтись и без протософии. Мы еще увидим, как многие протософии, едва проклюнувшись, тут же исчезали, а культуры жили и цвели долгие столетия после их смерти. Но не раз отметим и удивительный феномен. Культура исчезла, разрушена, забыта, а вот ее протософия бережно и заботливо была сохранена соседями (завоевателями) и продолжала жить в культурах иных цивилизаций, этносов, эпох.

Какие же проблемы встают перед исследователем протософии Востока? А они должны быть весьма и весьма значительными. Ведь если б не было трудностей и препятствий, то звучал бы слитный хор исследователей-единомышленников, одинаково толкующих этот этап. Но хора нет. Отдельные сильные голоса раздаются, но слитностью и согласием они не отличаются.

Первичная трудность, на первый взгляд, смешна и восхитительно абсурдна. Сформулируем ее следующим образом: *«Историки не желают быть философами, а философы не могут быть историками»*. Другими словами, историки накопили обширный багаж знаний по интересующим нас культурам, он получил очень тщательное, талантливое, нередко гениальное прочтение. Правда, лишь в рамках компетенции истории, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, искусствоведения, лингвистики, антропологии, культурологии. Но вот философского

прочтения – нет. Отдельные аспекты, поднятые редкими отечественными и зарубежными авторами в силу их конспективности, спорадичности, отсутствия пролонгации и школ учеников – не в счет. И очень часто получается так, что когда профессионал высочайшего класса, профессионал египтолог или синолог обозначает некое явление культуры как философское - на самом деле оно оказывается чем-то иным, нежели философией. Ведь для него философия – это не более чем аббревиатура, несколько строк энциклопедии. Несколько строк, просто взятых для своих нужд профессионалом от арабистики или индологии. За этими строками у профессионала не стоит аргументация и системный анализ, а всего лишь мерцает сжатая, энциклопедически краткая, тезисная информация. Философы, в свою очередь, с трудом разбираются в нюансах датировки артефактов, не понимают структуры такого сложного явления как «Закрытый археологический комплекс», смутно представляют себе, что такое «Исторический источник», весьма небрежны в деталях и уж очень фантазийны в интерпретации спорных исторических фактов. Так, например, коллеги-философы тотально отрицают существование в Вавилоне протософии, совершенно не принимая во внимание значительности вавилонской литературы[13].

[13] Более 30 тысяч наименований и притом значительной частью не только не прочитанных, но даже неопубликованных, в таких условиях следовало бы, не отрицать, а осторожно сомневаться в существовании протофилософских текстов.

Эта трудность не характерный недостаток отдельного исследователя, а проблема объективная, и в полной мере, вероятно, совершенно не преодолимая. Ибо даже при самом большом и блистательном таланте ты не сможешь быть *специалистом во всех* эпохах, *во всех* культурах, *во всех* периодах истории Востока. А значит, ты неизбежно продемонстрируешь в своем тексте собственный непрофессионализм в отдельных областях знания или исторических периодах. После этого, опять-таки, неизбежно попадешь под огонь критики, критики вполне справедливой, обоснованной и от этого еще более не переносимой твоим самолюбием. Но *преодолевать* трудности всё-таки надо. Преодолеть – нельзя, но *преодолевать* необходимо. Как это сделать? Очень «просто». Расширяя свой кругозор, погружаясь в исторические «мелочи», пестуя свою философскую методику, сглаживая углы своего очевидного невежества и терпеливо учась на тех справедливых попреках пусть и узких, но талантливых и знающих экспертов.

Стоит отметить, что в таких условиях редко кто считает возможным осуществлять широкие обобщения, проводить параллели, отслеживать концептуальное развитие и становление философии в масштабах всей Евразии в течение нескольких тысячелетий. От того то наши теоретические знания в протософии скудны. Скудны при наличии роскошного фактологического материала, но материала, «спрятанного» в

узкоспециализированных изданиях для профильных экспертов.

Вторичная трудность. Философская мысль обязана быть зафиксирована в тексте, причем не устном, а письменном (выше мы это уже обсуждали). Только в таком случае возможна ее передача и научение ей на протяжении веков, а не жизни пары поколений. В противном случае, неизбежно искажение мысли. Ее трансформация в миф, легенду, анекдот и, наконец, забвение уже через каких-нибудь 500-700 лет. Эти-то тексты и должны стать предметом философского анатомирования и изучения эпохи протософии. Но много ли таких записей мы имеем? С точки зрения обывателя наше знание о первых философах и протофилософах – это фактически истина из первых рук, чуть ли не рукописи самого Будды, Фалеса или Конфуция. Но это не так.

- Первые записи известных нам философов древности (которые абсолютно точно определяются как философские или протофилософские идеи) это тексты середины I тыс. до н.э., а то и вообще середины нашей уже эры. Причем частенько это отдельные фрагменты у более поздних авторов. Так, например, у Аристотеля (IV в.до н.э.) имеются отдельные цитаты из трудов Фалеса (VI в. до н.э.) на физическом носителе IX-X в. н. э. Иными словами Фалес *нечто* написал, но этот текст был утерян. Спустя два века после смерти Фалеса,

Аристотель *нечто* прочитал (либо текст Фалеса, либо позднейшую копию с его книги, либо цитаты Фалеса у третьего автора – неизвестно) и процитировал из прочитанного *нечто*. Спустя 10 веков (одна тысяча лет!), после сотен переписок от руки этого нечто, появился текст, который мы можем пощупать и увидеть в оригинале. Авторство получившегося текстуального *нечто* мы приписываем Аристотелю (часто ошибаемся, часто неправильно переводим, путаем последовательность строк и т.п.). И вот после всех этих мытарств на основании цитаты из этого текстуального *нечто* о Фалесе мы реконструируем совершенно нам неизвестную философию Фалеса 26 вековой давности. Сверяя верность реконструкции из других текстуальных *нечто*, авторство которых приписывается или Диогену Лаэртскому, или иному философу, который в, принципе, повторил путь текстуального *нечто*, вроде бы как, Аристотеля. Так насколько же точно мы можем судить об основателе эллинской философии Фалесе? Очень неточно и очень приблизительноМожно ли в таких условиях датировать факт рождения философии? Ориентировочно, с массой оговорок и бесконечными перепроверками.

- В отдельных случаях протософия дошла до нас в весьма впечатляющих многосотстраничных

литературных памятниках. Например, комплекс Ригведы. Лингвисты относят создание комплекса к IX в. до н.э. Правда текст на физическом носителе того периода – нам не известен. Оригинал редактировали, переписывали, расширяли новыми устными текстами, сокращали, перекомпилировали, снова переписывали… и так вплоть до Средних веков – около полутора тысяч лет! То, что над текстом проводили эти операции - совершенно точно, но как отследить эти операции во всех или большинстве случаев – совершенно неизвестно. Попытки выявить в этом ворохе смыслов то самое зерно, которое можно отнести к протософии Индии, пытаются уже целые поколения филологов и историков, но конца и краю этой работы еще не видно. Большинство результатов перенасыщены концептами «вероятно», «скорее всего», «быть может», «не исключена вероятность», - какая уж тут точность! Поэтому вместо текстов протофилософских мы имеем густую смесь, как собственно протософии, так и развитых философских традиций последующих эпох, с которыми и вынужден работать философ-индолог.

- Иногда мы не знаем почти ничего о литературе той или иной культуры. Вернее, знаем, но устрашающе мало. Обладаем несколько сотнями текстов, которые, правда, датированы очень точно, но что осталось «за бортом» известных текстов? Ведь

иногда мы обладаем лишь одним небольшим текстиком на сотню-другую лет культуры! Об этом мы можем судить только по имеющимся образцам. Поэтому приходится снова и снова заниматься реконструкцией нам не известной реальности на основе мизерных данных. Снова и снова мы формируем не достоверную, а вероятную картину.

Таким образом, анализируя протофилософию, историк философии лишен роскоши точного знания текстов той эпохи по трем выше изложенным причинам. Он вынужден заниматься реконструкцией, всегда балансируя на грани объективной достоверности и личной фантазии. Снова и снова он вынужден тщательнейшим образом осмысливать и, почти физически, ощущать границы между достоверностью исторического факта[14], реконструкциями узкого специалиста и достоверностью факта философского[15], оформленного им самим.

Гимн о сотворении мира (Ригведа X. 129)[16] есть исторический факт (он имеет свой материальный

---

[14] Исторический факт это – реальность, зафиксированная в конкретных физических предметах, прошедших апробацию через публикацию и критическое обсуждение узкими специалистами.

[15] Философский факт это – обобщение предметно-духовной реальности в диапазоне от вероятного до должного с определением параметров действительного.

[16] Когда речь идет о классических текстах древности, ссылки на то или иное место текста не оформляются в традиционном виде: название книги, издательство и т.д. В таких случаях используется в круглых скобках название классического источника, затем римская цифра – глава или номер книги, затем арабскими цифрами

носитель, свой язык, свои варианты строго ограниченного перевода и т.д.). А вот *значение* этого гимна для формирования философского мировоззрения культур Древней Индии – факт философский. Далее. Космогонический характер гимна – исторический факт, а *фиксация* высокой способности авторов текста к удивлению, их отточенное мастерство в постановках вопросов, за которыми стоит долгая интеллектуальная традиция – факт философский. В последнем случае нет физических текстуальных носителей опыта и ошибок в овладении мастерством постановки вопроса, нет материалов, которые бы свидетельствовали о формировании традиции постановки вопросов крайне далеких, как от первобытного сознания, так и от мифа. Но для философа уже само наличие высокого уровня постановки вопросов в указанном гимне свидетельствует о *неизбежности* наличия такой традиции и дает повод анализировать то, что не имеет своего физического носителя. Дает повод говорить об очевидной реальности без конкретных доказательств в виде наличия конкретного текста.

«Гимн всем богам» (Ригведа III. 54) - поздний слой Ригведы – это не исторический факт (ибо нет датировки создания этого гимна, а только условное соотношение с

параграф, стих, строка. Разбивка классических текстов на цифирные строки и стихи является международной и была проведена еще в Новое Время. Каждый новый источник, вновь найденный археологами или архивистами тщательно, разбивается по указанной схеме и только в таком виде публикуется.

остальными главами в формате «более поздний», «более ранний»). Указание на поздний слой - это мнение узких профессионалов, которое основано на аналогии с комплексом исторических фактов, зачастую известных только очень ограниченному кругу лиц (характер упоминания того или иного термина, понятия; упоминание определенных социальных процессов и т.п.). Но историческим фактом такое мнение совершенно не является до тех пор, пока не обретет своей предметности в виде материального носителя с точной датировкой его физической природы. В этом смысле, мнение узких профессионалов может и расходиться с философским фактом. Например, в приведенном случае философский факт состоит в том, что данный гимн – это пробуждение Разума, который только учится ставить вопросы. Тогда как позже, например, в Мокшадхарме, уже имеется вкус и стремление к четким ответам. А значит, «Гимн всем богам» относится не к поздним, а к средним или, даже, ранним слоям Ригведы.

Иное дело исторический факт. Исторический факт есть альфа и омега любого «узкого» или «широкого» специалиста, академического ученого или популяризатора науки, историка или философа. Исторический факт ни в коем случае не должен противоречить факту философскому. Если же это происходит, правда всегда на стороне исторического факта.

Завершая методологические эскизы к циклу лекций, посвященных *протософии Востока,* призываю Вас быть чуткими как кошки, дабы не пропустить мига откровения мыслителей прошлого. Призываю Вас быть *недоверчивыми* как кошки, с большим сомнением и деликатностью обращаться с крупицами тысячелетней мудрости. Призываю Вас быть *всеядными*, как кошки – не брезговать поэзией, прозой, надгробной эпитафией. Призываю Вас быть *независимыми*, как кошки – не ронять свое достоинство исследователя даже в самых щекотливых и неприятных для Вас открытий истории.

Вопросы для самоконтроля:

1. Какова география распространения протософских идей?
2. В чем заключаются ключевые проблемы в изучении протософии?

Темы для рефератов и эссе.

1. Три условия появления философии.
2. «Философский факт» как понятие гносеологии.
3. Древняя литература и протософия: уровни и формы взаимосвязи.

Лекция 4.
Протософское знание в Египте и Месопотамии.

Египет

Что нам известно о философии Египта в эпоху до Македонского завоевания, кроме наличия сугубо отрицательного знания об отсутствии там философии? Вопрос не так прост, а ответ не столь очевиден, как кажется на первый взгляд. Ведь отсутствие чего бы то ни было нельзя считать фактом, ибо, как учит логика, отрицательные утверждения не являются истинными. Если не было философии, то было нечто иное. Нечто, что задавало цивилизации Древнего Египта нравственную систему координат, системность абстрактного мышления, структурность в решении политических и хозяйственно-административных проблем, одним словом нечто, что наполняло смыслом цивилизацию земли Кеми[17]. Ведь пирамиды, мумии и «Книга мертвых» это далеко не весь Египет. Египет - это три с половиной тысячи лет развития письменности. Египет - это три тысячи лет непрерывного в своей исторической преемственности развития политики, экономики, культуры, религии, нравственности. Это более 30 веков создания архитектурных шедевров, изысканных математических решений, гениальных

[17] Так назывался Египет в древности. Также вероятные формы его самоназвания: Та-кемет, Та-мери, Та-уи.

астрономических обобщений, напряженных литературных поисков, успешных военных свершений, смелых торговых экспедиций. Египет - это 30 веков ожесточенной внутри социальной борьбы, череда военных вторжений извне и бесконечное обаяние древностью, под которое попадал очередной завоеватель или «революционер». Другими словами, в Египте, все три условия появления протософии, заявленные в предыдущей лекции, имели место быть.

Египет - это цивилизация, укорененная во времени, как ядро ореха скрыто в скорлупе. Развитая традиция познания прошлого, фиксация в камне и папирусе настоящего и тотальное отсутствие будущего. В общем и целом, для египтянина – прошлое священно, деяния предшественников – повод к эстетическому наслаждению в настоящем. А что же, все-таки насчет будущего, как это так, оно отсутствовало? Дело в том, что вместо грядущего, как растянутой реальности, для египтянина единственный объективный факт – личная смерть и личная бесконечность в смерти. Это – барьер для личности Египтянина, пытающейся оценить будущее, как феномен социума или государства. Лишь отдельные мудрецы осмеливались мыслить о будущем Египта, которое наступит *после их смерти*. И память об этих мудрецах вселяла трепет в сердца живых. Живых изумляло не столько наличие рецептов как жить, а то, что мудрецы увидели и описали реальность, наступившую после их смерти, сумели оформить свои рекомендации по недопущению того, что еще не произошло. От этого умения обычных людей заглянуть за порог своего личного небытия, и зафиксировать возможный/должный вариант жизни иных людей после

своей личной смерти, целые поколения египтян впадали в священный ужас. Но причем здесь протософия, или ориентософия?

Во-первых, возможно ли чтобы цивилизация, столь тонко чувствующая оттенки времени, столь ярко проявлявшая себя более 30 веков, так и не смогла породить то, что называется философия? Цивилизация, давшая толчок к развитию Фалеса, Солона, Платона, так и оставалась (3 тысячи лет!) зависшей между мифом и зачатками науки?

Во-вторых, если «первое» верно, то не является ли пример Египта свидетельством о *вреде* философии для жизни цивилизации? Ведь Египет, якобы не знавший философии, «протянул» более 30 веков, а Эллада, якобы создавшая философию, через три века после сего «печального» факта была полностью раздавлена Македонцами, а позднее и Римлянами, в общем и целом став составной частью иных цивилизаций и культур. Кстати, как только Рим в полной мере воспринял философию от эллинов, достигнув в лице своих гениев – Цицерона, Сенеки, Марка Аврелия, вершин философствования, сразу же через каких-нибудь три-четыре века он пал под ударами варваров и более уже не возродился. Вдумайтесь в эти цифры: *триста* лет и *три тысячи* лет, не говорят ли они нам о глубоком антагонизме между длительностью бытия цивилизации и высотой философского знания?

Здравый смысл и аксиоматическая вера[18] говорят, что первое невозможно, а второе абсурдно! Следовательно, ориентософия в Египте не могла не

---

[18] Аксиоматическая вера: это факт базисной, существующей вне доказательств (ибо она самоочевидна) - правды.

быть. А наше *незнание* об этом говорит лишь об ограниченности нашего *знания*. Ограниченность, которую надобно ликвидировать.

Итак, где формировалась протософия? О чем нам говорит опыт Эллады, как региона с наиболее изученной протофилософией? Судя по всему, отмечают исследователи, протософия обязана скрываться в мифах, в мифологических системах космогонии, в связках Миф-предметная рациональность. Но кто являлся носителем этих знаний в Элладе? Ответ: бродяга-сказочник Гомер, поэт-земледелец Гесиод, мистик-поэт Орфей, политик-купец Фалес. Кто же мог являться носителем протофилософских знаний в Египте? Исключительно узкие, четко очерченные сословия жрецов и писцов.

Мы знаем много о политической истории Египта, о хозяйственной деятельности отдельных эпох и городов, мы знаем многое о его медицине, религии, архитектуре и… техники любви. Но мы очень мало знаем об истории внутри жреческих конфликтов, догматических спорах, мировоззренческих поисках. Мы можем видеть результаты этих глубоких процессов в реформе Эхнатона, в процессах огосударствления отдельных богов, но не более того. Интеллектуальная жизнь, напряженность идей – для нас сокрыты. Говорят, что, анализируя волны океана можно догадаться о процессах, бушующих под его поверхностью. Это так, но как легко ошибиться, приняв за водяной гейзер, фонтан, выбрасываемый китом. Увы, наше знание о том, что является сердцем ориентософии – феномена *учительствования*, феноменах *Великих Учителей*, для Египта, меньше чем ничтожно. Нет свидетельств об

Учителях мудрости на каменных стелах, никто не гордится в известных нам текстах, что является Учителем. Лишь раз за разом звучит мысль о «праведности молчания» *[Поучение]*, о «сокрытии своего волшебства [*мысли* – О.Ш.] от людей» *[Прославление писцов]*. Знание египтян о мире египтологи находят частенько, не редкость и дидактические поучения о правильном управлении, о технике обретения жизненного успеха, а вот знание о знании – большая редкость. Очевидно, что мысль, чистое «Ratio», слишком ценилась и слишком тщательно оберегалась в древнем Египте. Почему мы говорим о факте наличия этого самого чистого «Ratio»? Исключительно в силу того, что такие *шедевральные* мировоззренческие вопросы и примеры многоаспектного размышления над поставленными вопросами, которые роскошно представлены в дидактической литературе Древнего Египта – не возможны без опыта *мысления* абстрактных форм. Они не возможны без сотен лет практики соотношения теории и практики, без традиции оформления мыслей в абстрактные формы понятий и категорий. Причем понятийный аппарат поучений – стройный, системный, созданный с пониманием разницы между «чистой теорией» и «конкретной практикой». Чуть позже мы разберем несколько примеров таких поучений. Сейчас же ответим на вопрос: «Почему абстрактное знание, работа с понятийным аппаратом оказались столь «засекреченными» в Древнем Египте?». Ведь будь иначе, до нас дошли бы не просто вершины этой работы, но и ученические записи, учебники, в конце

концов, имена *Великих Учителей*, а не просто *Великих Мудрецов*[19].

Через всю египетскую историю проносится пиетет перед *Именем*. Слово и предмет тесно связывались, обладатель имени обладал предметной реальностью, стоящей за именем. Даже просто память об имени (в душах, в камне, в папирусе, в устном слове) являлась условием и залогом вечности носителя имени. В этом смысле знание о знании это исключительная, беспрецедентная власть над сутью реальности. А власть, что совершенно естественно, есть удел избранных.

Известно, что в Древнем Египте любили изощренную игру слов, активно использовали приемы аллитерации, параллелизма и прочее *[История Востока: 190]*. А особенности египетской письменности (смесь в едином значке: образа знака, слога, слова, иногда действия и смысла результата действия) давала большие возможности к играм с именем, а, следовательно, и с реальностью. Любопытно, не правда ли? Игра есть, ее важность простирается в бесконечность, но правила игры знают только судьи, а рядовые игроки в неведении. Очень редко, когда встречаются намеки на формы игры, на последствия, к которым она может привести…

---

[19] Вообще ученических конспектов, прототипов учебников и сборников задач в Египте найдено масса, но, ни один из них не посвящен *методикам* анализа, синтеза и т.п. Практических математических, медицинских каллиграфических обучающих папирусов – множество, а обучающих социально-политическому или аксиологическому анализу - нет. Есть лишь отдельные поучения отдельным людям, как правило, по линии «Отец-сыну», «Должностное лицо-наследнику».

Как по пикам гор, вырастающих над плотными облаками, угадывается возможность долин и горных хребтов, так и по отдельным сохранившимся текстам мы можем лишь догадываться об их основах, о многолетних традициях мысли, стоящих за их авторами. Но судить обо всей горной цепи уверенно и точно, опираясь только на несколько скальных высот, мы все-таки не можем, поэтому поговорим исключительно о вершинах, памятуя, что они не покоятся на воздушных потоках, а коренятся в неизвестном нам ландшафте, которого мы не видим, но который, безусловно, есть, или в нашем случае – был.

Одним из таких пиков выступает текст XXII в. до н.э. *«Поучение Гераклеопольского царя своему сыну Мерикару»*[20] *(рис. 1)*. Поучение представляет собой четкий аналитический документ, в котором представлены развитые мысли политического, социального и психологического характера. Есть указание о структуре войска, отмечены социально-психологические особенности войска, состоящего из молодежи. Подчеркнуты правила досудебного следствия, подробно расписаны варианты возникновения смуты и методы ее силового подавления, причем на разных этапах реконструкции разные методики воздействия на мятежников. Структурированы психологические портреты бедных и богатых, сановников и простолюдинов. За всеми этими практическими иллюстрациями стоит развитая мировоззренческая система и очень четкое осознание,

[20] Текст дошел в виде значительных фрагментов. Имеет несколько вариантов прочтения, которые связаны как с трудностью интерпретации иероглифов, так и с серьезными лакунами в самом папирусе.

подчеркну, *логически не противоречивое осознание* структуры, механизмов и функций государства. Именно *осмысление* и *понимание*, а не восприятие государства как некой данности, характерной для мифа.

Например, беднякам плохо и, следовательно, они полны зависти к тем, кому хорошо. Что делать? Ибо зависть – смертельна для государства. Ответ изумительно изящен, пусть «несчастный полюбит землю, на которой он живет». Но как «несчастный» может полюбить, говоря нашими словами, социально-политический уклад своего общества, обрести чувство национальной гордости? Пусть правитель творит истину, чтоб «умолк плачущий, не притесняй вдову, не прогоняй человека из-за имущества его отца…». Иными словами, бедняк так и останется бедняком, но, живя в условиях защиты государством норм бытовой справедливости, он сможет возлюбить землю, где живет, а это не плохой барьер перед завистью и стремлением ликвидировать бедность за счет богатых.

Автор поучения также рекомендует не ломать дел предшественников, ведь все имеют врагов. Иными словами, не показывай пример того, как можно «сломать дела твои». Не стоит забывать, что мы говорим с вами о Египте 2200 года до н.э. А в те времена сохранение своих дел в камне, папирусе, умах - это сохранение своего имени в будущем. Память о тебе — это залог бессмертия. Причем не отвлеченного, литературного образа, а вполне обычного, практичного дела, к которому любой здравомыслящий Египтянин готовился с детства. Более того, свиток объясняет и растолковывает, что после смерти человека (даже фараона!) ждет загробный суд, а к нему любой

разумный человек должен готовиться заранее. Для подготовки к суду, ты должен *думать* и *понимать*, как поступать праведно. Это уже далеко не миф, а заявка на освоение истины во всей полноте: от абстракции до нравственного поступка в конкретной физической реальности. При этом сама истина имеет как минимум два слоя. Есть правда жизни: прикладные примеры, здравый смысл, очевидные следствия, а есть очень любопытное знание, в терминологии автора поучения: «истина очищенная». Последняя - есть мудрость, при которой не случается ложь. Обрести эту мудрость возможно исключительно посредством чтения речений древних: «Следуй отцам твоим, предкам твоим. Создается мудрость знанием. Разворачивай свитки твои, следуй премудрости, тот, кто обучается, станет искусным…». Увы, но свитки эти повествующие о том, *как* стать мудрым, нам либо совершенно не известны, либо сохранились невнятные ссылки на них в текстах последующих тысячелетий. Однако вернемся к тексту, автор поучения, подчеркивая важность памяти в камне, отнюдь не ограничивается этим «фетишем», он выходит на причинные связи более глубокого слоя, свидетельствуя, что мало строить пирамиды и выбивать каменные надписи, надобно еще «укреплять памятники твои любовью к тебе».

Разумеется, в тексте есть и элементы чистой мифологии, например, пассаж о том, что царь мудр уже при рождении, но это всего лишь элементы, автор поучения не в силах взнуздать мифом свой интеллект и рвется в плоскости философии и религии. Например, сразу после указанной мифологемы следует пояснение (почти в стиле Данте Алигьери) - царь мудр от

рождения, ибо от рождения возвышен он на земле, и возвышается он над миллионами. Велик соблазн для такого рожденного мудрым стать своевольным, пристрастным и потерять любовь, вслед за которой потеряется страх, исчезнет подчинение и сокрушится имя такого царя в будущем. Профилактика этого кошмара: вывести подвластных царю людей из-под исключительной личной власти, поэтому автор напоминает «заботься о людях пастве бога… это подобия его, которые вышли из тела его… не причиняй страданий». По сути, мы видим метафизический базис *сущности* царской власти, на коем покоятся подкрепленные аналитическими зарисовками, каскады абстракций и понятий высокого уровня обобщений. И, наконец, последний звонкий аккорд, наследник не забывай, что ты ко всему прочему и просто Человек: «открой лицо твое, чтобы ты возвысился, как человек», как человек, а не как царь или полководец.

Резюмируя анализ приведенного текста, следует акцентировать внимание, что базисный элемент поучения – ориентир на вечность. Пути достижения вечности это обдуманный, осознанный, осмысленный, ежедневный и ежечасный выбор Человека, возвышающегося над миллионами Человека-царя. Этот выбор обязан быть основан на учете объективной реальности при помощи изученных текстов мудрецов. Какая уж тут мифология или первобытнообщинная психология! Пред нами скорее очень изощренная, отточенная и крайне продуктивная протофилософская мысль, в своих пиках мало отличимая от классических философских текстов Эллады. С той лишь разницей, что до рождения Платона оставалось 16 веков.

Вторым примером серьезных интеллектуальных изысканий в области протософии Древнего Египта является надпись на камне 1888-1850 г. до н.э *[Надпись Сенурсета]*. Надпись посвящена военным событиям, однако, несколько параграфов – это замечательный образчик логики. Текст приводится от имени фараона. Автор традиционно хвалит себя, объявляет свои добродетели: «не кроткий для врага, нападающего на него» и далее изумительное логическое обоснование с характеристиками умозаключения сложного порядка: «отвечающий на дело сообразно с тем, что произошло из него, ибо если молчать после нападения, [то] это укрепление сердца врага, усиление свирепствующего. Отступление – это слабость. Потесненный на его границе – это настоящий трус (?), ибо слушает Кушит, чтобы пасть от слова, а ответить ему – это заставить его отступить. Когда свирепствуют против него, он имеет обыкновение отступать, а когда отступают, то он впадает в ярость».

Более того, Древний Египет знает четкую разницу между такими смыслами как: Разум, Познание, Правда. Понимает и тонко улавливает смысловые оттенки мудрости и рассудительности. В этом смысле крайне колоритен текст «Пророчество Неферти» *[Пророчество]*[21]. Есть тексты, которые с необыкновенным изяществом констатируют многие сложнейшие проблемы, сложные, между прочим, и для дня сегодняшнего:

[21] Вообще этот текст полон прелюбопытнейших суждений о характере времени, о причинно-следственных связях между экономикой и политикой, нравственностью и юриспруденцией.

«Ученостью зря не кичись!
Не считай, что один ты всеведущ!
Не только у мудрых –
И неискушенных совета ищи.
Искусство не знает предела.
Разве может художник достигнуть вершин мастерства?
Как изумруд, сокрыто под спудом разумное слово…» *[Из поучений: 95]*.

Отдельные элементы лирики (того самого жанра литературы, который во многом определил пути развития протософии Эллады) более пронзительны и философски предвосхитительней, чем даже лучшие образцы лирики Архилоха или Сапфо. Пример тому текст: «Спор разочарованного со своей душой» *[Из спора: 97-100]*. В лирическом произведении налицо кризис осмысленности бытия, начало поиска ответа, а не простая констатация факта как в ранней эллинской лирике, причем у египтянина речь идет о формировании последовательного метафизического скепсиса, как основы для позитивного ответа. И даже такая, казалось бы, тотальная для Древнего Египта мысль о бессмертии, разрушается простым, но внутренне лукавым утверждением: «никто еще не приходил оттуда». Автор спора выводит удивительные смыслы времени: время свое, время общее, оно, время, имеет начало и конец. Конец времени есть вечность. Однако конец времени и его противоположность – миг? Или миг есть лишь начало? Повторюсь, это не мифологические аллегории, чувственно-эмоциональное восприятие, а вполне респектабельная рациональность, осмысление феномена

при помощи сложнейших абстракций. И это, также – лирика, а не догматический трактат на теологическую тему и не учебник по онтологии. Это текст, который написали, активно переписывали и читали за полторы тысячи лет до появления развитой теологии на основе эллинской философии. Каковы же тогда древнеегипетские тексты-предшественники, авторы которых специально исследовали заявленные вопросы, а не фривольно и слегка кокетливо их ставили в поэтическом дискурсе? Бог весть. Они до нас не дошли. Но на чем-то же, автор строк базировался? Определенная традиция осмысления не могла не быть! Ибо появление приведенных стихов вдруг, из разума поэта - сомнительно. Как сомнителен и тот восторг, которым был охвачен читающий мир Египта с их появлением, без привычки к онтологическому и философско-теологическому мышлению автора и почитателей автора стиха.

Современные исследователи способны восстанавливая обрывки текстов, довольно точно реконструировать целые пласты духовного мира Древнего Египта, свидетельствующие о крайне высоком уровне абстрактного мышления. Так, например, очень неплохо отслежена историческая динамика развития понятия Маат[22], от ее схематичной мифологичности к прорыву в отдельных текстах, до очень и очень не

[22] Древнеегипетская богиня, персонифицирующая истину, справедливость, вселенскую гармонию, божественное установление и этическую норму. В Древнеегипетской мифологии она была супругой бога мудрости Тота (правда и мудрость — это хорошая семейная пара). Но помимо мифологического значения, понятие имело очень любопытное операциональное значение для вскрытия предельных оснований бытия, подробнее см. [Жданов, 2013].

простых обобщений и рациональных выводов, которые сумели связать такие фрагменты мира как: порядок, справедливость, система посмертного воздаяния. При этом в Древнем Египте уже различалась, как правовая основа дефиниции, так и их морально-нравственные определимости [*Жданов, 2013*].

Есть зафиксированная традиция эволюции (минимум в течении 800 лет!) понятийного аппарата протософской мысли, правда, исключительно в контекстах теологических. Прежде всего, речь идет о «Сущем», как продукте универсальной созидательной деятельности *Амуна*. Более того, сам иероглиф лишен мифологического корня и направленности, он, это «вся совокупность универсума в его эмпирической и умопостигаемой полноте» [Жданов, 2015: 20]. Напомню, что речь идет о XV в. до н.э.!

Итак, Египет обладал:

- традицией чтения и осмысливания речений мудрецов;
- развитыми формами понятийного мышления, хорошо отработанными схемами суждений с элементами умозаключения сложного порядка;
- опытом осмысливания в понятиях этики, эстетики, теологии текущих практических проблем жизни Человека и Государства;
- технологией создания схем и абстрактных формул прогнозирования событий из общественной, политической и экономической жизни;
- феноменальным искусством игры в слова и смыслы;

Носители этой системы умений (цари, жрецы, писцы, отчасти вельможи и крупные военачальники)

конечно же, были далеки от мифологического мировоззрения в чистой его форме. Однако уровень их освоения окружающего мира нельзя назвать и классически религиозным, научным или философским. Вне сомнения перед нами крайне развитое протофилософское мышление, уже вышедшее далеко за пределы Мифа, но еще далекое от канонов философии или ориентософии. Трудно сказать о степени философичности утраченных текстов, мы можем судить лишь на основании узкого круга источников. Однако даже имеющиеся материалы говорят именно о высочайшей для той эпохи культуре мысли, вполне готовой для создания самобытной философской традиции. Во всяком случае, рассмотренные тексты, как образцы протософского знания, либо значительно превосходят техничностью, емкостью, аргументированностью аналогичные тексты Индийской, Китайской и Эллинской протософии, либо вполне конкурентно способны с ними. В своих смыслах и манифестах египетские тексты мало в чем уступают текстам Лао Цзы и Сиддхартхи Гаутамы, Пифагора и Фалеса. Вероятно, уступают лишь в проработанности онтологии, развитости отвлеченной метафизики, но превосходят в собственно антропоцентричности и этичности.

Да, египетское протософское знание было закрытым для большинства и недоступным широким слоям населения. Но не надо забывать, что, несмотря на всю свою закрытость для обычных людей, избранным, пускай и чужеземцам, оно в той или иной мере приоткрывалось. Солон, Геродот, Платон и многие другие столпы эллинской философской мысли получили

свою славу и широкую известность только *после* опыта общения с египетской цивилизацией. Идея первоначала Фалеса, идея права Солона, истории Геродота, государства Платона находят свои почти подстрочные параллели в памятниках египетской письменности, повторюсь, совпадения буквально текстуальны и подстрочны.

Что же мешало Египту оформить свою философскую традицию, как это произошло в Элладе или, скажем, Индии? Ведь время старта протософии Египта это минимум XX век до н.э. – древнейший из имеющихся образцов протофилософского опыта. Выделим четыре пункта.

1. *Философию творят личности, пусть даже они остаются анонимными*. Личности – изгои, личности, отделившие себя от общества. По крайней мере, у истоков философии Индии, Китая, Эллады мы видим именно их. Слепые сказочники, лесные отшельники, подозрительные и смешные чудаки, обанкротившиеся чиновники, оригиналы-политики. Но в Египте с культом знания, с глубочайшим уважением к носителям знаний немыслимо мудрецу отделиться от общества, *от такого общества*. Более того, человек Египта физически не мог уйти от Египта. Тоска по родине, стремление к «правильному» погребению, а значит, и к вечности были феноменально сильны. Получить жизнь и смерть в рамках египетской канвы от рождения к бессмертию мог только член общины. Только членство в общине давало билет к вечной жизни. Это был единственный (но зато какой!) мифологический барьер перед обретением философии.

2. *Философ не существует сам для себя,* тем более ориентософ. Он отдает свои мысли на воспитание своим ученикам. Культура учителя – база, вне которой философия никогда и ни в какой форме не сможет развиваться. Египет знал обучение, самопознание, но он не знал Учителя. Тот, кто достигал величия мудрости, не дарил знания о процессе получения знания, по крайней мере, это верно в рамках протософии Египта. Систематика, методика, схема, учебник – все это в развитых формах далеко от Египта. Невнятные упоминания о «домах жизни», «совместных песнопениях» говорят скорее об утилитарном смысле получения знаний и низком статусе дарующего знание. Или же это говорит о сакральности и закрытости знания, то есть о его вне человечности. Об этом, помимо всего прочего, говорят восторженные ремарки о том, что мудрецы закрыли свои знания.

3. *Только обретя статус, обретешь знание*. Этот слоган хорошо подходит к Египту. Только через статус тебе открывается путь к мудрости. Ты не можешь быть сыном каменотеса и повивальной бабки и получать мудрость. Нет, только приняв статус жреца, писца или, родившись царем, ты получаешь возможность обрести знание и войти в область протософии. Это именно то ограничение, которое наносит философии смерть либо же предотвращает ее рождение. Ничего так не терпит философия как узости социальной базы адептов, ограничения на свободу получения или передачи знания.

4. *Философ весь в путешествии, в получении новых впечатлений и потрясений*. Египтяне же совершали путешествия только вынужденно и в рамках

конкретных военных, политических или экономических предприятий. Рождение же философии учит нас, что все первые философы, вышедшие из протософии, были путешественниками, путниками для которых дорога это «дом родной». Пусть это и были путешествия в рамках одной страны, но зато эта страна давала взгляду философа пищу в виде разных ландшафтов, разных обычаев и этнических аспектов. Китай, Индия, Эллада, каждый из их уголков своеобразен и индивидуален. Египет такого не знал.

Эти четыре пункта своеобразия египетской протофоилософии привели к тому, что «In a relatively short span of time, the Egyptian culture went from barbarism to an advanced and intricate cosmological philosophy. After the fall of Egypt's initiatory priesthoods - and the extinction of hieroglyphic literacy - this philosophy survived only in crude and superficial approximations, often so ludicrous out-of-context that Egypt became a prime target for romantic fantasy. Not for another two thousand years would its true tenets begin to be rediscovered, and popular understanding of them is still minimal - due, in no small part, to the significant dissimilarity between them and mainstream Western philosophy and mysticism, which proceed largely from Judaic/Christian assumptions»[23].

---

[23] «За сравнительно короткий промежуток времени, Египетская культура прошла путь от варварства к передовой и сложной космологической философии. После падения священства Египта и, как следствия, вымирания иероглифической грамотности - эта философия сохранилась лишь в форме сырых и поверхностных приближений. Будучи вырванными из контекста, они часто выглядят такими смешными, что Египетская философия стала главной мишенью для научного зубоскальства. В течение двух тысяч лет истинные догматы Египетской философии носят формат популярных представлений. Точное их

Месопотамия

Примерно в шестом тысячелетии до н.э. первые люди появились в междуречье Тигра и Евфрата, в регионе, который мы привыкли называть Месопотамией. Месопотамия — это страна, окруженная раскаленными пустынями и бесплодными горами. Это страна болот, мелких озер, огромных тростниковых зарослей и миллиардов насекомых. Спустя несколько тысячелетий люди Месопотамии научились строить ирригационные каналы, регулировать разлив рек и стабильно орошать поля. К началу четвертого тысячелетия небольшие племена, хозяева отдельных каналов, плотин и полосок полей начинают долгий процесс государственного строительства, политической консолидации и строительства городов. Рождается в звенящем мареве жары и москитов одна из древнейших цивилизаций планеты – Шумер.

Нам не известен ни один аналог языка подобного шумерскому. Однако ясно, что в Шумере обитали и творили цивилизацию разноязыкие общества, не только носители шумерской речи. Это были группы людей, говоривших на восточно-семитском языке. Удивительное дело, что этот язык бытового общения, трансформировался в непрерывной череде веков в

понимание по-прежнему минимально - благодаря не в последнюю очередь, значительному несходству между египетской философией и главной, столбовой дорогой западной философии и мистики. Последние имеют своим источником не столько Египетскую ментальность, сколько иудейские /христианские предположения и догадки» *(авторский, смысловой перевод – О.К.) [Ancient Egyptian Philosophy]*.

аккадский язык, затем оформился в язык вавилонский. Он, из языка простолюдинов, становился и общегосударственным, и международным, и литературным, а древний тысячелетний шумерский язык, не претерпевая серьезных, структурных изменений, оставаясь языком учености, благополучно пережил шумерский этнос и умер только в первых годах нашей эры.

Письмо Шумеров (аккадцев, вавилонян, сирийцев и пр.) называют клинописью. Изначально оно было значками-рисунками, которые выдавливались на сырой глине. А так как при выдавливании появляются заусеницы, то с развитием письменности значки-слоги стали иметь вид клиньев, удобных для выдавливания в глине. Клинопись – слоговое письмо, подобное ребусу. Значки обозначали не только слоги, но и смыслы, грамматические формы и образы. Это делает чтение клинописи настоящим аналогом дешифровки секретных кодов с большой долей интуитивного восприятия контекста информации. Поэтому хотя нам и известны десятки тысяч клинописных книг (таблички из сырой или обожжённой глины, сведенные в гигантские архивы-библиотеки со своими каталогами и указателями, созданными тысячелетия назад), но читаем их все еще с трудом, а многие найденные тексты даже еще не опубликованы в научных изданиях.

Первые тексты датируют XXX в. до н.э. Однако развитая литература появляется не ранее XXV в. до н.э. и с непрерывностью развивается в качественном и количественном смысле вплоть до первых веков н.э. Две с половиной тысячи лет письменная клинописная культура Месопотамии ни разу не прерывалась, и

ученые всегда фиксировали ее преемственность и развитие у разных этносов, культур, цивилизаций региона! Сменялись династии, гибли города и царства, менялись этносы, архитектурные стили, ювелирные украшения, но обаяние письменной культуры Месопотамии покоряло всех завоевателей, даже таких отчаянных и беспринципных бандитов, как повелители Ашура. Квинтэссенцией тысячи лет развития шумеро-аккадской астрономии, математики, географии, медицины, права, фармацевтики, богословия, филологии, литературы – стал Вавилон, который в шестом веке до н.э. еще застали в расцвете культурных сил эллинские мудрецы-путешественники.

Месопотамия издревле транзитная страна. Она имела столетия, если не тысячелетия торговых связей с Индией, Ираном, Малой Азией, Египтом. Частенько повелители Месопотамии создавали гигантские и сейчас поражающие своим пространством империи: от Средиземного моря до вод Персидского залива. Их войска видели и в Палестине, и в Кавказских предгорьях, их дипломаты-купцы проникали и в современную Турцию, и на территории нынешнего Афганистана.

Сохранившиеся тексты говорят о развитии школьного образования: школьные записи, конспекты бесед, учебники, словари (в том числе и словари для перевода с разных языков древности), справочники, наставления учителей, хрестоматии. Представляется, что в каждой семье был хоть один грамотей, по крайней мере, тексты находят и очень часто не только во дворцах, но и в беднейших хижинах. Шумеры и Аккадцы активно и талантливо составляли перечни

понятий (преимущественно географических и медицинских), давали им четкие толкования и объяснения. Их усилия в создании концепции права, кодификации обычаев и норм привели к открытию идеи кодексов законов (в полном смысле слова кодексы в Европе появились только во времена Византийского императора Юстиниана, а свое второе рождение пережили в Кодексе Наполеона). Юристы Тигра и Евфрата понимали смысл и необходимость систематизации законов, обладали четким принципом построения законодательных сводов. Им было вполне доступно понимание, как в теории, так и на практике разницы между *товаром* и *стоимостью*, между *стоимостью товара* и *меновой стоимостью*. Не говоря уже о «плавающей» ставке налогового обложения иностранцев, ввозимых чужеземцами товаров в зависимости от конъюктуры рынка. Удивительное и необычно высокое даже для современности обобщение, фактически речь идет об интуитивном оперировании сложнейшими категориями, полноценно открытыми лишь в середине XIX в. Марксизмом. Так, например, известны сотни примеров кадастров товаров, где указаны тарифы, нормализующие обмен. Золотой оказалась идея создать перечень регламентированных действий по предотвращению со стороны частных лиц стремления к быстрому обогащению. Причем делалось это, преимущественно, при помощи экономических механизмов (техника ценообразования, процесс мены и т.д.). Учитывалась разница цен на зерно до жатвы и после, цены приводились к единой норме – серебру. Тщательно отслеживалась норма серебра как формы мены и как единицы измерения стоимости. На все эти

механизмы четко завязывалась идея долга, его роста или амортизации (так долг, взятый в неурожайный год при высокой стоимости зерна, отдавался в богатый год с учетом индексации, официальной государственной индексации! цен и с учетом формы отдачи долга – серебром, драгоценными камнями, собственно зерном). Все спорные вопросы решались не царем и не храмом. Спор переносился в суд. Причем суд имел форму состязания с наличием свидетелей, досудебной и судебной проверкой фактов, анализом документов, стенографированием свидетельских показаний и сдачей всей номенклатуры дел в архив. Многие из таких архивных дел дожили и до наших дней.

Одним словом, уже к XX веку до н.э. общество Месопотамии было весьма развитым и в каком-то смысле совершенным. А по целому ряду признаков гораздо сложнее и перспективнее для развития философии, чем эллинское общество эпохи Фалеса и 7 мудрецов. По формальным признакам оно вполне подходит к региону, который *мог* сформировать протофилософию и создать свою самобытную философскую традицию.

Но вот незыблемый исторический факт. Не смотря на поражающую статистику находок древних Месопотамских текстов, ничего подобного протофилософскому обучению, ничего подобного системному, пусть и с серьезными элементами мифа или религии, но, все-таки, протофилософскому знанию – Месопотамия не знала. Математику знала, разницу между правом и законом знала, принципами основ рыночной экономики владела, а вот поиск истины и открытия предельности знания – игнорировала. Нет,

протофилософские (единичные!) тексты были, как им не быть в столь впечатляющей интеллектуальной среде, а системы все-таки не было. Да и философия так и не родилась. Почему? Вероятно, потому, что единственный потребитель протофилософского знания, свободный от ежедневного физического труда в Месопотамии это - бюрократ. Правда, иногда бюрократ в образе жреца. Более того, и Египет, и Шумер, и Вавилон — это регионы, где не только потребители, но и творцы протософии – бюрократы. В этом смысле Китай единственный и противоестественный феномен, где философию создали бюрократы и для бюрократов – больше нигде неповторимый подвиг. Предельно упрощая, творцы философии в Элладе – бездельники и словоблуды, Индо-Иранцы – религиозные мистики. А вот в Риме философия не зародилась (была перенесена, но впечатляющих массовых достижений не имела), видимо в силу все того же бюрократизма. Но как только Рим стал христианским – немедленный расцвет философии на базе мистики и богооткровения. По сути, философия родилась в Элладе только благодаря Сократу, благодаря ему и только ему, появилась Академия, Мегара… Но Сократ – в понимании Шумера и Египта – бездельник, который создал мировоззрение для бездельников же. В Египте, и, тем более Шумере, чиновник — это служащий, и его служебные обязанности съедают все его личное время. Только служба давала смыслы и являлась условием физической жизни, банального получения пайка для чиновника и семьи. Эллада Сократа такой самодисциплины в труде не знала и не понимала.

Общество Месопотамии, несмотря на все развитые элементы, свидетельствующие о прорывах мировоззрения в область протософии, науки и религии, глубоко мифологично, пожалуй, даже более чем общество Египта. Вот характерный пример: «Если предбытие шумеров – это потенциальное существование имен без действий, то в основе предбытия вавилонян через пятьсот лет положена идея неименованного бытия, то есть такого, в котором уже существуют действия зачатия и рождения, но еще нет названия для частей мироздания. И отсутствие имен для верха и низа коррелирует здесь с отсутствием разделения вод на пресные и соленые. Нигде в шумерских текстах мы не найдем такого предбытия, которое было бы непоименованным. А это означает, что в середине II тыс. до н.э. произошел тот переход сознания от функционализма к вербализму и логоцентризму, которого мы долгое время не чувствовали вследствие принадлежности нашей культуры к культу слова, а не действия» [*Емельянов, 2015: 133*].

Истина для месопотамского интеллектуала не есть предмет осмысления – она очевидна. Мудрость не есть предмет обретения, как в Египте, она вообще не соотносится с *научением*… она дар, способность божества, которой он может поделиться, а может и не поделиться. Человек может гордиться ученостью, но не обладанием мудростью или истиной. Вообще говоря, истина - это прерогатива божества, и Человек может лишь с гордостью констатировать факт передачи этого дара от Бога к Нему, Человеку – не более того. И если в случае с Египтом мы, если и не фиксировали

систематизированной протософии, то с высокой степенью достоверности могли предполагать ее наличие. Пусть наличие предфилософии фиксировалось и для элиты элит, пусть оно и было «засекречено», но оно было, причем было ищущее и находящее. Но в случае с Месопотамией установка на отделение Человека от постижения и узнавания истины свидетельствует о невозможности системы протософии в изучаемой культуре и цивилизации. Данный факт, впрочем, не исключает появления время от времени носителей ярко выраженного протофилософского мировоззрения, проходящих по реестру особенности и исключительности для культуры Месопотамии. Это отдельные интеллектуалы, преодолевшие указанные барьеры на пути к протософии, они – мелькнувшее отражение так и не созданной философии, предвестники того, что исчезло, не успев родиться.

В этом смысле великолепен и беспрецедентен текст XI в. до н.э., составленный Вавилонским жрецом-заклинателем Эсагилкиниуббибом. Текст представляет собой поэму из 27-ми одиннадцати строчных строф. Каждая строка в строфе начинается с одного и того же клинописного знака, а все вместе они образуют акростих: «Я – Эсагилкиниуббиб, заклинатель, чтущий бога и царя» *[Вавилонская теодицея]*. В своей основе поэма несет итог тысячелетней шумеро-аккадской литературной традиции на тему «Страдания невиновного». Однако данный текст не монолог, не плач, не молитва-жалоба, а изысканный диалог Страдальца и Невиновного. Он необыкновенен в своей искренности, убедительности аргументов, стройной композиционной системе доказательств и тягой к

запредельному смыслу происходящего. Это, пожалуй, образец так и не состоявшейся массовой протософии Месопотамии, единичный образец так и не родившейся традиции. Быть может, тоска по так и не обретенному знанию мировоззрения сыграла с поэмой удивительную историческую шутку. Текст прожил более 10 веков. Его все еще читали и переписывали во времена Цезаря, Августа, Христа. К этому тексту филологи древней Месопотамии составляли комментарии, анализировали и осмысливали литературные этюды поэмы.

По своему объему работа Эсагилкиниуббиба куда как меньше поэм Гесиода или Гомера, но по насыщенности эмоциями, богатством смысла, серьезными вопросами и, буквально, тотальной борьбой против Мифа – куда как философичней. Не говоря уже о том, что записана она была на столетия раньше своих эллинских «конкурентов». Во многих отношениях поэма не только преодолела и буквально аннигилировала Миф, поэма в образе Друга продемонстрировала знакомство с развитым чувством религиозного стремления автора вслед за Мифом преодолеть и это, еще

только оформляющееся мировоззрение. Для автора текста, по сути, идет борьба протофилософского и проторелигиозного начал, притом, что окружающее его социокультурное информационное пространство насквозь мифологично.

Друг в формате активного богословия осмысливает несправедливость, а Страдалец совершает тот же процесс мысли, но тропой «стихийной» протософии. Один из звенящих аккордов, с трудом мыслимый интеллектуалами Месопотамии, совершенно

не понятный мудрецам Египта, только спустя 6-7 веков могущий быть понятыми протофилософами Китая и Индии, прозвучал с неувядаемой силой:

«Дом хочу бросить…
Имущества да не возжелаю…
Жертвы богу презрю, попру божьи меры.
…
Тропой пойду, в даль заберусь я;
…
Буду голодным бродить, буду по улицам рыскать.
Точно убогий, внутрь войду…
Далеко благо…»
(Вавилонская теодицея XII 133-143).

Эсагилкиниуббиб видит и понимает разницу между искусной мыслью и ложным результатом при игнорировании стандартов процесса разумения (которое видимо, поясняется термином «мудрость»). Пожалуй, это одно из первых гносеологических замечаний о важности процессуальности мыслительного акта:

«Мыслям искусным твоим ты заблудиться позволил.
… изгнал ты мудрость.
Разумное ты презрел, установленное опоганил.»
(Вавилонская теодицея XX 212-214).

С другой стороны, нарастая, идет параллельно дискурсу протософскому - дискурс проторелигиозный. Более того, временами он достигает уровня очень развитого, мистически насыщенного, вполне

сформировавшегося религиозного мировоззрения последующих столетий:

«Что твой успех, если божьей воли не ищешь?
У влачащего божье ярмо достаток скромный [но] верный.
Найди благое дыхание бога, -
И что за год утратил, восстановишь тотчас».
(Вавилонская теодицея XXII 239-241).

«Видят, да не поймут божью премудрость люди!»
(Вавилонская теодицея XXIV 261).

Египет верил в смерть и жизнь после смерти, а Шумер, Аккадец, Вавилонянин верили в бога в рамках жизни и за пределами смерти. В Египте люди рождались из слезы бога, а в Шумере они были слеплены из глины и крови пьяными богами! Слишком разные были настрои культуры, разные психологические типы… Египет смог создать протософию, веруя в смерть, а Шумеру надобно было сначала поверить в справедливую жизнь. Видимо все духовные силы Месопотамии уходили на преодоление той дикой и рвущей душу установки о рождении Человека в пьяном угаре из глины и крови.

Месопотамия вышла из Мифа в эпоху эллинизма с развитым религиозным чувством, которому ни к чему были философские искания, слишком дорогим и выстраданным было ощущение «своей» религии, приобретшей черты доброжелательности, справедливости и сострадательности к человеку. Велик путь от Пьяных разбойников до Бога, сострадающего

тебе. На этот путь надобны все силы культуры. Египтянину такой нужды не было, Осирис сам возрождался из мертвых, возродит и умерших людей, ведь изначально человек - это его слезы.

Эсагилкиниуббиб с присущим гениям остротой увидел всю мерзость, свершающуюся в мире и в душах людей Месопотамии. Все их осмысление на уровне трагической сострадательности и милосердия он вложил в уста протофилософа (Страдалец) и в уста верующего, эксперта богослова (Друг). Друг оказался убедительней, а его аргументы более близки и важны для культуры Месопотамии. Протософия так и осталась в горестных сентенциях Страдальца Вавилонской теодицеи.

Вопросы для самоконтроля:

1. В чем заключаются отличительные особенности протософии Древнего Египта?
2. Какова специфика формирования протософии в Месопотамии?
3. Приведите формы взаимосвязи письменности Древнего Египта и Мессопотамии в развитии протософии.

Темы для рефератов и эссе.

1. Древнеегипетский термин «Маат» и его философские возможности.
2. Протософские идеи «Вавилонской теодицеи».

Лекция 5.
Предпосылки ориентософских традиций в Иране и Индии

Иран

До рубежа IV-III тысячелетия до н.э. на территории Евразии (есть разные географические локализации зоны, но традиционно называют районы северней Азовского и Каспийского морей) существовала единая Индо-Европейская общность. Об этом убедительно свидетельствуют данные лингвистического анализа. Но племена, говорившие на очень и очень похожих языках, обладавших очень и очень похожей культурой, мифами расселяются в разных регионах. Одни из них двигаются в направлении Малой Азии и к Балканскому полуострову, другие уходят по направлению к Иранскому нагорью и Индостану, формируя к середине III тыс. до н.э. индоиранскую общность (надо полагать, союз родственных и близких культурно-лингвистически племен). После середины II тыс. до н.э. индоиранцы распадаются на две части, одни остаются в Иране, а другие продвигаются через массивный горный хребет Гиндукуша в Северную Индию. Но как отмечают исследователи, их мифология, язык, обычаи, отчасти

литература остаются крайне схожими и в начале первого тысячелетия до н.э. В большей мере это касается индоарийских племен Ирана и Индии, но верно и в отношении их «двоюродных братьев» по Индоевропейской общности – Эллинов и Хеттов. В следующей лекции мы рассмотрим оба этих индоевропейских народа и подробно проанализируем зарождение протософии Эллады, из которой, собственно, и родилась эталонная для Западной цивилизации *философия*. Однако хронология заставляет нас в первую очередь обратиться к Ирану и Индии, как первым представителям индоевропейской общности, у которых получается зафиксировать протофилософские явления. И если Иранская протософия так и осталась философией не рожденной, то это не должно нас смущать, ибо, в нашем курсе анализ неудач, связанных с появлением философской мысли народов Востока дает не меньше пользы, нежели исследование классических образцов ее успехов.

Иранский генотип обладает удивительной живучестью и этно-национальной устойчивостью. Именно Иранцы – создатели Великих империй Среднего Востока (Ахеменидов и Сасанидов), именно Иранцы в лице разнообразных своих этносов – основная культурная среда для развития уникальных религиозных доктрин и эстетических идеалов Среднего Востока. А иранский (Персидский) язык сумел выдержать мощную конкуренцию с языком арабским и

сохранить статус языка транскультурного общения в регионе. Вот как описывают историческую судьбу Иранцев в академическом издании Истории Востока: «Со времени распространения на его территории (иранского нагорья – *автор*) в первой половине I тысячелетия до х.э. ираноязычное население сохранило свою этническую самобытность до настоящего времени, несмотря на бурную средневековую историю, неоднократные вторжения и политическое господство арабов, тюркских, а также монгольских племен. К современным ираноязычным народам Иранского плато принадлежат персы, афганцы, курды, гилянцы, мазандеранцы, луры, бахтиары, белуджи и др. Часть названных этнонимов упоминается со средних веков, другие уже с эпохи древности: персы, курды (ранее: курты, киртии), гилянцы (гелы) и др.; «афганцы» под этим именем известны у соседних народов с раннего средневековья, но их самоназвание — паштуны — восходит к др.-иран. парсу, этноним этот засвидетельствован с середины — второй половины I тысячелетия до х.э. для областей раннего расселения афганцев — на юго-востоке современного Афганистана… Можно подчеркнуть, что Иран является одной из немногих стран Ближнего и Среднего Востока, где по данным источников представляется возможным проследить линию этноязыковой преемственности начиная уже с первой половины I тысячелетия до х.э. Как и родственные племена Индии, древние иранцы,

включая мидян и персов, называли себя «ариями» … От этого слова происходит и само название «Иран», ранее Эран, от древнеиранского Арьяна — «[страна и царство] ариев» *[История Востока: 265]*.

Иранские племена обладали (и обладают) ярким, развитым, мистически одаренным мировоззрением. Более того, их умственный и душевный мир не грела мысль об унификации. И даже начатков стремления к какой бы то ни было стандартизации мы не найдем в их воззрениях вовсе. Иранские племена - удивительный и редкий пример настоящей чересполосицы мистических откровений. Каждое из них оформлялось во вполне стройную систему, систему динамичную, энергичную, текучую и необыкновенно изменчивую[24]. Специалисты насчитывают, как минимум, четыре, принципиально отличные, религиозно-мифологические системы иранцев, возникшие в кратчайшее по историческим срокам время и сосуществовавшие на протяжении сотен лет, отчасти существующие в отдельных иранских этносах и по сей день. Таковым реликтом является Зороастризм («Даэна мазда-ясна» - вера чтящих Мазду). Зороастризм нынешний живет и здравствует в Юго-Западном Иране и на Западном побережье Индии. Он зародился как живое религиозное учение где-то в начале первого тысячелетия до н.э. и три раза выступал как религиозное учение трех династий Иранских царей (Ахеменидов (550-330), Парфян (250-226), Сасанидов

[24] Что и отличает живую систему от мертвого стандарта.

(226-651). Эта система Иранского мировоззрения наиболее хорошо изучена в силу неплохо сохранившейся (вернее сказать, относительно других Иранских учений, неплохо сохранившейся) текстуальной базы. Речь идет о таком литературном памятнике как Авеста. Это «свод священных книг зороастрийской религии, распространенной до раннего средневековья в Иране, Афганистане, Средней Азии, а также в некоторых областях Закавказья и Передней Азии. В ближайшие столетия после падения (в VII в. х.э.) державы Сасанидов, государственной религией которой был зороастризм, и распространения в Иране и соседних странах ислама, группы зороастрийцев переселялись в Индию, где стали называться парсами. В настоящее время члены их религиозно-этнической общины, насчитывающей около 130 000 человек, живут главным образом в Индии (с основными центрами в Гуджарате и Бомбее) и незначительными группами в ряде других стран мира. В самом Иране зороастрийцы в течение многих веков подвергались гонениям и удерживались в небольшом числе преимущественно лишь на юго-востоке страны, - в районах Йезда и Кермана. Именно парсами Индии, в основном, и сохранена уцелевшая часть Авесты. А также остатки некогда обширной зороастрийской литературы на среднеперсидском языке, включая переводы Авесты и комментарий к ней (занд, или зенд, откуда долго употреблявшееся в Европе неточное название

«ЗендАвеста» для самой Авесты; имя же ее происходит от среднеперсидского апастак, позже абаста [г], — «основа» или «установление», «предписание» и т.п.). Дошедшая Авеста включает разные по значению и размерам разделы. Основные из них — книги: Ясна («Жертвоприношение», «Молитва»), Яш-ты («Почитания» — гимны божествам), Видевдат («Закон против дэвов»). Эти книги содержат многие важные, особо почитаемые зороастрийцами древние разделы, в том числе входящие в Ясну 17 Гат («Песен») пророка Заратуштры (Зороастра). Но в целом сохранившаяся Авеста в 3—4 раза меньше той, которая еще существовала после ее последней кодификации при Сасанидах (резюме этого свода из 21 книги — одной из которых соответствует Видевдат — дошло в среднеперсидском сочинении Денкарт). Тогда же, очевидно в VI в. х.э., Авеста была записана специально созданным для нее алфавитом из 49 букв (включая 14 для гласных)» *[История Востока: 278]*.

1. *Маздеизм.* IX-VIII вв. до н.э. существовал вне зависимости от традиции Авесты и Зараострийских течений. Огромную роль в культе играл психотропный напиток сома, вызывающий галлюцинации. На основе опыта употребления данного напитка в культе получила широчайшее распространение традиция предсказания.
2. *Зороастризм.* Имеется в виду тот Зороастризм, который проповедовал пророк Заратуштра и чье

учение зафиксировано в «Гатах». Последние традиция относит к творчеству самого пророка и его ближайших учеников. Это тщательно продуманная, систематизированная и духовно апробированная система взглядов, принципиально реформирующая традиционные иранские культы, так называемой «Народной религии». Считается, что свое знание Заратуштра получил от Бога Ахура Мазды (Мудрого Господина). Есть две точки зрения о том, когда жил пророк: либо середина II-го тыс. до н.э., либо VII в. до н.э. Обе точки зрения имеют своих апологетов и свои аргументы, но вторая точка зрения наиболее распространена. Есть и третья точка зрения: создание «Гат» можно датировать и X, и VII вв. до н.э. на том основании, что с точки зрения лингвистики они отчасти даже более архаичны, чем Веды, но существование общины с теоретическими идеями, изложенными в «Гатах» в столь раннюю эпоху, подвергается сомнению *[Вольф, 2006: 35]*. В основе учения лежит тезис, что мир строго дуален, его полюсы: Истина и Ложь. Создатель мира – Ахура Мазда, его атрибуты: Благое Слово, Благая Мысль, Истина. Ангро-Майнью - опредмеченное Зло и Ложь. Его отец – неизвестен. Противостоит ему в опредмеченном мире сын Мудрого господина – Спента Майнью.

3. *Зурванизм.* Существует параллельно Зороастризму. Возник около VII в. до н.э. В его основе лежит такая

реальность как Зурван – Время и Судьба. Добро и Зло, Ахриман и Ормузд – не более чем братья-близнецы, рожденные Зурваном. Весь пафос благородства, вся низость хитрости, вся эффективность силы и маломощность правды – все с точки зрения Зурвана – тщетно и преходяще. Человек в целом бессилен перед Зурваном, как бессильны перед ним Ахриман и Ормузд. Время и судьба стоит над всем.

4. *Религия Ахеменидов*. В целом, течение близкое к маздаизму, но имеющее спектр отличий. Ключевым является отход от жесткой дуальной системы бытия, наличие существенных элементов многобожия и яркий, четкий интерес к политическим аспектам религиозной доктрины. Особое место занимает феномен адорации – передачи священных прав на власть Ахеменидов, узаконивание Ахурой Маздой этой власти и тотальная ее сакрализация своим божественным авторитетом.

Уже при кратком знакомстве со схемами представленных догматов видны серьезные усилия иранцев в становлении онтологии, как системы взглядов на мир, причем тесно переплетенные с этическими и политическими концептами. Уровень рассуждений, выделение отдельных предметов из объекта рассмотрения, наличие развитых форм аргументации и стремление к серьезным категориальным обобщениям могли бы стать основой для нашего вывода о

существовании в Иране начала первого тысячелетия до нашей эры философских систем. Могли бы, но не стали. Ибо нет ни одного собственно философского памятника указанного периода, имеющего в основе философское мировоззрение. Имеются отдельные элементы и искусно обработанные блоки мыслей. Лежит ли в их фундаменте нечто целое, как это было в Египте? Или указанные элементы лишь отдельные личностные прорывы мыслителей-уникумов? Очень осторожный, порой гиперкритичный исследователь, Марина Николаевна Вольф, допускает существование в древнем Иране возможности своей философии, но отсутствие ясных древних текстов именно философского содержания заставляет ее скептически к этому относиться. Исследователь видит возможность рождения философии, но она так и не смогла найти фактов этого рождения. Марина Николаевна оценивает элементы доктрин Древней иранской культуры как специфические протофилософские, но отсутствие их развития заставляет г-жу Вольф лишить их этого статуса *[Вольф, 2006: 43]*. Вне сомнения логика указанного автора в отношении философии весьма продуктивна – нет текстов, значит, нет философии. Даже при нашем подходе к выявлению философских знаний, проиллюстрированному в главе о Египте, нет оснований говорить, что Иран обладал философской традицией. Интеллектуальный взлет Заратуштры, отдельные онтологические взрывы философского

интеллекта Зурванизма – не более чем частные практики отдельных индивидуумов. Не понятые современниками, не осмысленные интеллектуалами того времени. Но отказывать им в статусе протософии только на том основании, что идеи так и остались идеями – значит не понимать роль и значение этапа протософии.

Иранцы, безусловно, продемонстрировали свои возможности к философскому созерцанию, в недрах их культуры родились оригинальные идеи, которые были блестяще систематизированы отдельными интеллектуалами. Вне сомнения, протософия Древнего Ирана это факт, имеющий место быть. Но только предфилософия. Она отличалась очень последовательным и буквально прошитым во всех областях знания дуализмом. Бинарность мира и вся цепочка этой бинарности от Этического до Космологического - принципиальная черта протофилосфии Древнего Ирана. Вырываясь из сферы мифа, дополняя, усиливая и осмысливая религиозность, протософия Ирана готовила своих носителей к последовательной рационализации Пространства и Времени. Особой изюминкой являются крайне развитые представления иранцев о теснейшей связи *этического* и *космологического*. Невозможно говорить о вопросах мироздания без моральных аспектов, а любое рассуждение об этике неизбежно влечет в этой традиции размышления об онтологии. Причем

существенная роль отводится именно Человеку, его выбору, его словам, его мыслям. И в этом смысле Человек онтологичен, а его бытие есть часть бытия неизреченного Целого. В процессе своего развития практически до XI в. н.э. Иранские идеи развивались и совершенствовались, они вбирали в себя категории Аристотеля, концепции Христианства и в конечном итоге немало способствовали становлению шиитской ветви Ислама. Но этап протофилософии несмотря на значительные культурные достижения, несмотря на крайнюю изощренность мысли, несмотря, в конце концов, на вкус и талант иранцев к категориальному мышлению и рациональной абстракции – так и не был преодолен. Протософия так и осталась с приставкой «прото». В чем же дело?

Попробуем оформить нашу точку зрения в несколько пунктов.

1. Философия, а уж тем более ориентософия не существует сама для себя. Она не выступает «чистым» знанием. Она всегда должна быть нужной кому-то. В Иране потребителем протософии мог стать жрец, позднее царь… Но жрецы иранцев — это закрытая каста. Одной единой религии не было. Множество трансформирующихся представлений, постоянная перезагрузка смыслов и концепций. Времени, чтобы остановиться и осмыслить путь – не было. Протософия, создаваясь как утилитарное знание для реформации религиозных доктрин и

уничтожения мифа, была востребована исключительно как инструмент, а не как способ жизни. Поэтому она нужна была лишь ограниченному кругу реформаторов и сразу же становилась излишней после реформы. Весь жар души и страсть интеллекта уходил на трансформацию, а на долю каноничности, итоговому обобщению – оставалось крайне мало. Отсюда ворох идей, стремительных обобщений и снова трансформация… протософия Ирана это реальность вечного становления, так и не достигшего уровня ставшего. Становления при Заратустре, при Ахеменидах, при Эллинизме, в рамках Зурванизма, Маздеизма, в текстах Пехлевийской эпохи и тяжкие споры с мусульманскими богословами.

2. Эллинизм нанес сильный удар по преемственности иранских протофилософов. Известно, что Александр Великий сжег ключевой канонический трактат «Авесту», уничтожил храмовые комплексы, убил многих жрецов. Сколько было оборвано ниточек, потеряно текстов - можно только гадать. Пришедшим династиям с их ярким эллинофильством ни к чему было страдать и создавать новое. В Азию стремительно ворвались культурные концепции Эллады и проникли развитые формы эллинской учености. В меха

старые было влито вино молодое. И меха не выдержали напора юности.

3. Иранцы, в отличие от своих «братьев» индийцев, оказались крайне приспособленными к заимствованиям. Иранцы на протяжении веков легко и элегантно впитывали идеи «популярных» культур Запада и Юга. До сих пор общины Маздаизма приспосабливаются к Христианству и Исламу, классической философии и классическому индуизму. В принципе, это умение кооптировать чужое в своем, характерная черта создателей великих философий: Эллады и Индии. Но в случае с Иранцами способность воспринимать чужое сыграло с ними злую шутку, ибо они оказались лишены умения своих индийских родственников, обобщая Чужой опыт, возвышать собственные концепции. Наоборот, чужой опыт пропитывал их доктрины и тяжким грузом давил к земле, заставляя снова и снова реформировать свое знание, замыкая этот процесс в дурную бесконечность бессмысленного совершенствования уже сказанного.

Индия

«Обширная территория Индийского субконтинента делится на несколько зон по климатическим условиям, рельефу местности и характеру почв. Различна была и значимость отдельных регионов в исторических судьбах древней Индии.

Полупустынные ныне области северо-запада в глубокой древности, возможно, были покрыты лесами. Почвы аллювиальных долин Инда и его притоков отличались особым плодородием. Здесь и возникли первые поселения земледельцев, а в III тысячелетии до х.э. — древнейшая в Южной Азии городская цивилизация. С севера и северо-востока Индия отделена от остальной части Азии хребтами Гималайских гор, поэтому именно северо-запад был той областью, через которую проникали переселенцы и завоеватели, шли торговые караваны, распространялись иноземные культурные влияния. Во II тысячелетии до х.э. здесь пролегал путь индоевропейских племен ариев, в I тысячелетии до х.э. отдельные районы подчинялись то персидским царям, то македонским наместникам, то греческим или скифским (сакским) правителям. Наконец, в начале христианской эры вся эта территория вошла в состав Кушанской державы. Центральная часть Индо-Гангской равнины уже в древности считалась священной «землей ариев» (Арьяварта). Между бассейнами великих рек и в верховьях Ганга складывалась в первой половине I тысячелетия до х.э. древнеиндийская цивилизация. С различными районами этой обширной равнины связаны эпические предания, сохранившиеся в знаменитой поэме Махабхарата. Северо-восток — средняя и нижняя часть бассейна Ганга — район повышенной влажности и буйной тропической растительности. В сезон дождей в долине Ганга не редки наводнения, дельта в древности была заболочена. Первоначальное население занималось преимущественно рыболовством, охотой, примитивным земледелием; лишь к середине I тысячелетия до х.э. в упорной борьбе с джунглями

началось широкое хозяйственное освоение этого района. Во второй половине того же тысячелетия здесь располагались важнейшие политические и культурные центры древней Индии. Невысокие горы Виндхья отделяют Индо-Гангскую равнину от п-ова Декан (древнеинд. Дакшина — «юг»). Декан представляет собой плоскогорье, сложный рельеф которого способствовал изоляции отдельных районов. Переход к цивилизации на юге произошел позднее, чем на севере. В труднодоступных горных и лесных областях до нового времени население продолжало жить в условиях племенного строя. Однако к концу эпохи древности на территории Декана сложились крупные государства, которые по уровню социального и политического развития не уступали странам, расположенным в долине Ганга» *[История Востока: 390]*. Вот в общих чертах те «декорации», в которых зарождалась протософия Индии, сумевшая в отличие от иных протофилософий Среднего и Ближнего востока создать уникальную и весьма развитую философскую традицию.

Специалисты, анализируя рождение философии в Индии, склонны разбивать этап протософии на два субэтапа. Период дофилософии (середина 2 тыс. до н.э. – кон. VIII в. до н.э.) и период предфилософии (VII–VI вв. до н.э.) *[Канаева: 13-14]*.

Первый этап – дофилософский, характеризуется тем, что «философия как теоретическая рефлексия еще не существует, попытки же осмысливать и объяснять мир на уровне мифологического, а затем религиозного мировоззрений уже предпринимаются» *[Канаева: 16]*. Вводится данный этап с той целью, дабы отследить из какой культурно-исторической среды появились

философские ростки в следующем этапе. Представляется, что это излишнее усложнение проблемы. Во-первых, мы с большой долей условности можем сказать какой текст дошел до нас из X в. до н.э., а какой из VI в. до н.э. Во-вторых, и дофилософский, и протофилософский этапы базируются в рамках одних Вед. И в том, и в другом периоде, истины извлекались как откровение, или как осторожное, аккуратное осмысление частей откровения, полученного свыше. В собственно философском этапе (V в. до н.э.–II в. н.э.) формируются институции по анализу и систематизации реальности. Институции в форме философских школ, систем мысли, узнаваемых стилей, набора аргументов и т.п. И с позиций этого яркого броска мысли, жутких для индусских ортодоксов полета фантазии и ярости аргументации, разница между дофилософским и протофилософским периодом крайне незначительна. Отдавая должное большой работе, проделанной коллегами по структуризации и скрупулезной аргументации разделения Индийской протософии на отдельные этапы (в нашей терминологии субэтапы) приведем таблицу (*Таблица 1*), которая поможет нам представить структуру текстов, легших в основание всей философской мысли Индии (либо как объект для критики, либо как самый последний и истинный аргумент в диспутах).

Что же это за реальность такая, «Ведический комплекс»? Веды – это обширнейший литературный памятник, который стал оформляться еще во втором тысячелетии до н.э. в племенах Ариев. Он имеет очень близкий и родственный аналог в таком тексте как «Авеста». Аналог близкий, но отнюдь не

тождественный. Именно Веды стали опорой для мысли Индусов. Из Вед вышли первые философские школы, которые либо продолжали осмысливать и систематизировать сказанное в них, либо отчаянно критиковать. А что же было до Вед и до Ариев? В ответе на данный вопрос кроются многие загадки развития самих Вед и судеб философии в Индии.

До прихода Арийских племен на Север Индии в Пенджаб (нынешняя территория Пакистана) в Индии существовала крайне развитая и сложная цивилизация, которая получила имя по месту раскопок одного из ее городов – Мохенджо Даро (*рис. 5*). Цивилизация имела развитые традиции градостроительства, обладала тонким художественным вкусом, знала мореплавание…

Известно о крайне тесных контактах Мохенджо-Даро с Шумером. Вот, в общем-то, и все. Текстов, сколь-нибудь обширных и расшифрованных – нет. Отдельные печати и обрывки элементов религиозного культа – вот все, что известно о том времени. Как представляется, Арии не были причиной смерти цивилизации Мохенджо-Даро. По каким-то иным неизвестным причинам она была стремительно уничтожена. То ли это произошло в результате междоусобных браней, то ли в результате стихийных бедствий – Бог весть. Но носители цивилизации продолжали жить, ее культура не исчезла столь же бесследно, как ее тексты и городские кварталы. Пришедшие Арии (*рис. 6*) столкнулись с населением, говорившем на языке, принципиально не похожем на язык завоевателей. Антропологически пришлые племена кардинально отличались физиологически (классические индоевропейцы и местные дравиды).

Индоарии пришли в Индию с готовыми мифологическими знаниями – *Ведами* (буквально – услышанными), их создавали мудрецы-поэты *риши*. Это было ритуальное знание, облеченное в стихи и передававшееся устно. В Индии они столкнулись с наследниками принципиально иной культуры. Кочевники, перевалившие Гиндукуш, встретились с угасающими очагами городской цивилизации, которая существовала уже сотни лет и прошла пик своего развития.

Столкновение с «Другим» это всегда стресс. Но это и не только стресс. Это всегда испытание и осмысление. Испытание на прочность своей мировоззренческой системы и осмысление самого себя, возможность осознать себя, как некое отдельное Я. Нет, конечно, не сразу, разумеется, не в форме рационально поставленной задачи… Иногда вопрос о самой себе культура стыдливо прячет. Вопрос прячет, а вот ответ дает всегда. Риши осмысливали увиденное, во внутренних диалогах спорили с услышанным, неизбежно вспоминали свое прошлое. И рождался ответ. Ответ в форме гимнов, конкретных заклинательных формул. Видимо, именно желанием осмыслить имеющееся и соотнести его с увиденным в Индии - заставило риши спорить, обсуждать и комментировать Веды, еще за 500 лет до их записи *[Индийская философия: 263]*. Уже в начале первого тысячелетия до н.э. есть четкая традиция толкования, устного толкования текстов. Ибо в основе вед не простая молитва, или просьба о помощи. Отнюдь. Значительная часть Вед — это конкретный ритуал, *обязывающий* божество выполнить ту или иную

просьбу. В этом смысле разделение Вед на отдельные части и познание ведического знания в рамках отдельных автономных текстов вещь бессмысленная. Веды - это единый комплекс, имеющий вполне ясную задачу: обязать, навязать правящим силам мира волю людей.

Веды в текстуальном, узком значении слова это: «четыре собрания текстов (самхита), составленные между началом 2 тысячелетия и XI в. до н.э.: «Ригведа», «Самаведа», «Яджурведа» и «Атхарваведа». Они были кодифицированы в течение первой половины 1 тыс. до н.э.» *[Канаева: 19]. Самая древняя и уважаемая - это Ригведа, из которой многие последующие авторы черпали информацию и смыслы для составления остальных текстов.* В середине первого тысячелетия до н.э. Веды были записаны. Имелось, как минимум пять (!) редакций Вед, до нас дошла лишь одна (!!).

Ригведа - это сборник гимнов, отдельных диалогов и просто реплик. Как правило они посвящены Богам, но есть слова буквально стенографически фиксирующие отдельные реплики неких лиц во время совершения того или иного ритуала. Весь этот массив информации представляет собой изумительное поле для реконструкций, предположений и носит характер открытого комплекса, то есть такого текстуального материала, который не имеет характера безусловного догматического толкования, всегда оставаясь в сфере возможного и чуть-чуть ирреального.

Около восьмого века до н.э. стали появляться определенные комментарии к Ведам. Комментарии, составленные официальными знатоками и толкователями текстов, людьми, чья профессия и смысл

жизни состояли в осуществлении ритуалов – *Брахманами*. «Наиболее древними и авторитетными из них считаются «Айтарея-брахмана» и «Каушитаки-брахмана», относящиеся к «Ригведе». Другими, наиболее известными, являются относящиеся к «Самаведе» «Шадвимша-брахмана»; к «Черной Яджурведе» – «Тайттирия-брахмана», к «Белой Яджурведе» – «Шатапатха-брахмана». Брахманы включали широкий круг тем: правила жертвоприношения, объяснения различных типов предписаний, изложения мифов и предфилософские идеи (в «Шатапатха-брахмане», к примеру, обсуждаются проблемы первоначала мира и космогенеза, соотношения мышления и речи, которой в брахманах вслед за ведами придается статус космической силы)» *[Канаева: 23]*. Комментарии Брахманов как представляется это безусловный фиксированный ответ культуры Индоариев на тот стресс, который они испытали, ворвавшись в Индию и столкнувшись с новыми идеями, смыслами… природой, в конце концов. В это время формирования официальных доктрин профессионалами ритуального дела, создается иной пласт толкований, иной паст осмыслений.

Культура Вед, сильнейшая мутация культуры Ариев и древней культуры Индии, страсть к мистике, итак присущая всем Ариям склонность к правде и истине. Вспомним Зороастризм, где у древних Иранцев – родственников Индоиранцев эта страсть оформилась в соответствующие культовые формулы. Все это приводило к тому, что отдельные, не чуждые брахманического знания личности ощущали себя

лишними в формирующейся каноничной и завязанной на мельчайших телесных ритуальных формулах культуре брахманизма. Эти люди покидали свои селения и уходили в леса, уходили, неся в своих сердцах дух скептицизма, жажды, правды и иной, недоступной брахманам свободы. Индия богатая на дары природы, богатая отдельными государствами, многообразная в своих племенных различиях позволяла этим отшельникам существовать и даже проповедовать. Так постепенно складывается третий корпус ведических книг: *Араньяки* («Лесные книги»). Они «создаются в период VIII–VI вв. до н.э. По содержанию они еще весьма близки брахманам, но в них уже гораздо меньше говорится о деталях ритуала, зато больше рефлексии: рассуждений о смысле обрядности, попыток рационального обоснования брахманизма и социального статуса брахманского сословия. Наиболее известной является «Айтарея-араньяка», в которой заметен новый подход к человеческой личности и придается новый, философский смысл понятию атман (санскр. – Я, душа): хотя в «Айтарея-араньяке» атман пока еще обозначал индивидуальное я, но там содержится намек на идею тождества атмана и Брахмана – индивидуального я и абсолютного первоначала бытия»*[Канаева: 23]*. Лесные отшельники имели возможность остановиться и подумать над проблемами мира и Человека, их сосредоточенное уединение легализовалось культурой Вед, направленной на медитацию и аскетические подвиги. Многообразие Индийской природы, этнические особенности, продолжающаяся диффузия арийской и местных культур – все это давало повод

удивляться и вело к неизбежному выходу за пределы мифа и религии в их узком родоплеменном смысле.

В этот же период формируются наиболее древние тексты из *Упанишад*, «это тексты, излагающие эзотерическое (сокровенное) знание, передаваемое от учителя к ученику и доступное лишь немногим избранным. Под этим общим именем известны более 200 текстов, которые начинаются создаваться, вероятно, около VIII– VI вв. до н.э., наиболее поздняя была написана по распоряжению шаха Акбара около XVI в. Корпус упанишад делят на ранние и поздние. Ранние – написанные до V в. до н.э., к ним относятся «Брихадараньяка», «Чхандогья», «Тайттирия», «Айтарея», «Каушитаки», «Кена», «Иша», «Шветашватара» и др. К поздним относят «Муктика», «Пинда», «Гарбха», «Йога», «Санньяса», «Мантра», «Шайва», «Вайшнава» и др. Особо выделяют 13 основных упанишад (преимущественно из числа ранних), которые считаются оригинальными, остальные рассматриваются как неоригинальные, эпигонские. Упанишады впервые были записаны в 1656 г., когда султан Дара Шакох заказал перевод с санскрита на персидский язык 5 упанишад. В 1801–1802 гг. около 250 упанишад переведены на латынь с фарси французом Анкетилем дю Перроном, 123 из них признаны подлинными» *[Канаева: 23-24]*. Нам известны имена и наиболее древних авторов Упанишад: *Шандилья, Яджнявалкья, Уддалака*. Причем следует подчеркнуть, что Упанишады составлялись не только брахманами, но и кшатриями (сословием воинов и царей).

Араньяки и Упанишады структурно завершают цикл ведических текстов (веданту). При этом они могут

завершать весь цикл текстов, а могут являться структурной частью брахманов, но опять-таки завершающих конкретную Веду. В этом случае тексты относятся к классу Веданг (см. Таблицу 1.). Веданта и Веданга (тексты, написанные до V в. до н.э.) имеют класс священных текстов, источник которых само божество. А тексты, входящие в веды после указанной даты – *Смрити (табл. 2)*. Они написаны отдельными авторитетными мыслителями и носят на себе печать ограниченного человеческого знания (об этом подробнее в последующих лекциях).

Но вернемся к рубежу тысячелетий, когда на севере Индии формируется протофилософская система. Исследователи, внимательно изучившие этап зарождения в Индии философского знания, отмечают серьезную роль в этом процессе трех аспектов:

1. Здесь присутствуют два универсальных понятия мирового закона – *Рита* и *Кам*а. В ведийских гимнах сказано, что все три части мира управляются силой, называемой Рита (букв. «закон, мировой порядок»). Рита называется первоосновой мира и действующих в нем законов. В гимнах сказано, что благодаря Рите Солнце перемещается по эклиптике, сменяют друг друга времена года, рассвет рассеивает ночную тьму. Ей подчиняются даже боги. Но сама Рита оказывается зависимой от человека. Эта зависимость выводится из мифологической идеи неразрывной связи процессов природы с циклом жертвенных действий, ритуалов. В ведийском мировоззрении ритмическое функционирование космического механизма обусловливалось тем, что боги и люди участвовали в годовом цикле жертвоприношений, которыми взаимно

усиливали друг друга, как бы воспроизводили или подпитывали силы, приводящие в движение Космос. Поскольку культовая практика жрецов, творцов и исполнителей гимнов воспринималась ведийскими ариями как органическая часть мирового процесса, обеспечивающая торжество мирового порядка (Риты), защита от угрожающего всему живому хаоса, постольку надлежащее исполнение ритуалов становилось механизмом воздействия на космические силы. Позже, в упанишадах и эпосе, Рита будет заменена более абстрактным понятием кармы. Другая космическая сила – Кама (санскр. – «чувственная любовь», «желание») также является результатом абстрагирования. Кама называется в гимне «Насадия-сукта» творящей космос силой, «первым семенем мысли» (X. 129).

2. В ведах мы встречаемся с вполне философскими, абстрактными понятиями бытия (сат) и небытия (асат), но их концептуальное наполнение пока еще во многом мифологическое. Так, в Атхарваведе (X. 7) приводятся размышления о возникновении сущего (сат) из несущего (асат). Они провозглашаются сосуществующими в Скамбхе – персонификации мировой оси, опоры вселенной, или самой Вселенной. Есть и другие интерпретации категорий сат и асат, но целостных непротиворечивых концепций бытия и небытия в самхитах еще нет.

3. В ведах можно наблюдать и предпосылки социальной философии, поскольку там уже есть рассуждения об устройстве общества, обоснования социального неравенства. Мир ведийского человека был социально неоднородным. Ко времени появления ариев на территории Индостана в их племенном строе

наметилось имущественное расслоение. В самых ранних гимнах «Ригведы» выделяются кшатра – племенная аристократия и виш – народ, рядовые члены племени. В «Пуруша-сукте» «Ригведы» впервые встречается перечисление четырех основных сословий древнеиндийского общества: брахманы (жреческая аристократия), ра́джаньи (позднее – кшатрии, воинская аристократия), вайшьи (свободные общинники) и шудры (порабощенные или полу порабощенные потомки местных племен). Поместив идею прирожденного социального неравенства в число священных истин, брахманы, таким образом, отождествили понятия неравенства и справедливости, слив их в представлении о справедливом неравенстве, и определили, таким образом, неизменность устройства общественной жизни Индии на последующие тысячелетия» *[Канаева: 31-32]*.

Тотальное сосредоточение в руках брахманов всей ритуальной практики привело к любопытным результатам. Во-первых, значительному и стремительному росту профессионализма, который генерировался и передавался в роду от поколения к поколению. Во-вторых, значительная этническая и политическая раздробленность ариев приводила к формированию разных брахманических семей и в конечном итоге к определенным школам толкования Вед. Первый и второй пункты привели к массовым и очень активным диспутам внутри самого брахманического сословия, а темный язык Вед, их древность и устаревшие лингвистические формы стимулировали развитие осмысления, рационального толкования, формального доказательства своей точки

зрения. Не стоит также забывать, что цель брахмана – ритуал, обязывающий божество выполнить требуемое. Отсюда внимание к формулировкам запросов, четкости определений и внутренняя, искренняя тяга к отождествлению слова с реальностью. Именно в среде Брахманов удивительно совпали условия, позволившие стремительно вывести философию (ориентософию) из области *возможного* в область реальности. Правда, ритуал и лингвистика стали заменять Индусу логику и опыт. Вернее, не столько заменять, сколько становиться мерилом истинности.

Буква текста, лингвистическое осмысление буквы текста и ритуальность в понимании осмысленной буквы текста – вот база философского размышления Индуса, рожденного в недрах протософии. В недрах протософии формируются специальные теоретические дисциплины, связанные с грамматикой, фонетикой, психикой человека, чувственными удовольствиями. Причем они появляются *до философских* текстов, вернее к моменту появления развитых философских доктрин *уже* существуют развитые традиции частного теоретического (в известном смысле научного) знания.
Следует подчеркнуть, что речь идет о знании, полученном не при помощи рационального логического рассуждения, не в рамках опытного наблюдения, измерения и эксперимента. Речь идет о знании, получаемом интуитивно, посредством проникновения в запредельное, посредством соприкосновения с Абсолютом. И в этом смысле, *понимание* является доминантой по отношению к *объяснению*. В рамках Араньяков и Упанишад предлагаются формы и способы этого понимания. Формируются механизмы достижения

того или иного состояния истинности. Ибо вывод о чем-то сам по себе, без определенного состояния способного понять истину – бессмыслен и мало значим. По сути, мудрец это не тот, кто много знает и может многое объяснить… *мудрец это тот, кто пребывает в состоянии истинности*. И чем более длителен его персональный, личный отрезок истинности в течение дня, тем он более мудр и, простите за тавтологию, тем более его слова истинны. Но находясь в состоянии этой истинности, мудрец не может не проявлять некоторых внешних знаков своей мудрости в этике, эстетике, психике, физиологии и т.п. В этом смысле работа профессионалов-брахманов оказывается органично сочетаемой с деятельностью отшельников – создателей Араньяков и крайне востребована даже кшатриями (о чем и свидетельствуют Упанишады).

С появлением первых Упанишад формируется первый набросок систематизации мировоззрения, который позволяет перейти от частных практик отдельных мудрецов и их последователей, от отдельных прикладных аспектов теоретического мышления к весьма серьезным обобщениям. Ранние Упанишады трансформируют, наделяют особым смыслом уже имеющиеся текстуальные оболочки родом из второго тысячелетия до н.э. То, что принесли Арии в Гиндукуш, то что Арии сформировали во время своих странствий по Азии, оказалось переосмыслено в реалиях Северной Индии, в реалиях этнической чересполосицы, диффузии кочевого мира и мира развитой городской цивилизации, в условиях разнообразных расовых особенностей пришельцев и коренных жителей.

«На санскрите «атман» означает «я», «я сам», «душа», «дух». Смысл этого понятия точнее всего передается возвратным местоимением «сам», поскольку атман – это, то собственное, свое, в чем выражена сущность живого организма; это одушевляющее начало, носитель речи и разума. В «Ригведе» Атман первоначально обозначал «дыхание как таковое», «жизненный дух», частично перекрывая смысловое поле термина пуруша (санскр.– «человек, муж»; «духовное начало, духовная сущность»). Ранние употребления понятия Атман в философском смысле находят в «Шатапатха брахмане» и «Айтарея араньяке»: в них индивидуальное «я» (атман) рассматривается как тождественное первоначалу мира Брахману. В упанишадах Атман употребляется и в узком смысле (как индивидуальная душа, «я»), и в широком – как духовная сердцевина, коренящаяся во всех сознающих существах. Во всех он присутствует как их внутреннее «я», понимаемое как часть мирового сознания – Атмана. То есть, согласно упанишадам, духовное начало проявляется в мире в двух разновидностях: как индивидуальное (во всех существах) и как высшее, присущее мировому целому. Но по сути своей они не являются различными сущностями: и человеческое «я», и мировое «Я» – это одно и то же духовное начало… Брахман: в текстах самхит оно изначально употребляется как ритуальное понятие, в смысле «молитва» и для обозначения персонального ведического бога Брахмы. В ранних упанишадах это понятие трансформируется и начинает обозначать единую абсолютную реальность, высшую по отношению к вещной реальности. Там много раз повторяется одна и та же мысль: все, что существует,

происходит из Брахмана, заключено в нем. Эта сторона Брахмана именуется в упанишадах хираньягарбха (золотой зародыш). В «Тайттирия упанишаде» о Брахмане сказано, что он и первопричина, и конечное состояние всего: «Поистине, от чего рождаются эти существа, чем живут рожденные, во что они входят, умирая, то и ...есть Брахман». «Мундака упанишада» повторяет ту же мысль, добавляя Брахману новые атрибуты: «Поистине, Брахман – это бессмертное, Брахман впереди, Брахман – позади, справа и слева, он простирается вверх и вниз; поистине, Брахман – все это, величайшее» *[Канаева: 38-39]*. В эту эпоху протософии допускаются и прямо противоположные точки зрения: «Атман ответствен за дыхание, речь, зрение, слух и разум (в древнегреческой философии за них отвечала душа). Когда он осознал себя как Брахман, возник мир, а значит, Атман является творческим началом мира. О творении мира Атманом говорится в «Айтарея упанишаде»: «Поистине, это вначале было одним Атманом. Не было ничего другого. Что бы мигало. Он подумал: “Теперь я создам миры”. Он создал эти миры» (имеются в виду три мира – земной, небесный и находящийся между ними воздушный). В «Тайттирия-упанишаде» можно проследить ступени космогонического процесса: «Из этого Атмана возникло пространство, из пространства – ветер, из ветра – огонь, из огня – вода, из воды – земля, из земли – травы, из трав – пища, из пищи – человек». В ранних упанишадах содержание категорий Атман и Брахман раскрывается, с одной стороны, через их противопоставление, с другой – через их отождествление» *[Канаева: 40]*. Можно много размышлять о диалектическом единстве этих

понятий, и о том, что в последующие эпохи философские школы (*даршаны*), упорядочивают эти противоположности в рамках единой концепции. Для нас важнее другое, начавшийся процесс философской рефлексии не заглох, а стал востребован обществом.

Пример из Брахман: «…в брахманах для объяснения устройства мира используются еще две онтологические категории – прана (букв. «дыхание») и вач (речь). Различные формы дыхания (праны) названы там первостихиями бытия, обеспечивающими жизнедеятельность человека и природы. Введение понятия «прана» обосновывалось хорошо известными эмпирическими фактами: человек может не говорить, не двигаться, не слышать, но пока он дышит – он существует; с исчезновением дыхания прекращается и сама жизнь. С этой точки зрения праны провозглашаются в брахманах центральным принципом бытия и отождествляются с высшим из ведийских божеств, Индрой. Речь в брахманах предстает как космическая сила, пронизывающая собой весь мир, существующая от сотворения мира. Это представление выражается в поклонении устно запоминаемым текстам вед; их формулы, поэтические приемы, размер стиха признаются наделенными сверхъестественной силой, способной повлиять на процессы, идущие в природе. Так понятая позже, в индийской философии, речь приобретает онтологический статус, подобный статусу идей в идеализме Платона или универсалий – в средневековой философии. Включение речи в число первоначал мира указывает на важность проблемы отношения мысли и речи для авторов брахман. Эта проблема была важной и в западноевропейской

философии, но решалась там несколько иначе. Созданный Атманом-Брахманом мир – это не хаос, а порядок, потому что он подчиняется мировому закону, управляющему мирозданием, а именно закону кармы – закону воздаяния за деяния. В самхитах этот мировой закон назывался Рита, а в ранних упанишадах и в эпосе, как уже отмечалось, Рита вытесняется более абстрактным понятием кармы. Концепция кармы основывается на представлении об одушевленности всех существ и вещей, и на вере в бессмертие души, ее переселение после смерти из одного тела в другое. По закону кармы будущее место обитания души зависит от деяний ее носителя – в частности, человека – в прошлой жизни. Царь в новой жизни может возродиться в бедной семье, мужчина может родиться женщиной, животным, деревом, камнем. Души животного или дерева могут в следующем рождении вселиться в тело человека. Таким образом, весь мир от низших его видов до небожителей оказывался в едином круговороте переселения душ, а управляла всем этим движением карма. Такое представление о законе кармы сохранилось во всех ортодоксальных системах философии и в джайнизме. Закон кармы – не чисто физический закон, но и моральный закон одновременно, потому что он карает за нарушение этико-социального закона – дхармы, работает в паре с ним. Представление о нравственном законе, которым должен руководствоваться в жизни каждый человек, сложилось еще в дофилософских текстах, но закреплено было в брахманах в учении о нравственном законе для каждого сословия (варна-ашрама-дхарма), или «учении о четырех жизненных стадиях». Согласно этому учению, каждый мужчина из

трех высших варн проходит четыре жизненных стадии (ашрама). Для каждой из варн предусмотрен специфический круг социальных обязанностей – дхарма, т.е. каждая варна имеет свою дхарму. Первая стадия – стадия ученичества (брахмачарья). Она начинается с обряда посвящения (упанаяна), символизирующего приобщение к священному знанию – ведам, который мальчик проходил в возрасте 5–7 лет. Во время обряда ему на шею надевают священный шнур (упавита). После церемонии мальчик считается получившим второе рождение, сакральное, поэтому членов трех высших варн называют «дважды рожденными». Только дважды рожденные раньше имели право изучать веды, женщинам и шудрам нельзя было не только заучивать наизусть, но даже читать и слушать священные тексты. Стадия ученичества могла длиться 12 лет и больше. За ней следует стадия домохозяина (грихастха). Дхарма домохозяина – общественно полезный труд, совершение жертвоприношений богам и предкам, обзаведение потомством. Состарившись и дождавшись внуков, домохозяин должен перейти на другую стадию – отшельничества (ванапрастха). На этой стадии ему предписывается передать дом и хозяйство сыновьям и удалиться в лес, одному или с женой. В лесной обители он должен совершать покаяние и предаваться размышлениям, готовя свою душу к освобождению от сансары (мирского бытия). Последняя стадия на жизненном пути человека – удел странствующего аскета (саньяси), блуждающего в одиночестве по городам и деревням. Тяготы такой жизни должны окончательно разрушить его привязанность к мирскому

бытию и превратить его в идеал, описанный в Ваджрасучика-упанишаде: в мудреца, обладающего высшим знанием, свободного от земных привязанностей, от печали, зависти, надежды, наделенного спокойствием, пребывающего в созерцании, не затронутого обманом и самосознанием. Этот нравственный идеал сохраняется и в сегодняшней Индии. С четырьмя жизненными стадиями индийская традиция соотносит четыре вида ведийских текстов: ученик должен был изучать 4 самхиты – Ригведу, Самаведу, Яджурведу, Аатхарваведу; домохозяин – брахманы; отшельник – араньяки; странствующий аскет – упанишады» *[Канаева: 42-44]*.

Перед нами, как мы видим, концепция и культурная конструкция, где мысль, явственно востребована обществом, мы видим мир, в котором слово и дело крайне важны как во вселенском, так и в бытовом плане. Мы видим мир, который предлагает яркий мало чем ограниченный простор для осмысления и понимания парадоксов. Мы видим мир, который готов стать ориентософским. К пятому веку до н.э. Индия стала полностью готова для принятия своих новых учителей, которые буквально взорвали уже начавшуюся устанавливаться гармонию. Мы говорим о *Шарманах*, которые выступили с яркой тотальной жесткой критикой брахманов и тем самым позволили протософии перейти в область ориентософии. То есть они создали такие условия, которые оказались отсутствующими в Египте и Шумере. Они стали таким фактором, который не смог появится в Иране, вернее он там появился (деятельность Заратустры), но лег в неподготовленную почву и выродился в узколокальный

религиозный культ. В Индии было все по-другому, и она вступила в эру своего золотого ориентософского века.

Вопросы для самоконтроля:

1. В чем особенности Иранской протософии и теологические наклонности Иранцев.
2. Какова роль Индоариев в формировании протософии Индии.
3. Подробно опишите основные векторы древнеиндуистских писаний.

Темы для рефератов и эссе.

1. Протософия Брахман.
2. Араньяки и их протософские элементы.
3. Упанишады и их структура.

Лекция 6.
Софийные элементы в Древнекитайской культуре

На рубеже третьего и второго тысячелетий до нашей эры в долине реки Хуанхэ складывается древнейшая Китайская цивилизация. Уже около 1700 г. до нашей эры археологи фиксируют крайне развитые металлургические традиции, наличие монументальных дворцов и поселений протогородского типа. Создатели одной из древнейших цивилизаций планеты, предки современных Китайцев называли себя *хуася*, при этом существует устойчивое мнение, что основателем китайской государственности (этноса, культуры и т.п.) является династия *Ся*, положившая начало 40 вековой истории Древнего Китай, цикла, состоящего из 25 царских династий. Одновременно с Хуанхэ в долинах рек Янцзы и Синцзян формируются альтернативные источники цивилизации, которые позднее были объединены в единую китайскую этнокультурную общность[25]. Но, несмотря на их высочайшие хозяйственные достижения, несмотря на сложную административную структуру и развитые политические элементы, ни один из очагов цивилизации не обладал письменной культурой.

---

[25] Недавно произошла археологическая сенсация, когда была открыта на территории современного Китая цивилизация, существовавшая еще во времена Неолита (6-3 тысячелетие до н.э.) и обладавшая феноменальными достижениями в производстве металлических изделий, в том числе высочайшего художественного и технологического уровня [*История востока* : 194.].

На излете второго тысячелетия до нашей эры по берегам рек (в основном Хуанхэ) формируются развитые городские общины с обостренным чувством собственной исключительности и глубоким эмоциональным восприятием собственного престижа в глазах окружающих протогосударств. Оттуда, из этих районов, идет наше знание о первых письменных памятниках – гадательных пластинах со значками, которые датируются 13 веком до н.э. Но их чтение практически невозможно и имеет множество оговорок по целому ряду причин. Окончательно письменность устанавливается в Китае лишь в середине первого тысячелетия до н.э., когда появилась единая грамматика и возможность зафиксировать появление единого древнекитайского языка со стройной системой письменности.

Весьма удивительный и парадоксальный факт! В течение столетий существовало и развивалось государство, военное дело, торговля (от Сибири до Вьетнама, от Тибета до побережья Тихого океана), создавались монументальные дворцы и крепости, а письменность находилась на примитивном уровне и отвечала скорее вопросам магического порядка, нежели несла элемент культурного или хозяйственного значения. Сколь-нибудь значимых духовных прорывов, резких, парадоксальных интеллектуальных вызовов обыденности от цепко держащихся за «земное» носителей протокитайской культуры – ждать не приходилось. Подчеркну, что в области градостроения, торговли, военного дела, техники бронзолитейного производства, ювелирного искусства – рассматриваемая культура находилась на весьма высоком уровне, отчасти

превосходя одновременные с ней культуры. Не то в области Слова, Духа, Смысла, Истины. Последнее находилось за пределами сферы зарождающейся цивилизации и не в силу запретов, а, по всей видимости, в силу устойчивого и единодушного отвращения к «баловству» подобного рода.

В 1122 году до н.э. Иньская цивилизация, так называемый союз «Шан» (на верхней и средней Хуанхэ) был разбит и покорен завоевателями с запада, *Чжоу*. Именно в эту эпоху формируются идеи Великодержавности, к этой эпохи относятся первые и древнейшие гимны из книг «*Шуцзин*» и «*Шицзин*». Вот характерный образчик мысли того периода: «Широко кругом простирается небо вдали, но нету под небом ни пяди нецарской земли. На всем берегу, что кругом омывают моря, повсюду на этой земле только слуги царя!» [*История востока*: 203]. Очень любопытно идет развитие письменности. Если в Египте и Шумере в основе письменности лежали магические, хозяйственные и особенно юридические документы, то в Китае такой путь был крайне затруднен. Здесь, например, для юридических документов использовались… бронзовые сосуды с отлитым на них текстом жалованных грамот. Естественно, отливать текст в бронзе - это не то же самое что писать его на глиняных табличках или папирусе. Развитие письменности блокируется и наиболее распространенным писчим материалом – бамбуковыми пластинками. Объем возможного текста нанесенного на них – строго лимитирован.

К восьмому веку до н.э. войска Чжоу были разбиты кочевниками, и остаткам населения царства

пришлось уйти на восток, где они сумели создать государство Врсточное Чжоу. Район ранней цивилизации Китая к этому времени представлял собой странную картину. Вот как описывают реальность того времени историки: «К этому времени, согласно традиционной историографии, на территории Китая существовало около 200 царств, которые ряд исследователей, не без основания, относят к категории городов государств… Ранне чжоуские царства древнего Китая (которые огульно нельзя относить к числу протодревнекитайских, ибо в них консолидировались различные этнические общности, а не только протоханьцы) располагались с запада на восток от долины р. Вэйхэ до п-ова Шаньдун, включая Великую Китайскую равнину, на юге и юго-востоке они захватывали долину нижнего и среднего течения р. Янцзы, а на севере достигали района современного Пекина. Их окружали враждебные племена, известные под обобщающими названиями: ди (северные племена), и (восточные племена), мань (южные племена), жун (западные племена)… Среди царств, рассеянных в это время в бассейне среднего и нижнего течения Хуанхэ на Великой Китайской равнине, одни относили себя к потомкам чжоусцев, другие — шанцев. Но все они признавали над собой верховную власть чжоуского вана, провозглашаемого Сыном Неба, и считали себя «срединными царствами» (чжунго) мира — средоточием Вселенной. Распространившаяся в это время ритуально-магическая концепция чжоуского вана как Сына Неба была связана с культом Неба — верховного божества, — зародившимся в Китае вместе с чжоуской государственностью. По сравнению с

шанскими культами предков и сил природы культ Неба и Сына Неба, как его земного воплощения, был надплеменным, межэтническим, совместимым с местными общинными культами, но возвышающимся над ними. Вместе с учением о Воле (Мандате) Неба (Тяньмин — «Божественной инвеституре») он служил идее харизмы власти вана и легитимации права династии Чжоу на господство в Поднебесной (Тянься — Страна под Небом). Хотя Восточно-Чжоуское царство в это время было отнюдь не самым крупным и далеко не самым сильным в военном отношении, но именно оно являлось своего рода связующим единством «чжоуского мира» в силу освященного традицией представления о сакральном характере власти его правителей. Оно играло большую роль в установлении дипломатических отношений между «срединными царствами» на всем протяжении периода «Чуньцю». Кроме «срединных царств» на территории «чжоуского мира» находились и другие государства, нисколько не уступавшие им ни по размерам, ни по уровню культурного развития. Среди них выделялись южные царства Чу (в среднем течении Янцзы), У (в дельте Янцзы) и южнее их — Юэ. Их население было родственно предкам вьетнамцев, чжуан, мяо, яо, таи и других народов Юго-Восточной Азии» [*История востока*: 208-209].

Таким образом, протософия Китая заключалась отнюдь не в памятниках письменности или деятельности отдельных мудрецов. Протософия являла себя в государственном строительстве, чувстве почтения и способности уважения к авторитету. Это кажется удивительным и не понятным. Но если существует застывшая музыка (архитектура), если в

живописи А. Рублева усматривают сложнейшую философскую рефлексию, то, что с методической точки зрения, мешает видеть основы ориентософии Китая в жизненном пульсе государства? Эллины фиксировали идеал мысли в символах письменности, индус в индивидуальных ментальных практиках, а предки китайцев в факте государственного бытия.

Эта эпоха, когда идут ожесточенные войны, перемещаются массы этнически и культурно разнообразных племен. Эта эпоха, когда формируется особое представление об «исключительности и культурном превосходстве хуася над всей остальной мировой периферией — «варварами четырех сторон света» (сы и). Причем в этой восточночжоуской этноцентрической модели ойкумены на первый план выдвигаются не этноразличительные, а культурно-различительные признаки. Идея абсолютного культурного приоритета чжунго жэнь («людей срединных царств») становится с этого времени важнейшим компонентом этнического самосознания древних китайцев» [*История востока*: 210].

Как отмечают специалисты, с конца VII — начала VI в. до н.э. «окраинные нехуасяские царства выдвигаются на первый план политической конъюнктуры в качестве «гегемонов» (ба), фактически диктующих свою волю Поднебесной в период «Чуньцю». Среди них древнекитайская историческая традиция называет по крайней мере четырех правителей «варварских» царств: северо-западного жунского царства Цинь, уже упомянутых южных маньских царств Чу и У, и самого южного из всех, этнически неоднородного царства Юэ. Из них только Цинь

номинально признавало власть восточночжоуского вана. На протяжении веков «срединные царства» находились в постоянных и интенсивных контактах с этими и другими соседними иноэтническими народами и племенными группами Восточной Азии, в ходе которых происходил сложный процесс ассимиляции и взаимовлияний. На формирование общности хуася существенное воздействие оказало оседание на Среднекитайской равнине в VII— VI вв. до х.э. северных племен ди, принадлежавших к так называемому «скифскому миру».

Заимствование культурных достижений «чужих» этносов имело немаловажное значение для социально-политического, хозяйственно-экономического и идеологического развития «срединных царств». С конца периода «Чуньцю» заметно расширяется территория хуася, хотя и в пределах бассейна р. Хуанхэ и среднего течения р. Янцзы. Становятся все более тесными взаимоотношения «срединных царств» с периферийными царствами Цинь, Янь и Чу, которые, со своей стороны, непосредственно вовлекаются в сферу культурного влияния хуася. Все эти процессы происходят на фоне ожесточенных войн между царствами, приобретших исключительно напряженный характер в начале второй половины I тысячелетия до х.э. В междоусобную борьбу «срединных царств» активно вмешиваются сильные в военном отношении нехуасяские царства, и именно их участие в той или иной военной коалиции зачастую решает исход конфликтов». [*История востока*: 211] К пятому веку из палитры царств остается только 30 высоко централизованных государств, активно формирующих

царскую бюрократическую систему в противовес традиционным общинным, клановым авторитетным иерархам. Из 30 - наиглавнейшими являются 7 царств, к которым тяготеют все остальные.

Начинается период «*Чжаньго*» («Борющихся царств»), время, когда рождаются первые мудрецы Поднебесной, заложившие основы двухтысячелетней ориентософии Китая.

Их появление не случайно. В эпоху Борющихся царств появляется железо и сталь, рождается бюрократия и формальная идеология. Это время стремительных карьер и драматических падений, нет времени «просто жить». Воющие царства вынуждены стремительно развиваться, чтобы выжить. Экспансия военная, интеллектуальная, торговая становится залогом банального выживания. Время затягивается в тугой узел и становится как никогда стремительным и мимолетным, напряженность духовной жизни вполне соответствует напряженности жизни внешней – физической: «на городских площадях, на улицах и в переулках, во дворцах правителей и домах знати открыто происходили многолюдные диспуты идейных соперников. В знаменитой на весь чжаньгоский Китай «академии» Цзися — «у ворот Цзи» в циской столице Линьцзы — одновременно сходилось до тысячи «мужей, искусных в споре», состязавшихся в философском красноречии. В эту эпоху «соперничества ста школ» — как ее называют источники — складываются важнейшие древнекитайские литературно философские направления, в русле которых создаются художественные произведения, основанные на авторском замысле и отмеченные яркой

индивидуальностью, служившие сотням последующих поколений своего рода «недосягаемым образцом» культурного наследия китайской цивилизации» [*История востока*: 435].

Создается удивительная иероглифическая письменность. Дело в том, что указанные выше территории объединяли носителей разных языков и диалектов. Причем языки, порой были не просто иными, а принадлежали к *принципиально* иным семьям и группам, весьма далеким от диалектов древнекитайского языка. В этом смысле иероглифы могли использоваться носителями разных языков, ибо иероглифическая письменность не знает прямой зависимости между чтением и написанием. Именно стандартизация иероглифической письменности явилась вторым элементом софийности в Китайской культуре. Работа не со знаком, не с текстом, а прямое оперирование смыслом и образом – вот второй элемент в основании протософии Китая. Уже *до* появления развитых софийных институтов Китайская культура породила искусственный, удивительный язык «письменных памятников «Чжаньго», который не совпадал ни с одним из разговорных языков того времени, а являлся наддиалектным языком, грамматически и лексически основанным на диалектах центральных государств Среднекитайской равнины». *[История востока: 438*] Речь идет о создании своеобразного Эсперанто за две с половиной тысячи лет до появления этой идеи в Европе. Причем такого эсперанто, который оказался практически эффективным и имел потенциал к развитию. И лишь много позднее

появления классической китайской письменности стал складываться общий древнекитайский устный язык.

В этой связи можно вспомнить труд Константина Философа, создавшего особый церковный язык, понятный всем славянам. Язык, который создавался на основе тогдашних славянских диалектов, элементов греческого и латинского языков. Это достижение по праву считается феноменальным и вот уже тысячу лет вызывающим почтение и удивление, как у православных, так и у католиков. Но это был труд человека, усвоившего классические философские работы эллинов, вполне владевшего удивительной культурой ориентософии Восточного Средезимноморья (богословские традиции Антиохийской и Александрийской школ, знание базовых текстов Ислама, не говоря уже о тщательном изучении Ветхого Завета, а через него и иудейской образованности); то есть находившегося на вершинах развитой философской и ориентософской традиции. Когда же мы говорим о создании языка китайского в его иероглифической форме, то укажем, что Китай *не знал* развитого ориентософского опыта, Китай *не имел* традиций школьного или аскетического опыта интеллектуальной деятельности. Китайская ориентософия в лице Лао-Цзы и Кун-Цзы появилась *после* создания языка, существующего по сей день. *До* формирования языка в Китае бытовали: устная поэтическая традиция, погодные хроники, тексты отдельных заклинаний, вопросы к оракулам и дарственные надписи. И лишь *после* создания единого наддиалектного языка, создались условия к появлению традиции

мудрствования. Феномен - еще ждущий своего исследователя.

Китайская действительность, творящая смыслы в форме государственного бытия и работающая с идеальным, минуя звуки, слоги и слова. Действительность, объединяющая разные этносы, культуры, религии (отчасти даже и цивилизации) в своем метафизическом единстве Державы и Чистого Смысла. Она то и явилась той предпосылкой к ориентософии, которую восприняли первые мудрецы Поднебесной империи.

В Китае существовала крайне развитая астрономия (имелись каталоги звездного неба, фиксировалось появление комет), уже на заре своей культуры была крайне развита культура счета. В этих фактах заложено зерно основополагающей идеи – *Дао*[26]. Наблюдая за ходом светил и фиксируя их четкость и «вечность», рождалась мысли о неизменном пути «вещей». Первой известной нам попыткой осмыслить и выразить это интеллектуальное предчувствие является трактат VIII в. до нашей эры «*Хунфань*» («Великий план»), излагающий учение о материальном мире и пяти «элементах».

Особый интерес вызывает уникальная книга «*Ицзин*» («Книга перемен»). Его основу составляют восемь триграмм (ба гуа), каждая из которых представляет собой комбинацию из трех параллельных черт — сплошных и прерывистых. Триграммы, являющиеся символами неба, земли, огня, воды, озера,

[26] Вечное действие или принцип творения, который отвечает за происхождение единицы и двойственности и вместе с тем за начало мира и творение.

ветра, горы и грома, в определенном сочетании образуют 64 гексаграммы. Сплошная черта означает космическую силу света ян, прерывистая — силу тьмы инь. Первая триграмма, состоящая только из сплошных черт, представляет «небо», вторая, включающая в себя лишь прерывистые черты, — «землю». Они выступают воплощением активного и пассивного, положительного и отрицательного начал, во взаимодействии и взаимопреодолении которых рождается все сущее. Среди ученых есть мнение, что в «Книге перемен» впервые в истории предпринята попытка представить явления мира в двоичной системе. Исходя из основной идеи «Книги перемен» об изменчивости, неизвестные авторы трактата середины I тысячелетия до х.э. «Сицы чжуань», комментируя «Ицзин», развивали мысль о движении как неотъемлемом свойстве объективного мира, истолковывали кардинальное ицзиновское понятие «тайцзи» («великий предел») как первоматерию — некую изначально двойственную сущность — аналог Дао, порождающую двоицу образов — субстанциальные силы инь и ян»[*История востока*: 461].

Исторически первым протософийным мыслителем следует признать *Ши Бо* (кит. 史伯） - придворного историографа VIII в. до нашей эры из Чжоу, который, противопоставив категории «гармония» (*хэ*) и «тождественное» (*тун*) (同), выдвинул положение о том, что «гармония рождает вещи» (夫和實生物). Принцип, ставший одним из золотых правил Китайской ориентософии.

Ши Мо (Цай Мо) из царства Цинь – глава придворных летописцев и астрономов. Высока вероятность того, что

его размышления легли «в основу доктрин конфуцианства: об универсальности космических закономерностей, распространяющихся на общество, о небрежении обычаями предков и ослаблении фиксированной социальной иерархии как признаке деградации общества, а также о правомерности устранения неугодного Небу монарха» [*Китайская философия*: 604].

Бо Янфу чиновник из Чжоу, который в определении природных, социальных и политических катаклизмов оперировал терминами Инь и Янь [*Китайская философия*: 22]. Это одна из первых, точно фиксируемых операций классическими символами Китая в целях аналитической работы с разнородными явлениями мира.

Заявленные тексты и мысли отдельных мудрецов - вне сомнения говорят о рывке мысли, причем рывке, обеспеченном, как практическими наблюдениями, так и технически совершенной культурой. Целый ряд понятий имеют свои протообразы в мифах народов Китая, но как представляется протософийная мысль вышла не из родового мифа, а именно из натуралистических штудий астрономов и математиков, каллиграфов и политиков, которые использовали удобные символы для обозначения новой реальности, которую зафиксировал их разум и их органы чувств. Восьмой век – эпоха Восточного Чжоу - это рубеж появления ростков протософии в формате государства и становления иероглифики. В этом смысле натуралистические опыты *Ицзин* и *Хунфань*, высказывания *Ши Бо, Ши Мо, Бо Янфу* - свидетельство того, что китайский интеллектуал – это творческий

индивид, который готов воспринять коллективный плод протософийного творчества. Умелая и эффективная работа этого индивида с мифологическими образами в нуждах точного знания, в формате стремительного обобщения и сведения к «рабочим» схемам объективирования реальности – свидетельствовало о готовности протософии Китая, уже существующей и явленной в государстве и иероглифах, обрести своих выразителей в контексте индивидуального, личного творчества. Усиливало эту возможность и подавало залог ее трансформации в сферу реального то, что изначально лимитированный объем текста (писали на бамбуковых пластинках) перестал играть роль после перехода на запись кистью по шелку.

Одним из знаковых моментов (наряду с категориями Хэ, Инь, Янь) явилась также трансформация понятия «*Ци*» в серьезный инструмент объяснения мира: «в качестве первовещества ци противостояло божественному сотворению вещей. По мнению ряда ученых, ци было связано с предметным представлением о воздухе, но уже утратило конкретность единичного явления и превратилось в субстанцию. Ци выступает как единый общемировой субстрат — первоматерия, чистая и легкая часть которой, воспаряя, образует небо, а тяжелая и мутная часть, опускаясь, создает землю. Как сущность вещей, ци содержит в себе противоречие: ее сгущение образует женские частицы инь-ци, разряжение — мужские частицы ян-ци, взаимодействие этих противоположных начал порождает пять «элементов», а они — все сущее. Уже в «Книге перемен» прослеживается идея органической связи дао с понятием противоположности

инь-ян: «Взаимодействие инь и ян и есть дао». Возникновение понятий пяти «элементов» (у син), ян, инь, ци и дао заложило основу категориальной системы древнекитайских философских учений» [*История Востока*: 464]. Этот момент позволил развести пути натуралистических штудий, узко историографических наблюдений, математических игр, астрологии и собственно ориентософии. Формирование универсальных категорий в глубинах Китайской древности позволило использовать их не столько для определения физической картины мира (как мы это увидим у эллинов), сколько перевести их в сферу этики, политики, психологии и эстетики (что является нормальным и естественным для всего цикла ориентософских течений).

Речь идет о формировании некого абсолютного идеала, в соответствии с которым приводится реальность политическая или, психологическая. По сути, сформировавшиеся ключевые категории дискурса *до* начала самого дискурса вновь нас приводят к удивительному своеобразию Китая. Когда наиболее трудное, наиболее сложное, то, что в иных культурах является *результатом* мысли и духа, для Китая выступает *началом* его работы. Взрывная интуиция китайских творцов категорий позволила им заложить в основу ориентософии прочнейший базис. Но этот взрыв был единичным явлением. После него мыслителям не оставалось ничего иного как осмысливать уже свершившееся и стараться достигнуть уже свершенного, понять границы уже совершенного в прошлом. Отсюда и направленность Китайской ориентософии как бы

вспять, обратно к истине, стремление к восстановлению идеала.

Это характернейшая черта китайской ориентософии, заложенная уже на этапе протософии. То же, отчасти, заметно и в Индии, но взрывная интуиция о Сансаре и Дхарме - это лишь предложение подумать. Приглашение к диалогу. Для Иудея Истина, Бог, Время - это субстанции мысли, зерно, из которого рождается *понимание Вечного*. Для Китайца же, родившиеся базовые категории - это вполне совершенный монолит, не нуждающийся ни в обработке, ни в трансформации, но требующий лишь лучшего освещения прожектором, да небольшой красивой лужайки перед ним.

По сути, ориентософия, вышедшая из пределов протософии в лице Лао-Цзы и Кун-Цзы, это личностное, авторитарно личностное, максимально индивидуальное высказывание, изречение созданного не ими, а прежде их. Все уже открыто, все есть уже в протософии. Но *все* есть пока еще только в сознании отдельных мудрецов, понимающих прошлое. И задача этих мудрецов рассказать, вербализировать истину, открытую в прошлом, Великом и Идеальном. Появляется проблема *научения* бесконечно великому знанию, бесконечно простых людей – живущих в современном (для того или иного мудреца), малозначимом мире. И этот тончайший рубеж, есть рубеж между протософией Китая и собственно рожденной ориентософией. Рубеж, который впервые перешагнули два уже упоминавшихся мною мудреца. В шестом веке до н.э. в Китае, таки родилась собственная ориентософия, которой суждено было Великое Будущее.

Но что же явилось определяющим в переходе протософии к собственно ориентософии, был ли некий внешний символ, рычаг? Еще на рубеже эр *Лю Синь* (46 г. до н.э. – 23 г. н.э.) усматривал причины зарождения 100 философских школ Китая в социально-политических катаклизмах державы Чжоу (о которой мы столько уже сказали). Его система была усовершенствована последующими учеными, особенно *Чжан Сюэ-чэном* (1738—1801) и *Чжан Бин-линем*. Согласно *Фэн Ю-ланю* ее суть заключается в том, «что в начале правления Чжоу… еще до того, как социальные институты той эпохи распались, не существовало «разделения между чиновниками и учителями». Другими словами, чиновники того или иного ведомства передавали имеющие отношение к данному ведомству знания другим. Эти чиновники, как и удельные князья, передавали свой пост по наследству. Таким образом, существовало лишь «чиновничье обучение», а «частного обучения» не было. То есть, никто не учил знаниям как частное лицо. Все обучение осуществлялось чиновниками, занимавшими тот или иной пост в управлении. Согласно этой теории, когда в последующие века правящий дом Чжоу утратил власть, чиновники правительственных ведомств потеряли прежние посты и разбрелись по стране. И тогда они начали обучать знаниям уже как «частные» лица. Они перестали быть «чиновниками» и превратились в частных «учителей». И различия между школами берут свое начало именно в разделении учителей и чиновников» [*Фэн Ю-лань: 52*].

Вопросы для самоконтроля:

1. Каковы древнейшие литературные памятники Китайской протософии.
2. Перечислите ключевые имена китайских протософийных мыслителей.
3. Что явилось определяющим фактором в переходе от протософии к ориентософии?

Темы для рефератов и эссе.

1. Категории Хэ и Тун в протософии Древнего Китая.
2. Царство «Цинь» как «кузница кадров» для протософии Китая.
3. Термин «Ци» и протософская традиция Китая.

Лекция 7.
Предориентософские пространства Восточного Средиземноморья (Сирия, Финикия, Палестина)

В четвертой лекции мы уже частично затрагивали регион Восточного Средиземноморья, когда говорили о том, что ни в Египте, ни в Мессопотамии так и не смогли сформироваться развитые ориентософские системы. При этом неоднократно подчеркивали тот факт, что цивилизации созданные на берегах Великих Рек были масштабны, значительны и необыкновенно величественны. Более того отдельные гении Египта и Вавилона сумели в своих текстах подняться до уровня очень качественной и перспективной предсофийности, но так и не смогли найти себе достойных преемников и их усилия остались непокоренными вершинами в лоне родивших их культур. Мы указали, что базовая перспективность иранской культуры обещала ориентософский расцвет, но внешние условия свели на нет потенции народов. Лишь в Индии и Китае примерно на излете второго тысячелетия до н.э. стали формироваться такие протософийные сюжеты, стали оформляться такие культурные и психологические условия, которые позволили уже к 7-6 вв. до н.э. **говорить о завершении** этапа предсофийности и рождении оригинальных ориентософских систем и воззрений.

Примерно тогда же, к излету второго тысячелетия до н.э. на Древнем Ближнем Востоке начинают

расцветать культуры, которые по внешним формальным признакам имели все возможности создать собственную софийную мысль[27]. Это, прежде всего, Сирийские города (имевшие многовековую историю и к концу второго тысячелетия до н.э. достигшие серьезных вершин цивилизации). Это также, относительно молодой, но энергичный, смелый, талантливый и мистически одаренный народ – финикийцы. И, наконец, это еврейские колена, которые под руководством своих начальников оседают в Палестине (частично уничтожая, частично ассимилируя местное население) и начинают оформлять удивительные по глубине и полету мысли религиозные тексты.

Сирия

К востоку от Ливана расположена Сирия. Ее с юга на север прорезает долина между Ливаном и Антиливаном; в южной части она называется Бека'а или Келесирия; здесь на юг течет речка Литани, прорывающаяся к морю, а на север — река Оронт (ныне аль-Аси). За Антиливаном, в сторону Сирийской

[27] Идя за традицией Востоковедов, отметим, что «Сирия включала в себя лишь западную часть современного государства (от р. Евфрат до Средиземного моря) и отчасти прилежащие области Турции к югу от гор Тавра; древняя Финикия примерно соответствовала современному государству Ливан; древняя Палестина занимала не только территорию, выделенную по решению Организации Объединенных Наций государству Израиль, а также территорию палестинских арабов, но и современную Иорданию (эта часть древней Палестины называлась также «Заиорданьем»)» *[История Востока: 129]*.

полупустыни, находился большой оазис Дамаска, а за ним шли бесплодные лавовые поля; караванный путь, которому обычно угрожали скотоводческие племена, проходил через маленький оазис Пальмиру в сторону среднего течения Евфрата. Излучина этой реки составляла в древности северо-восточную границу Сирии. Северная Сирия простиралась от Средиземного моря (куда, пройдя через ныне уже почти не существующие озера и болота, впадала, сворачивая к западу, р. Оронт) до гор Малоазийского Тавра и переправ через Евфрат. Устье Оронта широко открывало доступ ветрам со Средиземного моря в эту холмистую страну, и поэтому она была достаточно плодородна.

Сирию населяют люди уже в восьмом тысячелетии до н.э. Причем, они создают устойчивые земледельческие культуры, четко фиксируемые археологами поселки, активно приручают домашних животных. Есть много данных указывающих на то, что Сирия явилась центром расселения племен говоривших на семитских языках… Племен, которые освоили Аравийский полуостров, сокрушили царства Месопотамии. Но недостаток естественных ресурсов, многочисленные военные походы истощили регион, его развитие замедлилось, и уже к третьему тысячелетию до н.э. он сильно отстал от Шумера и Египта. Единственными очагами культуры и, причем, культуры феноменально высокой остался город Эбла на севере Сирии и город Библ на финикийском побережье. Вся остальная территория - это мелкие поселки, небольшие городки, которые постоянно находились во вражде друг с другом. Время от времени, в Сирию вторгаются

войска Шумеров и Аккадцев, переселенческие волны племен с Кавказа, совершают набеги войска Египта. Тогда же, в конце третьего тысячелетия до н.э. гибнет древнейший очаг цивилизации Сирии город Библ, а на побережье расселяются полудикие обитатели Аравии, которые позднее стали известны под именем Финикийцев.

Несмотря на древнейшую историю, мощную традицию городской культуры, Сирия так и не оказалась в состоянии создать устойчивую систему поиска и ответов на извечные вопросы Человечества. Торговля, война, борьба с мигрантами, политические интриги, съели весь талант народов, обитающих в указанном регионе.

К концу третьего тысячелетия до н.э. вся Сирия покрывается городами-государствами, имеющими царскую власть, собственную политику. Расцвет Сирии обусловлен был расцветом торговли Египта с Месопотамией. Транзит товаров, дипломатов, войск, ценных подарков, военнопленных приводит Сирийцев к экономическому взлету. Самый развитый город Сирии – Эбла. Жители Эблы говорят на особом семитском языке, пишут по-Шумерски, но читают шумерские знаки по семитским правилам. Они составляют массу хозяйственных документов, создают Шумеро-Эблский словарь, но практически ничего не оставляют на долю мифа, религии, поэзии, одним словом, областям, не связанным с коммерцией и дипломатией.

Эблаиты создают стройную систему царской власти, имеющей свои ранги и яркие титулы. Соответственно царским регалиям и образу власти строится архитектура Эбла. Все это свидетельствует об

очень развитом воображении, живом ощущении окружающей реальности, способности создавать символы и трансформировать их в предметное окружение. Но нет даже намеков на протософские увлечения.

Сами Эблаиты не склонны к путешествиям: они гениальные посредники и великолепные таможенники. В Эбле хранились товары от Египта до Афганистана, но привозили их исключительно иностранцы. Сами граждане Эбла имели очень смутное представление даже о соседних городах, считая излишним тратить свое время на их изучение. Зачем, ведь иностранные купцы и так все доставят. В конце XXIII в. до х.э. город уже разрушен, а его население рассеяно. Цивилизация оказалась пустоцветом, не давшим сколь-нибудь значимых плодов, несмотря на свое богатство, древность и высокий уровень городской благоустроенности вкупе с развитыми монархическими традициями.

Позднее, к 1600 году н.э. Сирия полностью опустошается Египетским войсками, а городская культура снова приходит в упадок. Сирия становится ареной ожесточенных войн, население катастрофически уменьшается, торговля замирает и, в целом, регион становится культурной и интеллектуальной провинцией весьма низкого уровня. В целом, население сирийских городков-государств так и не создало уникальных литературных памятников или ярких мистических откровений, способных подтолкнуть к прософской мысли. В этом смысле они заимствовали культуру Месопотамии, не считая возможным создавать собственные смыслы и образы.

Финикия

«Финикия отгорожена от остальной Передней Азии высоким горным хребтом Ливана с кедровыми и смешанными лесами, альпийскими лугами и снежными вершинами. Склоны Ливана, обращенные к морю, покрывала вечнозеленая средиземноморская растительность, и влажные морские ветры, приносившие дожди, делали ненужным искусственное орошение» *[История Востока: 129]*.

Племена, которые получили название Финикийцы, пришли с Аравийского полуострова. И уже в третьем тысячелетии до нашей эры начали создавать городскую культуру. Расцвет их цивилизации связан с активной торговлей с Египтом, куда Финикийцы доставляли великолепный кедровый лес. В XVIII—XVII вв. до н.э. финикийцы – монополисты в торговле стеклянной посудой, в XVI в. до н.э. они изобретают способ окраски шерсти (пурпур). Причем сама краска была нетранспортабельна, а, следовательно, в городах Финикии скапливается колоссальное количество шерсти. Они буквально переполняются металлическими изделиями и хлебом, как средством обмена на единственную в мире шерсть красивейшего пурпурного цвета. Финикийцы становятся обладателями серьезных богатств, осваивают морские пути и торгуют не только на суше, но и проникают на о. Крит, появляются в городах Греции. Огромное влияние в Финикии играет Египетская культура, которая оказывает на финикийцев существенное воздействие.

Самым развитым и значительным городом остается древний Библ (не раз разрушаемый и вновь восстанавливаемый). Именно там, в Библе создается слоговое линейное письмо (середина II-го тыс. до н.э.). «В нем около ста знаков, каждый знак, видимо, передавал слог из согласного и одного из трех древнесемитских гласных (а, и или у; одна из комбинаций употреблялась и для согласного без всяких гласных). Такое письмо годилось для передачи текста почти любой сложности и было много легче для заучивания, чем аккадская клинопись или египетское письмо, и выучить его можно было за несколько недель вместо многих лет; для чтения, однако, оно было трудно, так как не имело словоразделов (в египетском письме словоразделами служили детерминативы, т.е. показатели категорий понятий, к которым относится слово; в клинописи тоже были свои правила определения границ слов). Знаки «протобиблского» письма не имеют прототипов в других письменностях и, видимо, были придуманы специально при одноразовом изобретении всей письменной системы, в подражание египетской или крито-микенской письменности либо обеим» *[История Востока: 146]*.

Именно в этом акте гениального прозрения финикийцев стоит усматривать великолепные перспективы сотворения протософских шедевров. И действительно, переход от значка-слова, значка-действия, к звуковым интерпретациям, из которых создавались смыслы - акт величайшего напряжения интеллекта и тотальной гениальности интуиции. Указания на разовость создания письма, то есть факт того, что письмо было создано в рамках одного

поколения, а не развивалась сотнями мудрецов сотни лет – говорит о наличии некоего центра, где мог аккумулироваться интеллектуальный потенциал народа, где имелись *уже* готовые практики мысли и опыт интеллектуального творчества. В этом смысле город Библ – очаг древнейшей непрерывной цивилизации, имеющий тесные связи с Египтом и Месопотамией, обладал всеми условиями для создания такого интеллектуального центра. Идея оказалась столь роскошной, что ее восприняли культуры и страны всего Ближнего Востока от Финикии до Аравии.

Однако надо четко понимать, что созданное слоговое письмо было отнюдь не фактором развития широкой культуры, а скорее тайнописью купцов, удобной системой шифровки необходимой документации (иногда оно еще специально и усложнялось в целях секретности). Масса людей продолжало пользоваться египетскими иероглифами и шумерской клинописью… но будущее оказалось за алфавитом. Позднее, усовершенствованный следующими поколениями финикийцев, развитый эллинами и римлянами он стал основой всех современных языков, основанных на алфавитном принципе.

В XIII в. до н.э. наступает этнический кризис. С юга вторгаются еврейские и арамейские племена, с севера происходит давление индоевропейских «Народов моря». Хананейские культуры и города в Сирии и Палестине угасают и уничтожаются. Территория Финикии значительно уменьшается, на сохранившемся клочке суши концентрируются беженцы Хананеяны из разных уголков Ближнего Востока, над самими

городами Финикии нависает угроза полного уничтожения. Одновременно рушатся гиганты-империи в Египте, в Малой Азии, уничтожается Морская империя с центром на о. Крит. Однако все это, как ни странно, идет на пользу Финикийцам. Уход из мировой политики монстрообразных империй дает возможность расцвести независимости городов-государств побережья. Приток беженцев позволяет значительно расширить круг генофонда и нарастить людские ресурсы. Военные встряски и столкновения с «варварами» сплачивают гражданские коллективы, ведут к росту национального самосознания.

На севере гибнет соперник Финикийцев город-гигант Угарит[28]. Финикийский Тир становится центром торговли. Гибель Сидона и наплыв тысяч мигрантов приводит к излишкам населения, позволяя финикийцам создавать сотни колоний, опорных пунктов и морских баз по всему Средиземному морю (падение Крито-Микенской цивилизации сделало вакантным место

---

[28] Это был удивительный центр международного обмена идеями и товарами: «Технология месопотамской письменности (клинопись на глине) была приспособлена к системе, которая представляет собой решительный шаг вперед: это алфавитное письмо с последовательностью знаков, в основном совпадающей с нашим алфавитом. Эта система письменности донесла до нас памятники местной литературы, ею пользовалась сложная бюрократическая машина, с ее помощью составлялись юридические документы. Но в тоже время в Угарите имелись писцы, обученные месопотамскому способу письма на аккадском языке; кроме того, в Угарите писали по-хурритски (*индоевропейская группа языков с Кавказа. - О.К.*) – как угаритским алфавитом, так и месопотамской клинописью. В Угарите встречаются также хеттские клинописные документы и художественные изделия с посвящениями, написанными египетскими иероглифами. Угарит, видимо, был подлинно интернациональным центром обмена идей и товаров» *[Ван-дер-Варден: 58]*.

«Владычицы морей)». Абсолютное большинство колоний принадлежит одному городу – Великому Тиру. Тир - мировой посредник в торговле, он обладает не только торговыми связями, но и феноменальными резервами людского капитала. Строители судов, архитекторы, мастера в области ювелирного искусства, ловкие дипломаты и деятельные путешественники. Жители Тира торгуют со всем миром, их корабли видят у Британских островов и на западе Африки, они бывают в гаванях Испании, Италии и Восточной Африки. Эгейское, Средиземное, Красное море - их родной залив. Финикийцы при спонсорской поддержке Египта совершают плавание вокруг Африки. Все добытые знания, уникальные минералы и образцы для торговли, словари чужих языков, своды обычаев партнеров по торговле - складируются в Тире и иных финикийских городах. Финикийцы говорят на десятках языках. Их услугами пользуются и фараоны Египта, и цари Израильско-Иудейского царства.

Создается довольно редкий для древности политический институт – федерация городов-государств (X в. до н.э.). Во главе отдельного города стоит царь. Но управляется государство при участии богатейших горожан. При этом колоссальную роль играет жречество, которое порой свергает светские династии и устанавливает новые царские династии, родоначальником которых выступает тот или иной представитель жреческого сословия. Продолжает развитие город Библ – наиболее египтизированный, но и наиболее древний город Финикии.

В восьмом веке до н.э. на Финикию усиливается натиск Ассирийской империи, города разрушаются,

многие твердыни сохраняют лишь видимость независимости. Финикийцы лишились всех владений на побережье, но сохранили в неприкосновенности свои колонии в Средиземном море. С этого времени Финикия теряет независимость политическую, становясь лояльным союзником в отношении каждого нового завоевателя с Востока: Вавилонянам, Персам. Однако остаются в неприкосновенности, культура, экономика, флот и накопленный опыт освоения окружающего мира.

Именно в это уникальное время расцвета Финикийской цивилизации, фиксируются первые упоминания о некоторых мудрецах, которые профессионально занимались изучением окружающего мира. Самих оригинальных протософских текстов финикийцев не сохранилось. Начало окутано мраком, который, пожалуй, могут осветить лишь археологические находки. Однако демонстрация пластичности мировоззренческой позиции, энергичности и структурной обоснованности видения окружающей физической и политической географии, удачные эксперименты с материалами (стекло, цветное стекло, краска, кораблестроение, парусная оснастка корабля), склонность к высокой и ярко-индивидуальной абстракции (слоговое письмо, навигация, астрономия, явно отделенная от астрологии), - все это говорит о том, что Финикийцы обладали всеми стартовыми условиями для формирования системной протософии в лице не просто жречества, но и развитого торгового сословия. Их свободное владение языками, системой письменности Египта и Месопотамии призывало финикийцев обогащать собственную культуру образцами литературы самых развитых цивилизаций

той поры. Кто и как начинал генерацию мысли, кто и как формировал систему обучения и передачи понятийно-логических смыслов и цепочек – неведомо. Можно предположить лишь то, что это связано с личностью (или небольшим кругом интеллектуалов), разработавших и воплотивших при жизни одного-двух поколений идею слогового алфавитного письма. Первые данные о протософии финикийцев мы получаем на той ее стадии, когда можно говорить о развитых традициях, достигающих значимых для будущего величин.

Источниками в этом деле служат биографии античных авторов-философов о своих собратьях по ремеслу, а также отдельные исторические данные, взятые из некоторых книг Библии. Так и Античные авторы (*Ямвлих*, составивший биографию *Пифагора*) и *автор 3-ей книги Царств*, говорят о финикийском «*фисиологе*» - ***Мохе***, причем о нем же упоминает и *Диоген Лаэртский*, ставя даты его жизни – временем Троянской войны. Последнее, конечно, явное преувеличение, но рассыпанные по многим текстам античной литературы упоминания о Мохе и «его потомках»[29], заставляют говорить о его историчности, причем подтвержденной перекрестными ссылками из независящих друг от друга источников. Более того, линия заложенная финикийцем Мохом (ок X в. до н.э.) судя по всему имела последователей, а возможно, даже и ряд конкурирующих школ. Так известно, что Пифагор после посещения Сидона и общения с местными представителями интеллектуальных кружков

[29] Обычно ученики мыслителя, пророка, учителя, именовались «его детьми», «сыновьями пророка», как это традиционно принято на Ближнем Востоке.

отправился в Италию где и организовал свое Пифагорейское братство (в которое, кстати, входили «Мильтиад, Антен, Годий, Леокрит – карфагеняне», то есть те же финикийцы, правда, из Северной Африке (колонии финикийского Тира). Еще во втором веке до н.э. встречаются свидетельства Античных авторов, о некой философии на финикийском языке:

«Имя его было Гаструбал, **и у себя в отечестве он занимался философией на родном языке** (Выделено мной – О.К.). Только в сорок лет он приехал в Афины и стал слушать Карнеада. Приметив и одобрив его прилежание, Карнеад побудил его изучить греческую словесность и сам занимался с ним. Усердие его дошло до того, что он написал свыше 400 книг. И, став преемником Карнеада, он своими сочинениями более всего пролил света на его учение. Во всех трех школах, академической, перипатетической и стоической, он был самым приметным человеком».

(Диоген Лаэртский (IV. 67))

Как справедливо отметил современный философ И.Н. Рассоха: «Какой еще народ Средиземноморья, кроме финикийцев (и греков), мог во II в. до н. э. заниматься философией на родном языке? Даже римляне не могли!» [Рассоха, 2009]. Многочисленные финикийские имена, которыми пестрят школы киников, стоиков, эпикурейцев, упоминания, например, *Страбона* о «сидонской философской школе» неопровержимо свидетельствуют о крайней способности финикийцев к тому, что ныне называется философией. Также сравнимое друг с другом

количество основателей философских школ: этнических эллинов и финикийцев (Фалес, основатель натурфилософии – финикиец, Зенон, основатель Стоицизма – финикиец, Клитомах Карфагенский, слушатель Академии, основатель одной из десяти античных школ в этике – диалектической и т.д.). Все это говорит о серьезных образовательных традициях и прежде всего самобытных софийных традициях у хананеян финикийских городов.

Но вернемся к истоку. *Мох Сидонский (Мохос, Охос, Махол*) упоминается, как один из основателей философии Диогеном Лаэртским, Татианом, Евсеем Кесарийским. Есть свидетельства о философских, вернее, натурфилософских мыслях Моха Сидонского у Секста Эмпирика, Страбона, Афинея, Ямвлиха и ряда других авторов. К сожалению, до сих пор так и нет тщательного лингвистического, семантического, сравнительно философского анализа известных цитат этого мудреца. Сборник данных, приводимый И.Н. Рассохой, можно рассматривать как первый шаг к открытию протософских начал на Ближнем Востоке. Но никак не решающее слово, есть некоторые огрехи у этого автора с терминологией, датировкой источников, вольным обращением с цитатами из Библии, использованием пересказов цитат без сверки с первоисточниками и прочее, что, впрочем, никак не умаляет его права – первооткрывателя финикийской философской традиции.

Можно заключить, что Мох Сидонский и его последователи (*Халкол*, и *Дарда*) были хронологически первыми «фисиологами». Именно эти термины упоминаются эллинскими авторами в адрес Моха и

«его сыновей». Подчеркнем, что ни в адрес иранских магов, вавилонских халдеев, египетских жрецов эти термины не применялись. Мох Сидонский, по свидетельству античных философов, первый выдвинул идею об атомарном строении мира. В частности Секст Эмпирик писал:

««Относительно самых древних стихий образовалось два главных противоречивых толка, а разновидностей - еще больше. Одни говорят, что стихии сущего телесны, другие - что бесплотны. Из тех, кто говорит, что телесны, Ферекид Сиросский называл землю началом и стихией всего, Фалес Милетский - воду (…) Демокрит же и Эпикур - атомы, **если только это учение не следует считать более древним и, как сказал стоик Посидоний, происходящим от некоего сидонянина Моха** (выделено – О.К.)».

Четко именуется Мох – философом, занимавшимся именно философией *до* эллинов в череде других авторов у Диогена Лаэртского. Существуют косвенные указания на то, что Мох отличился созданием особой системы мировоззрений, или, по крайней мере, осуществил систематизацию и логическую структуризацию религиозно-мифологических воззрений финикийцев (3-я Книга царств). Отдельные сообщения свидетельствуют и о том, что помимо натурфилософских изысканий и выдвижения оригинальных атомистических концепций (за несколько столетий до рождения Демокрита), Мох занимался составлением и систематизацией исторических преданий и политических историй.

Труды Моха изначально писались и существовали на финикийском языке, но они оказались столь значимыми, что некий писатель *Лэте* перевел их на греческий язык [*Иллюстрированная энциклопедическая библиотека*: 270].

Если бы наши сведения касались исключительно Моха Сидонского, то можно было бы сослаться на его легендарность и мифичность, которой эллинские писатели «приукрасили» истоки уже СВОЕЙ философии. Но помимо титанической фигуры Моха, на которого около тысячи лет ссылались эллины, эллинизированные финикийцы, граждане римской империи, ортодоксальные иудеи – составители библейских текстов и эллинизированные иудеи из Александрии, существует в источниках еще одна фигура финикийца, от которого дошло довольно много сведений. Речь идет о *Санхунйатоне Бейрутце (Сангуниатон Биритянин, Санхуниатон Тирский)*[30].

Если Мох Сидонский жил и творил около IX века до н.э. – в эпоху начала взлета финикийской самостоятельности и открытия окружающего мира, создания новых политических институтов. То даты жизни Сангуниатона Биритянина выпадают на время царствования ассирийской царицы Шаммурамат – (Семирамиды), это конец IX - начало VIII вв. до н.э. Время, которое является максимальным пиком финикийской энергии и творческого подъема. Время, которое предваряет череду ассирийских, вавилонских и персидских нашествий.

---

[30] Есть также указание на то, что его жизнь была тесно связана с Тиром.

В лице Сангуниатона Биритянина мы видим уже окончание этапа протсофийности финикийцев, мы видим фигуру, которая заканчивает длительный этап подготовки национальной ориентософии и, которая обещает расцвет сильной, энергичной и динамичной мысли.

«Санхунйатон… заимствовал свои сведения о них (*о евреях – О.К.)* у жреца Бога Иеговы, Иеромвала… собрал сведения из городских хроник и храмовых надписей и написал по-финикийски правдивую историю древности» - свидетельствует *Порфирий* устами *Евсевия*.

Более того, его работа была вполне обычной работой историка. О*бычной,* то есть существовала уже четкая линия исторических трудов, не вызывавших у финикийцев удивления или особых восхвалений. Напомним, что у эллинов идея создания цикла исторических новелл на основе изучения исторических источников и объединенная единой идеей принадлежит Геродоту – спустя четыре века после смерти Санхунйатона. Более того, по прочтении трактата «царь и его советники одобрили его как правдивого историка». При этом развитие мысли зашло настолько далеко, что существовало понимание разницы: храмовых надписей, городских хроник, священного предания, мифов, аллегорий и собственно исторического текста. Впрочем, сама история не была прочно отделена от философии, или как значится у античных авторов от «фисиологии». Вот как формулирует переводчик на греческий язык книг

Санхунйатона его исследовательское кредо, говоря, что финикийский автор желал: «всячески знать начало всего, от которого произошло всё». Его методология уникальна для конца IX в. до н.э., ибо Санхунйатон: «принявшись за свой труд и отвергнув прежние мифы и аллегории, исполнил свою задачу».

Исходной посылкой космогонии Санхунйатона явилось следующее:

«Началом всего был Воздух (Аир), мрачный и подобный ветру, или дуновение мрачного воздуха, и мутный мрачный Хаос; они были безграничны, и в продолжение многих веков не имели конца. Когда же Нус (по-гречески «нус» - «ум», «разум», «дух») полюбил свои собственные начала, и произошло смешение, это соединение получило название: Желания ... Таково начало устроения всего. Дух же не знал своего создания. И из соединения Духа произошел Мот…, его некоторые считают илом, другие - гнилью водянистого смешения; и из неё произошли все семена создания, и рождение всего. Были некие животные, не обладавшие чувством, от которых произошли одарённые умом животные…» *[Тураев: 35]*.

В этом тексте встречаются, как вы заметили не только идеи о воздухе, как первоначале, но идеи об эволюции и прежде всего об эволюции, связанной с водой, как источником живых организмов (в тексте «Мот» - «Ил», «Гниль»). Далее автор повествует о «бессилии» и «малодушии» людей, что и привело к поклонению «произведениям земли» - вполне научная концепция возникновения религии.

Вслед за этим пассажем идет череда мифов, которые Санхунйатон пытается рационализировать, найти в них практическое, предметное зерно и тем самым выстроить цепочку последовательных умозаключений, связанных с той идеей, что развитие первых людей было следствием развития их технических достижений, первым из которых следует назвать «открытие» огня.

Санхунйатон не раз и не два с иронией и некоторой натуралистичной постыдностью описывает жизнь богов, как развратных мужчин и женщин, значительно опережая этим «вольнодумство» Гомера или Гесиода. Причем напомним, что его труд носил официальный характер и был, безусловно, одобрен цензорами в лице царя и его советников. А что же жречество? «Но бывшие после этого жрецы захотели скрыть его произведение». *Филон Библский* объясняет это желание тем, что жрецы считали необходимым восстановить доверие к мифам, что им в конечном итоге и удалось сделать.

Удивительным явлением в истории протософской мысли (и весьма характерной несколькими столетиями спустя), что Санхунйатон учил о финикийских буквах, как о наивысших божествах и управителях Вселенной, или как сказано в источнике:

« (Филон Библский) еще рассказывает, переведя из книг Санхунйатона о финикийских буквах относительно пресмыкающихся и пускающих яд животных. (…) Буквы в форме змей они освятили в выстроенных ими храмах, и в честь их они справляли праздники, совершали жертвоприношения и оргии, так как считали

их величайшими богами и управителями Вселенной» *[Тураев: 44-45]*.

Очень напрашивается сравнение с учением о числах Пифагора и его идеях, что число и цифра правят миром. Конечно, у Пифагора эта идея облечена в более изящную и аккуратную форму, но не будем забывать, что сын финикийца и эллинки Пифагор жил на полторы сотни лет позже Санхунйатона. В приведенном пассаже можно увидеть очень грубый, крайне предметно-мифологический, но все-таки источник идеи цифры как «царицы» мира. При этом следует помнить и тот «забавный» факт, что число в греческом языке изображалось… БУКВОЙ алфавита. Опираясь на свидетельство Аристотеля

«[Пифагорейцы указывают] также на то, что расстояние от А до ? в алфавите равно расстоянию от самой низкой до самой высокой ноты во флейтах, число которой равно целокупности Вселенной (…) Всю Вселенную они конструируют из чисел, но только не монадических [= абстрактных, арифметических]; напротив, они полагают, что монады обладают [протяженной] величиной, но как образовалась первая единица, обладающая величиной, судя по всему, объяснить не могут (…) Признавать [как пифагорейцы] неделимые величины неверно, и даже если [допустить это], то все-таки единицы [монады] не имеют величины. Как же может величина состоять из неделимых? …Они же полагают число реальными вещами …как если бы числа были телесными»

(Аристотель. Метафизика 1092 b 26; 1080 b 16; 1083 b 8).

И.Н. Рассоха видит в указанных монадах – первичный атомизм, расцветший у Пифагора, но своими корнями уходивший в атомарную теорию Моха и буквенный атомизм Санхунйатона. Насколько прочны данные построения, может сказать лишь отдельное монографическое исследование, коего в природе нет. Однако на данном этапе наших знаний исключать подобную преемственность Хананейской протософии и Пифагорейского учения (а через Пифагора и трудов Демокрита) - нельзя[31].

Подведем некоторый промежуточный итог. Из представленного очерка истории Финикийского культурного и софийного ландшафта, очевидно, что цивилизация Библа, Тира, Сидона, Бейрута, Карфагена смогла создать устойчивые корпорации людей, чьи профессиональные и жизненные смыслы заключались в поисках истины, осмыслении открытых истин и передачи полученного знания достаточно широкому кругу учеников. Известно, что эти специфические Ближневосточные традиции сохранялись на всем протяжении от X до II в. до н.э., по крайней мере. В то время существовали философские тексты на финикийском языке, тогда на этом же языке шло изучение философских систем и функционировали национальные философские школы в Сидоне и, вероятно, в Карфагене. Финикийцы на протяжении всей

[31] Очень подробный и обстоятельный анализ Связки Финикия-Пифагор-Атомисты, на основе текстов Аристотеля см. у Рассоха И. Н. Финикийская философия и Библия Указ соч.

истории Античности и части Эллинизма легко и не принужденно входили в орбиту эллинской философии. Философов-финикийцев было больше чем скифов, римлян, египтян вместе взятых. Финикийцы именно потому очень легко, даже в возрасте 30-40 лет воспринимали эллинскую философию, что имели отличную духовную и интеллектуальную базу в своей протософии, еще существовавшей на финикийском языке в эпоху эллинизма. Более того, второму рождению эллинской философии в формате самого распространенного эллинистического учения – Стоицизма, мы обязаны опять таки этническим финикийцам, лишь во взрослые годы изучившим эллинский язык и приобщившимся к эллинской философии.

Но значительного национального взлета финикийская мысль так и не получила, оставив нам обрывки идей, смыслов, имен. По всей вероятности, протософия финикийцев так и осталась протософским знанием и к первому веку до н.э. оказалась полностью растворенной в эллинской философии, так и не родив устойчивую ориентософию. Причины видятся в следующем:

1. Военно-политическая и экономическая катастрофа на излете VIII в. до н.э., уничтожение значительной части населения, подрыв чувства национальной гордости оказали крайне негативное воздействие на динамичность развития софийного знания. Нужно было решать практические задачи выживания этноса и культуры, на поиски истины не оставалось времени. Позднее, финикийцы, превратившись в нацию торговцев и пиратов, потеряли

вкус к мудрости, а нужда в таком знании осталась уделом небольших кружков интеллектуалов, не вызывавших интереса у значительных слоев населения.

2. На примере Санхунйатона очевидно, что протософия достигает своего расцвета в кругах близких к светской власти во многом, противостоящей жреческому сословию. Победы жрецов в политических спорах, их постоянные политические вызовы, их нравственная оппозиция власти значительно ослабляли свободное творчество «фисиологов» Финикии, и, вероятно, приводили к массовым репрессиям последних.

3. Идеи, рожденные гением Хананеев, их многолетние интеллектуальные разработки и многочисленные тексты нашли живой отклик в среде Эллинов. Не надо забывать, что первые эллинские философы: Фалес и Пифагор - были крайне близки к Финикии. Фалес[32] происходил из рода финикийских эмигрантов (собственно его отец и мать были финикийцами, как финикийцем был рожден и сам Фалес). В его времена не было философии, отсутствовала система философского обучения, поэтому и идеи финикийца, сына финикийцев, получивших гражданство Милета, можно лишь очень условно называть достижением эллинской культуры. Пифагор[33] – дитя смешанного эллинско-финикийского брака, начал свою активную философскую деятельность лишь ознакомившись с достижениями финикийцев из Сидона. И в этом смысле с трудом можно обозначить его

[32] Традиционно считается родоначальником натурфилософии и всей философской традиции Эллады.
[33] Один из первых «фисиологов» создавший термин «Философ».

достижения как результат эллинского гения. Другое дело, что внесенные на эллинскую почву идеи высоких абстракций, поиска первоначал, построения рациональных космологий были безусловно с живостью восприняты эллинами и доведены ими до весьма высокого уровня совершенства, в то время как на родине «фисиологии» интерес к ней оказался локализованным узкими кружками, фактически полурелигиозными братствами в стиле Пифагорейского союза.

Палестина

«От Египта древняя Палестина была отделена пустыней; сама Палестина — страна природных контрастов: к западу от р. Иордан она занята нагорьем и отчасти оазисами и плодородными долинами; плодородная низменность тянется и вдоль Средиземного моря. А на севере поднимаются нередко покрытые снегом вершины. Заиорданье было отделено от остальной Палестины глубокой, заросшей влажным лесом и чащами папируса впадиной р. Иордан и соленым Мертвым морем с его выжженными солнцем, почти безжизненными берегами; горное или холмистое Заиорданье, покрытое степной растительностью, постепенно переходило в Сирийско-Аравийскую полупустыню» [История Востока: 129].

Крупнейшим городом Палестины третьего тысячелетия до н.э. был *Хацор*. Он имел площадь более

50 га, что очень много даже для пышных цивилизаций Индии, Китая, Египта. Он вел активную торговлю. Остальные поселения Палестины были совсем небольшими городками, скорее поселками, где царили патриархальные и весьма архаические традиции.

В 1600 г. до н.э. Палестина испытала удар Египтян, что значительно затормозило развитие городской культуры. Последующие столетия в Палестине проходит развитие Ханаанейских городков и селищ. Пышным цветом растут языческие культы. Городская культура постепенно восстанавливает свой уровень, но она является островком в море пастушеских и земледельческих поселений. В XIII в. в Палестину приходит союз еврейских племен, который объединил под религиозно-политическими лозунгами с десяток разнообразных этносов. Их наступление приводит к разрушению и захвату многих Ханаанейских городов, трансформации обычаев, верований и культурных смыслов. Палестина того времени это крайне пестрый регион, перенасыщенный религиозными столкновениями, военными катастрофами, гражданскими войнами и постепенным созданием единого государства с доминированием городской культуры.

Около X в. до н.э. в Палестине формируется единое политическое образование - *царство Давида*. Это, фактически, многонациональная империя, достаточно солидных для Ближнего Востока размеров.

Создается развитая бюрократическая система. Продолжает дело своего отца *царь Соломон*. Он значительно раздвигает границы царства, ведет активную дипломатическую политику и крайне успешную внешнюю торговлю. Между Соломоном и финикийским Тиром устанавливаются очень тесные дипломатические, экономические и культурные связи. Это проходит во времена жизни Ближайших преемников Моха. Сам Соломон вводит по примеру Египтян институт царских писцов *«Соферимов»*, потомки которых спустя несколько столетий сформировали кружки светской мудрости и стали называться *«Хокамы»*. Из-под пера Хокамов в эпоху Классической античности и Раннего Эллинизма выйдут наиболее философичные тексты Палестины, ничем не уступающие ведущим философским трактам Эллады: «Книга Иова», «Экклезиаст», «Премудрость Соломона»… Потомком Соферимов будет и первый иудей, решивший словами эллинской философии изложить мудрость Священного писания – *Филон Александрийский*. Но пока мысль Палестины только начинает осознавать саму себя. Соферимами начинают систематически вестись исторические хроники, появляется институт царской канцелярии, который ведает дипломатической перепиской. Все это происходит под сильнейшим воздействием Финикийцев, союз с которыми налагает значительный отпечаток на городскую культуру новорождённой

империи, властно вторгается в самые святые ее уголки (например, храмовое строительство полностью подчиненно канонам ханаанейско-финикийского зодчества). Значительную роль в этом играет сам царь, который энергично и напористо стремится овладеть знаниями современного ему мира. Так в историческом писании Библии в 3-ей книги Царств[34] упоминается, что «…была мудрость Соломона выше мудрости (…) и *Халкола*, и *Дарды*, сыновей *Махола*, и имя его было в славе у всех окрестных народов». То есть, были основания у последующих поколений помнить деятельность финикийских мудрецов и сравнивать их с деятельностью самого Соломона. Последний, надо полагать, совершенно не случайно в веках сохранил статус «Мудрого» и отнюдь не только за свои политические или архитектурные заслуги. Любопытно, но и столетия спустя мудрецы-хокамы, создавая свои ориентософские произведения, частенько будут отдавать авторство Соломону как некому авторитету и зачинателю интеллектуальной линии от Соферимов к Хокамам.

В 926 г. до н.э. империя распадается, ее территория значительно уменьшается и от могучего

---

[34] Библия знает несколько типов писаний: Тору (Пятикнижие или Закон), Исторические книги (которые описывают исторические события, ведут хронику определенных периодов), Учительные книги и Пророческие книги. 3-я книга Царств относится к разделу «Исторических книг» и датируется примерно VI в. до н.э. *[Мень, 1981: 23].*

государства остается два небольших царства: Северное – Израиль и Южное – Иудея.

В Финикии - это время расцвета школы Моха, уже скоро наступит пора творчества *Санхунйатона*. А в Вавилонии уже прошло время *Эсагилкиниуббиба* и его теодиции. Египет навсегда закрыл себе дорогу к философии и ориентософии. В Китае и Индии наступает пора протософии.

В 722 и 587 гг. до н.э. гибнет сначала Северное царство, а потом и Южное. Практически все население территорий угоняется на чужбину (в 722 году на опустевшие территории севера были насильно переселены народы из Малой Азии, а вот в 587 г. до н.э. депортация граждан не сопровождалась заселением пустующих территорий Юга), начинается «Вавилонское пленение» и систематизация письменного наследия народа. Создаются новые книги, призванные уберечь культуру и веру Израиля в окружении развитых, пышных и ярких языческих культур Мессопотамии.

Путь к ориентософии в формате Ветхого завета был начат с двух сторон. С одной стороны - это работы царских *соферимов*, активно впитывающих в себя достижения культурных высот окружающих народов, а с другой стороны - это пламенные речи *наби* (пророков), которые предпочитали говорить не от своего имени, а от имени Всевышнего. При этом, исторически первые попытки предложить особую, не связанную с мифом и идущую дальше смутного религиозного ощущения

нечто систему осуществили именно наби в VIII в. до н.э.. Тогда как линия соферимов достигает своей публичности и массивности лишь в V-IV вв. до н.э. в рамках движения *хокамов*.

Базой творчества и тех и других, служили Книги «*Пятикнижия Моисея*», в которых был сгенерирован весь интеллектуальный и духовный опыт иудеев, прошедших тяжкий путь от полудиких пастушеских общин к создателям развитой, долговечной, последовательной (единственной на то время!) монотеистической религии, которая обеспечила устойчивость народа при всех катаклизмах истории. Но все-таки, особым явлением в жизни иудеев, давшем толчок от выполнения уставов и канонов религиозных книг к творческому осмыслению бытия самыми широкими слоями населения, стало движение пророков.

В отличие от сотен иных имен прософийного этапа, которые потеряны и в Индии, и в Китае, и в Элладе, в отличие от тысяч ориентософских страниц философии от моря Средиземного до Тихого океана, авторство которых неизвестно, и даже профессионалы теряются в их датировках. В отличие от всех них - от Ветхозаветных пророков дошел значительный объем сочинений, авторами большинства из которых были вполне конкретные личности, а даты их создания установлены с поразительной для древних текстов точностью. То есть, исследователь имеет на руках в отличие от, например, протософских писаний эллинов,

не цитаты позднейших авторов, сгенерированные в не очень пухлый том *[Фрагменты ранних греческих философов: 33-99]*. *А* аутентичные тексты, которые создавались самими пророками, которые занимают очень большой объем и сохранились в том виде, в каком замыслил их создатель или его ближайший ученик. Еще раз подчеркну, из сферы догадок и предположений, какие имеют место быть в отношении Гомера, Гесиода, Орфея, Мусея, Моха, Эсагилкиниуббиба, Лао Цзы или Сиддартхи Гаутамы, исследователь *палестинской протософии* имеет под рукой надежные и объемные первоисточники. Первоисточники, которые почти без искажений донесли до нас опыт создания ориентософии в ее непрерывности от зарождения до полного развития и последующей преемственности народами и цивилизациями Средних Веков.

Наби (пророки), впрочем, как и *хокамы* (мудрецы), не ставили своей задачей создать единую стройную и не противоречивую систему смыслов, слов, теорий и гипотез. Это был путь эллинской философии, который увенчался творчеством Аристотеля. Мыслители – Палестины, как и в иных уголках Азии, стремились увидеть и описать основу основ происходящего, связать любую мельчайшую деталь прошлого, настоящего и будущего с единственной истиной, которая имеет характер вечности. Причем делали это ярко, поэтично, не скупясь на образы, метафоры и аллегории. Это *вечное*, в поле которого находится *все*, именовалось

даат Элогим (богопознание). То есть, приближение к Богу через любовь к нему. Финикийцы искали единое в *атоме* и *букве*, Эллины пытались выделить *апейрон*, *архэ*, *нус*, *цифру*, Индусы определяли это нечто как *Брахман*, Китайцы фиксировали *Дао*. Палестинские же пророки брали исходным (и конечным!) фактором бытия всего *любовь и познание* беспредельного. Пророки в отличие от всех религиозных, философских учителей иных народов были абсолютно, тотально уверены в истинности того, что они говорили и делали. Они никогда не раскаивались в совершенном под знаком Откровения (сомневались, страдали от того, что не видят свершения того, что быть обязано, но продолжали верить в истинность своих слов), они ничуть не считали возможным говорить о своем авторстве, а лишь о скромном посредничестве. Любые мистики: от авторов Ригведы до Платона - сомневаются в истинной достоверности своих выводов. Пророки сомнений не имели, ибо то, что они проповедовали, было лишь их аранжировкой того исходного, безусловного Авторитета, которого мы называем - Бог. Для Эллинов, постижение «Отца всяческих» (в терминологии Платона) было делом *умопостигаемым*, для Индусов - *созерцательным*, для Китайцев *предметно выражаемым*, а для пророков речь шла о наличии пламенеющей *истины*, свет от которой воспринимается всем естеством (разумом, волей, чувствами и душей) и полнота этого восприятия зависит

от полноты любви самого пророка. Но удивительное дело! Когда мистик, уходящий в нирвану утверждал *«Таат твам аси»* (Ты – это Он), полностью сливался с объектом, растворялся в нем, когда античный философ «открывающий» истину полностью отождествлял себя и открытое знание, то на этом же рубеже познания палестинский мудрец вполне четко осознавал отличие своей личности от той полноты мудрости, которая нисходит на него. Пророк ощущал себя слишком мелким сосудом по сравнению с той беспредельностью, которая рвалась в него. Другое дело, что степень той Абсолютной истины, если так можно выразиться, степень абсолютности зависела от самого пророка, его воли и ума. Пророк это всегда личность, это не автомат, а скорее со-творец истины, переплавляющей откровение своим стилем, языком, поступком *[Мень, 1991: 11-17]*.

Как же можно обозначить глобальность этапа протософии, ее достижений, ставших основой, как минимум для двух вполне ориентософских традиций (речь идет о средневековой иудейской ориентософии и ориентософии христианской, нашедшей свою полноту в трудах Отцов Церкви), а позднее, и в творчестве Византийских мыслителей.

Во-первых, яростное, пламенное, безусловное утверждение того, что СМЫСЛ бытия существует и явлен в сотнях форматах и свидетельствах. Для ориентософии, столь качественно выраженной именно палестинскими пророками, *наличие смысла бытия есть*

исходный пункт теоретических конструкций (от мистического озарения, до формализованных логических цепочек).

Во-вторых, в отличие от языческих схем, которые наложили могущественный отпечаток на философские системы эллинов и некоторые ориентософские концепции Востока, пророки утверждали (и доказывали!), что *мир не есть завершенное и законченное творение*. Мир есть творение, находящееся в стадии созидания, изменения или становления (в разных текстах по-разному). Но ключевая мысль – одна, мир есть творение не завершенное. И происходящие события, или события происшедшие не были лишь «пеной», неким бытийным хламом, «музеем артефактов», а живой динамической системой развития Человека. Причем пророки, выходя за пределы Палестинских событий, выводили эту динамику на уровень интернациональный, глобальный, на уровень, охватывающий *все* человечество. Высказанные ими мысли были гораздо выше, шире и сложнее уровня, как самих пророков, так и их слушателей (и противников и почитателей). Лишь сейчас спустя 28 веков развития мы немного начинаем понимать *уровень* писаний бедных палестинских скотоводов или горожан небольших городишек, говоривших о «смысле истории» и о «единой судьбе человечества»[35].

---

[35] В эпоху, о которой мы беседуем, само понятие Человек имело отношение лишь к члену семьи, участнику определённого

В-третьих, пророки никогда не брали на себя смелость утверждать, что они создатели *новой* религии или религиозной концепции. *Речь шла лишь о продолжении уже начатого дела*, пророки необыкновенно заботились о преемственности идей, выводя линии как буквального преемствования, так и преемствования по смыслу, духу, образу. И речь была не о презрительно высокомерном: «Amicus Plato, sed magis arnica Veritas»[36], а об истинном преемствовании тех высочайших целей, принципов и Откровений, которыми горели пророки и которыми воспламеняли дух, интеллект и волю окружающих их людей. Это преемство зачастую не было респектабельной ссылкой на мнение предшественника, это был порыв, когда текст предшественника прочитан, освоен, принят в разум и сердце, когда уже сделанное другим становится базой, огранкой слов, которые рвутся из уст пророка. С полным осознанием того, что уже твои слова перейдут

религиозного ордена, подданного конкретного царя. Все остальные рассматривались как чужаки, варвары, потенциальные рабы с ущербным телом, разумом и душой. Иногда в отдельных цивилизациях Евразии прорывались мысли о том, что Человек это понятие наднациональное или расовое. Лишь в Бедной пастушеской стране, палестинские пророки неустанно на протяжении сотен лет утверждали мысль о том, что ВСЕ люди есть Образы и Подобия Божии и судьбы их слиты воедино. Гуманизм – поистине Вселенских масштабов. Кстати говоря, эллинская философия в лице своих лучших представителей: Платона и Аристотеля, категорически отвергала этот принцип, выстраивая иерархии народов из двух частей пирамиды: высший уровень эллины и все остальные – варвары (потенциальные рабы и недочеловеки).

[36] Платон мне друг, но истина дороже.

из рода в род и сохранятся в веках. И в этом смысле потуги современных нам авторов утвердить свое персональное имя в рамках интеллектуальной собственности над словами, которые придумали не они, над мыслями, которые выражены на придуманном не ими языке и не созданными ими буквами, собственность, которая исчезнет для автора с его смертью - смотрится детскими капризами по сравнению с тем рвением, которое проявляли пророки Палестины, творя новые смыслы, вступая в со-творческий акт с божественным откровением.

Сформируем несколько концептуальных положений Палестинской протософии, связав их с именем конкретной личности и очертив время сформулированной мысли, идеи, концепта.

Дата (все даты даны до н.э.)	**Пророк**	**Мысль**
760-755	Амос	«Не подобны ли сынам эфиопов для Меня вы, сыны Израиля? – говорит Ягве. Не вывел ли Я Израиль из Египта, как филистимлян из Кафтора и сирийцев из Кира?». Этот отрывок позволяет сделать вывод, что Амос

		недвусмысленно вещал: «Люди равны перед лицом Божиим» *[Мень, 1991: 35]*. По сути, первая идея всечеловечества, равенства всех людей перед лицом Абсолюта.
750-740	Осия	«Милосердия хочу я, а не жертвы и Богопознания более всесожжений». Бог есть любовь, а обретение любви возможно только через свободный акт воли. Высший дар Богу Осия обозначает как *хэсэд* (милость, милосердие, любовь-жалость, любовь-доброта; этимологически *хэсэд* связан с глаголом *хасад* (ревновать, усердствовать) *[Мень, 1991: 54]*
742-735	Исайя и «Бедняки Господни»	«Тебе сказано, человек, что есть добро и что Ягве требует от тебя: только поступать справедливо и любить милосердие и в смирении ходить перед Богом твоим». В эпоху, когда цари собственноручно выжигали глаза тысячам пленных, когда доблестью считалось вспарывать животы беременным женщинам, в Палестине формировались

		кружки людей «Дети Исайи», которые формировали иное мировоззрение и жизненные горизонты. В Элладе, также восставшей против деспотичности меча и крови, энергичные мыслители пошли путем социально-политических преобразований, Палестипнцы избрали путь преобразований Человека. Эллины приковывали богов цепями к храму, дабы они не сбежали, а мудрецы Палестины стремились поднять Человека до уровня общения с Богом.
Ок. 715	Соферимы Езекии	Проводится большая работа писцами царя Езекии по собиранию и формированию корпуса текстов, взятых из разрозненных источников и сведенных в единую «Книгу Притч». Последняя ознаменовала собой новый жанр литературы - «*Хокма*» (Мудрости). Того самого жанра, в пределах которого спустя несколько столетий будут явлены вершины древней палестинской ориентософии.

562-550	Соферимы Вавилона[37]	Создается концепция библейской философии истории «Все от Бога, но и все от Человека». Формируется корпус исторических книг Библии, где на конкретных примерах осмысливается и переосмысливается исторический путь Израиля, формируются ключевые смыслы его исторического бытия.
562-530	Второисайя[38]	«Мировая миссия Израиля», «Языческие цари орудия провидения». Формируется и усиливается компонента особого смысла и назначения истории, причем истории как отдельного человека (не важно, иудея, или языческого деспота) так и идея национальной истории, ее конечной цели и финального пункта назначения. Бытие в этом мире его радости,

[37] В 586 году Иерусалим был разрушен, царство уничтожено, а Иудеи были переселены в Вавилонию. Здесь в условиях «Вавилонского плена» возник новый интерес к прошлому народа и смысла его бытия. В условиях тесного соприкосновения с развитой вавилонской культурой, будучи в «котле» народов и цивилизаций Соферимы усваивают новые жанры и обогащают свой литературный багаж новыми приемами и, отчасти, смыслами. Формируется база для перехода от протософии к, собственно, ориентософии.

[38] Имя условное. Настоящее имя пророка, рожденного в Вавилонском плену, мы не знаем.

		да несчастья не являются самоцелью (даже строительство Дома Божьего в Иерусалиме), а лишь средством достижения конечной цели истории, которое есть – приход Мессии. И в этом смысле нет границ между народами у Ягве, а есть лишь одна граница – между истинной верой и язычеством *[Мень, 1991: 231]*

Около 485 года до н.э. вдруг и неожиданно духовный мир Израиля крутанулся вокруг своей оси. Пророки уходят со сцены его истории. Учителями народа, создателями концепций мировоззрения, интеллектуалами, духом проникающим сквозь пласты мироздания становятся не пламенеющие проповедники, которым была открыта истина, мудрецы, раввины и книжники *[Мень, 1991: 246]*. Этот процесс забурлил вокруг фигуры *Эзры* и его противников. Он вылился в серию блестящих, эталонных для протософии писаний, среди которых первым текстом этого направления является творение безвестного мудреца - «*Книга Руфь*». По форме это незатейливая новелла, в которой любой читатель Востока мгновенно увидит сложнейший комплекс символов, вязкую цепь ассоциаций и пугающую глубину истин. Самая главная мысль, идея книги сформулирована А. Менем так: «человеческое достоинство и праведность не зависят от племенных

границ, и Богу угодны все, кто сохранил веру и любовь» *[Мень, 1991: 244]*.

Этап протософии (которому предстояло развернуться в оригинальную ориентософию), сформировал базис историософского познания мира, дал ощущение динамизма истории в стратегическом видении и показал ценность каждого конкретного шага даже отдельного человека. Он возвел достоинство Человека на немыслимую для той эпохи ступень. Он, подарил смысл и цель жизни для современников и их потомков. Он предложил любовь к Богу и познание Его как ключевые пределы человеческого Бытия.

Пророки после множества горьких уроков недвусмысленно указали на невозможность достижения Царства Божия (тотальной справедливости, всеобщего милосердия и абсолютного благоденствия) на Земле. Они перекрыли тем самым полностью путь социальных и политических преобразований как вектор софийной мысли палестинской ориентософии. Перекрыв возможность осуществления в рамках государственных программ или политических проектов, они не лишили Человека *высокого права творить деятельное добро*, права творить милосердие и справедливость. Как это совместить в формате единого мировоззрения, отлить в чеканные формулы интеллектуального знания, будут решать уже следующие поколения творцов палестинской историософии в первых веках до Рождества Христова… до наступления новой, нашей эры.

Вопросы для самоконтроля:

1. Каковы причины отсутствия протософии на территории Сирии.
2. Опишите в чем заключалась финикийская протософия и ее влияние на окрестные культуры.
3. Сформулируйте основные тезисы палестинская протософия в контексте развития Ориентософии.

Темы для рефератов и эссе.

1. Мох Сидонский и его протософские идеи.
2. Санхунйатон и его творчество.
3. Протософский контекст пророков Палестины.

Лекция 8.
Три концепции появления эллинской философии

В конце VII века до н. э. в эллинских городах Ионии (Западное побережье Малой Азии), в городах континентальной и островной Эллады, в районах «Великой Греции» (эллинские города на о. Сицилия и на юге Апеннинского п-ова) появляются люди, чей род занятий, спустя две сотни лет, во времена *Платона* (V в. до н.э.) получил четкое наименование: «*Философия*». Впрочем, сами себя эти эллины тогда, в конце VII веке до н.э., никакими философами не считали и даже не подозревали, что являются ими (за исключением анекдотичного случая, почти шутки за глотком вина, связанного с именем Пифагора). Свои «тексты» они частенько составляли в стихах, иногда обозначали эти записи термином «Истории». Многие читатели этих «Историй» поздних веков именовали их авторов чаще «физиками», нежели «философами» и никогда не называли их «историками». Целый ряд этих людей (и очень значительный, если не сказать солидный) попал в рубрику «Семь мудрецов». Но откуда тогда «взялась» философия и откуда появилась сама философия?

Создание самого термина «философия», безусловно, принадлежит эллинам. Вернее, ее легендарная формулировка принадлежит Пифагору, в

котором смешалась эллинская и малоазийская кровь, и который значительную часть своего обучения провел в Финикии, Сирии и Египте. Согласно традиции Пифагор на вопрос: мудрец ли он (*софист*), ответил, что он не мудрец, а любитель мудрости – *философ*. Окончательное оформление термина *«философия»,* как особого рода деятельности, принадлежит эллину, многое взявшему из своего Египетского путешествия (по крайней мере, что касается социально-политических и исторических взглядов) – *Платону* (настоящее имя *Аристокл*). На языке Эллады V в. до н.э. «*Филиа*» это не столько любовь, сколько влюбчивость («филирастия»). И видов этой «филии» было великое множество: любовь к отцу («филопатор» — «любящий своего отца»), любовь к матери («филомэтор» — «любящий свою мать»), любовь к детям («филопайс» — «детолюбивый»), любовь к братьям и сестрам («филадельфйа», от «адельфос» — «брат» и «адельфэ» — «сестра»), любовь к своим товарищам («филетайрйа»), к друзьям («филофилйа»), вообще дружелюбие («филофронэсис»), любовь к своему родному городу («филополи»), к своим согражданам («филополйтэс» — «любящий своих сограждан»), любовь к своему отечеству («филопатрйа»), любовь к своей родине — Греции, преданность ей («филеллэн» — любящий Грецию, Элладу), любовь к народу («филбдэмос» — «народолюби- вый»), любовь к человеку («филантропйа», отсюда «филантропия»).

«Филиа» — любовь к наслаждению («филэдонйа»), к славе («филендоксйа»), к власти («филархйа»). Это любовь к свободе («филелеутерон»), но любви к несвободе, к рабству у древних греков не было, хотя было «филотюраннос» — «стоящий на стороне тиранов, приверженец тирании». («филокалйа») —любви к безобразному не было; любовь к добродетели, к добру, к доброте («филагатос»), но возможно, и стремление к пороку («филопонэрос» — «тяготеющий к пороку» в отличие от «филаретос» — «любящий добродетель»). «Филиа» — любовь к правде, к истине («филалетёйа»), но возможна и любовь ко лжи («филопсеустйа»). «Филиа» — любовь к деятельности («филергйа»), труду («филопонйа»), к земледелию («филогеоргйа»), к искусствам, ремеслам («филотехнйа»), любовь к музам, т. е. также любовь к наукам и искусствам («филомусйа»). Это также любовь к богатству («филоплутйа»), жадность к деньгам («филохрэматйа»), страсть к наживе, корыстолюбие («филкёрдейа»). «Филиа» — любовь к общению («филбкойнос» — «любящий общение») и любовь к одиночеству («филёремос» — «любящий одиночество»). «Филиа» — любовь к своему телу, т. е. тщательный уход за телом («филосоматон»), любовь к самому себе («филоаутос»), любовь к своей душе, к своей жизни («филопсюхйа» и «филодзойа»)…» *[Чанышев, 1990: 45-46]*. В данном ряду «Философия» - это страсть, жажда, стремление к мудрости, осуществляемое под знаком

самоотверженности и всецелой устремленности к объекту своего восхищения. Это и преданность мудрости, и тщательное попечение о мудрости, одним словом, деятельное участие в судьбах мудрости. Но это не дает ответа, как появилась реальность «Философия» и *каким образом* эллинские купцы, аристократы, царевичи и политики стали осознавать себя «Философами». Где та точка, где то начало начал, до которого философия существовала как возможная лингвистическая форма, а после которого она стала реальностью культуры и цивилизации. Причем реальностью *исключительно* эллинской. А позднее исключительной визитной карточкой католического и протестантского мира Запада.

Вопрос о первых людях, которые пусть и не называли себя философами, но, во всяком случае, были ими - стал острым уже во времена Античности (не было сомнений у античных специалистов, что сначала появилось само философское знание, а уж потом оно получило свой словесный ярлык). Из всех нам известных ответов наиболее комплексно к решению вопроса о первых философах подошел *Диоген Лаэртский* (II — начало III в. н. э.)[39]. Этот оригинальный и своеобразный писатель поздней античности предлагает несколько векторов решения

[39] То есть спустя 8-9 веков после появления первых философов, которых современные ученые, безусловно, считают родоначальниками философских школ: Фалеса, Пифагора, Ксенофана, Гераклита, Парменида и пр.

вопроса, откуда есть взялась философия, на земле эллинской.

Вектор первый: «Занятия философией, как некоторые полагают, начались впервые у варваров: а именно у *персов были их маги*[40], у *вавилонян и ассириян — халдеи*, у *индийцев — гимнософисты*[41], у *кельтов и галлов — так называемые друиды* и *семнофеи* (об этом пишут Аристотель в своей книге "О магии" и Сотион в XXIII книге "Преемств"); *финикийцем был Ох, фракийцем — Замолксис, ливийцем — Атлант. Египтяне уверяют, что начинателем философии, хранимой жрецами и пророками, был Гефест, сын Нила*; от него до Александра Македонского прошло 48 863 года, и за это время было 373 солнечных затмения и 332 лунных. А от магов, первым из которых был перс Зороастр, и до падения Трои, по счету платоника Гермодора (в книге "О науках"), прошло 5000 лет; по счету же Ксанфа Лидийского, от Зороастра до переправы Ксеркса прошло 6000 лет, причем после Зороастра следовал длинный ряд магов-преемников — и Остан, и Астрампсих, и Гобрий, и Пазат, вплоть до сокрушения Персии Александром Македонским».

*Вектор второй. «*И все же это большая ошибка — приписывать варварам открытия эллинов: ведь не только философы, но и весь род людей берет начало от эллинов» (Диоген Лаэртский. I. 1). После последнего

---

[40] Здесь и далее в отрывках Диогена Лаэртского курсив мой.
[41] «Голые мудрецы».

пассажа Диоген приводит вторую линию, или версию развития философии: «именно среди афинян родился Мусей, а среди фиванцев — Лин.

Мусей, сын Евмолпа, первый, по преданию, учил о происхождении богов и первый построил шар; он учил, что все на свете рождается из Единого и разрешается в Едином… Лин, по преданию, был сыном Гермеса и музы Урании; он учил о происхождении мира, о путях солнца и луны, о рождении животных и растений… Вот таким образом началась у эллинов философия, самое имя которой чуждо варварской речи». Но сторонников «варварской» версии было, видимо, достаточно много и Диоген вновь возвращается к этой теме: «Те, кто приписывают открытие философии варварам, указывают еще и на фракийца Орфея, называя его философом, и притом древнейшим. Но я не уверен в том, можно ли называть философом человека, который говорил о богах так, как он; да и вообще не знаю, как назвать человека, который бесстыдно приписывает богам все людские страсти, в том числе такие мерзкие дела, которые редкому человеку и на язык придут… Сторонники варварского происхождения философии описывают и то, какой вид она имела у каждого из народов.

Гимнософисты и друиды… говорили загадочными изречениями, учили чтить богов, не делать зла и упражняться в мужестве; гимнософисты презирали

даже смерть… Халдеи занимались астрономией и предсказаниями.

Маги проводили время в служении богам, жертвоприношениях и молитвах, полагая, что боги внемлют только им; рассуждали о сущности и происхождении богов, считая богами огонь, землю и воду; отвергали изображения богов, в особенности же различение богов мужеского и женского пола. Они составляли сочинения о справедливости; утверждали, что предавать покойников огню — нечестиво, а сожительствовать с матерью или дочерью — не нечестиво… занимались гаданиями, прорицаниями и утверждали, будто боги являются им воочию, да и вообще воздух полон видностей, истечение или воспарение которых различимо для зоркого глаза. Они не носили золота и украшений, одежда у них была белая, постелью им служила земля, пищей — овощи, сыр и грубый хлеб, посохом — тростник; тростником же они прокалывали и подносили ко рту кусочки сыра за едой. Колдовством они не занимались, как свидетельствуют Аристотель в книге "О магии" и Дион в V книге «Истории»; последний добавляет, что, судя по имени, Зороастр был звездопоклонником, и в этом с ним согласен Гермодор. Аристотель в I книге "О философии" считает, что маги древнее, чем египтяне, что они признают два первоначала — доброго демона и злого демона и что первого зовут Зевс и Оромазд, а второго — Аид и Ариман; с этим согласны также

Гермипп (в I книге "О магах"), Евдокс (в "Объезде Земли") и Феопомп (в VIII книге "Истории Филиппа"), причем последний добавляет, что, по учению магов, люди воскреснут из мертвых, станут бессмертными и что, только заклинаниями магов и держится сущее; то же самое рассказывает и Евдем Родосский. А Гекатей сообщает, что сами боги, по их мнению, имели начало. Клеарх из Сол в книге "О воспитании" считает гимнософистов учениками магов, а иные возводят к магам даже иудеев. Между прочим, сочинители книг о магах оспаривают рассказ Геродота: они утверждают, что Ксеркс не пускал стрел в солнце и не погружал оков в море, ибо маги считают солнце и море богами, и что кумиры богов Ксеркс ниспроверг тоже в согласии с учением магов.

Египтяне в своей философии рассуждали о богах и о справедливости. Они утверждали, что началом всего является вещество, из него выделяются четыре стихии и в завершение являются всевозможные живые существа. Богами они считают солнце и луну, первое под именем Осириса, вторую под именем Исиды, а намеками на них служат жук, змей, коршун и другие животные (так говорят Манефон в "Краткой естественной истории" и Гекатей в I книге "О египетской философии"), которым египтяне и воздвигают кумиры и храмы, потому что обличие бога им не ведомо. Они считают, что мир шарообразен, что он рожден и смертен; что звезды состоят из огня, и

огонь этот, умеряясь, дает жизнь всему, что есть на земле; что затмения луны бывают оттого, что луна попадает в тень земли; что душа переживает свое тело и переселяется в другие; что дождь получается из превращенного воздуха; эти и другие их учения о природе сообщают Гекатей и Аристагор. А в заботе своей о справедливости они установили у себя законы и приписали их самому Гермесу. Полезных для человека животных они считают богами; говорят также, будто они изобрели геометрию, астрономию и арифметику. Вот что известно об открытии философии» (Диоген Лаэртский. I.).

Как видим, несмотря на этическую и моральную критику «варварского» происхождения философии, а, также, несмотря, на идеологическую концепцию: «Эллины отцы всех сущих людей», Диоген приводит отрывки из доброго десятка дискуссий, которые вели в своих книгах эллинские философы по поводу происхождения философии.

О начале же собственно эллинской философии Диоген пишет следующее, что собственно и является *вектором третьим*: «Философию философией [любомудрием], а себя философом [любомудром] впервые стал называть Пифагор, когда спорил в Сикионе с Леонтом, тираном Сикиона или Флиунта (как пишет Гераклид Понтийский в книге «О бездыханной женщине»); мудрецом же, по его словам, может быть только бог, а не человек. Ибо преждевременно было бы

философию называть «мудростью», а упражняющегося в ней — «мудрецом», как если бы он изострил уже свой дух до предела; а философ ["любомудр"] — это просто тот, кто испытывает влечение к мудрости. Мудрецы назывались также софистами [мудрователями], и не только мудрецы, но и поэты: так называет Гомера и Гесиода Кратин в «Архилохах», желая похвалить этих писателей.

Мудрецами почитались следующие мужи: Фалес, Солон, Периандр, Клеобул, Хилон, Биант, Питтак; к ним причисляют также Анахарсиса Скифского, Мисона Хенейского, Ферекида Сиросского, Эпименида Критского, а некоторые и тирана Писистрата. Вот кто были мудрецы.

Философия же имела два начала: одно — от Анаксимандра, а другое — от Пифагора; Анаксимандр учился у Фалеса, а наставником Пифагора был Ферекид. Первая философия называется ионийской, потому что учитель Анаксимандра Фалес был ионийцем, как уроженец Милета; вторая называется италийской, потому что Пифагор занимался ею главным образом в Италии» (Диоген Лаэртский. I.).

Предложенная концепция Диогена, в той ее части, которая касается Эллады, благополучно существует и по нынешний день, являясь ключевой для тотального большинства учебников философии. Конечно, время, научные изыскания ее несколько откорректировали, но пафос и, так сказать, «генеральная линия» рождения

философии в Ионии силами эллинов, исходя из концепции самозарождения философии в Элладе – неизменна.

Однако в учебниках, как не трудно заметить, принята во внимания была лишь одна из трех линий (философия «от Ионийских и Италийских мудрецов»), две другие исключены (философия «от варваров», философия «от потомков богов»). Проблема заключается в том, что от эпохи рождения философии не осталось сколь-нибудь длинного текста, который бы принадлежал Фалесу, Пифагору, Анаксимандру или, скажем, Ксенофану. Все, повторюсь, все тексты, которые мы имеем от той эпохи, это цитаты авторов, живших минимум на 200-300 лет позже указанного периода. Да и то до нас дошли жалкие клочки и обрывки этих самых авторов, которые писали о первых философах. Лишь около десятка текстов античности, созданных Платоном, Аристотелем, Диогеном Лаэртским и некоторыми другими, дошли до нас полностью, и мы можем оценить контекст того, как упоминается этап начала философии в их авторском замысле. В остальных случаях - клочки, обрывки, намеки, а часто и откровенная фальсификация. После многочисленных изысканий, сложнейшей работы лингвистов, археологов, философов, ученых, химиков был создан корпус всех известных ученым текстов первых философов Эллады. Он опубликован и даже переведен на многие языки мира. На русском языке

книга полностью вышла в 1989 году. Оказалось, что наше знание о протософии – мизерно [*Фрагменты ранних греческих философов: 33-99]*. Такая же ситуация складывается вокруг тех, кого уверенно называют философами: Фалес, Анаксимандр, Пифагор *[Фрагменты ранних греческих философов: 100-116; 116-129; 138-149]* и многие другие. То есть, на жалких 7-12 страничках уместилось все, что мы знаем о философе, вся информация о нем, о его жизни, о его книгах, о попытках подделать его тексты, вплоть до неприличных анекдотов и шуток. Очевидно, что наше знание о периоде начала философии в Элладе, которое опирается исключительно и только на известные фрагменты значительно, мы бы выразились *глобально* ниже, чем наше невежество и незнание. Следовательно, строить сколь-нибудь серьезные концепции о родине Эллады, как исключительном регионе, где зародилась философия, причем при минимальном воздействии окружающих культур – смешно и наивно. Не спорю – удобно и схематично корректно, но совершенно не разумно, да и не научно тоже. Тем более, что в указанных отрывках, солидная часть доказательств относится к доказательствам феноменального влияния Востока в области интеллекта на Эллинов. Речь идет и об этническом происхождении первых эллинских философов (среди которых встречаются выходцы из Фригии, Финикии и Сирии), о начале их ученых занятий *после* посещения Вавилона, Финикии, Сирии, Египта

(при том, что традиции воспитания интеллекта в рамках отечественных эллинских школ не было, ибо, *только посетив страны Ближнего Востока*, эллинские купцы, политики, жрецы, аристократы *вдруг* начинали открывать «кружки мудрости», заложив основы эллинских философских школ). Однако для любого ясно, что уже в рамках подражаний Востоку эллины привнесли *нечто* свое, это *нечто* принципиально трансформировало, корежило классические образцы протософии Востока, превращая протософию в эллинскую философию. Причем именно результат трансформации естественного протософского знания в причудливый эллинский гибрид-философию был назван истинным и совершенным, а источник трансформации - искаженным и ограниченным.

Этот странный парадокс был замечен достаточно давно, но лишь в последние несколько десятилетий разгорелись ожесточенные дискуссии о корнях эллинской философии, раздув те угли парадоксов, которые благополучно тлели под покровом мокрого одеяла европоцентризма. Ныне выдвигаются гипотезы о влиянии Финикии и Сирии на Элладу, внимательно, сквозь мелкое сито научных методов просеиваются гипотезы и факты влияния на эллинских мыслителей религиозных традиций Ирана, ставятся вопросы о взаимовлиянии протософии Эллады и Египта [Вольф, 2006; Жданов, 2012; Матвейчев; Рассоха, 2015]. Выдвигаются смелые гипотезы и формируются

мощнейшие критические течения. К чему приведет разгоревшаяся полемика, куда вовлечены филологи, философы, историки, культурологи, археологи, этнографы, религиоведы и прочая, прочая, прочая – не ясно.

Сторонники «варварского» происхождения философии сильны своими косвенными фактами, сравнительным анализом культур и психологий, они сильны своей логикой исторического процесса и знанием человеческой природы. Их противники, сторонники «консервативного течения», утверждающего, что философия - это феномен исконно эллинский – опираются на тысячелетнюю европоцентричную традицию и не столько утверждают свою точку зрения, сколько требуют аргументировать «варварскую» теорию конкретными, прямыми и недвусмысленными текстами, кои их противники предоставить – не могут. «Консервативная линия» принципиально не принимает факт этнического происхождения мыслителя, как «не имеющего отношения к разговору», попытки вывести единство мифологического мировоззрения и активного заимствования образов, символов и понятий эллинов у «варваров» - считает единичными, полулегендарными, религиозными актами, не имеющего отношения к философии. А собственную, узкую источниковедческую текстуальную базу, наделяет силой абсолютной истины, которая может быть опровергнута только такой же

источниковедческой базой. Одним словом, как в старом анекдоте: «Если нечто ходит как утка, крякает как утка и может плавать – это утка». Впрочем, принципиальных фанатиков обоих направлений практически нет, исследователи располагаются на разных отрезках от большей благосклонности к «консервативной» точке зрения, до большей симпатии к «варварской» теории.

С нашей точки зрения, чтобы разобраться с феноменом начала эллинской философии, необходимо решить один принципиальный общий логический вопрос. Неужели Эллинская философия появилась изначально как философия? Сразу начавшись с протософии, а та, в свою очередь, неким таинственным образом мутировала из недр мифологии эллинов, математики вавилонян, геометрии Египтян и каких-то знаний Финикийцев, как это излагается в наиболее авторитетных изданиях [Чанышев: 140-173]? Представляется крайне сомнительным тот факт, что Философия может родиться из Мифа. Просто так, усилиями одного-двух человек, на протяжении жизни их бренных тел[42]. Вот не было никакой профилософии, не говоря уж о философии, а потом РРРаз, и Гомер создает свои поэмы, РРРаз и Гесиод формирует величественную Теогонию, РРРРаз, и полумифический Орфей придумал мистическую прафилософию, и, наконец, Фалес, РРРРаз, и создал высшую стадию -

[42] По крайней мере, замечательный философ А.Ф. Лосев очень аргументированно обосновал мысль о невозможности рождения философии из мифологии.

прафилософию, после которой эллины поняли, все, началась философия. Конечно, я утрирую, но сущностная логика, заложенная ее создателями в данную концепцию, немногим отличается от этого искусного, но все-таки театрального действа полного условий и декораций интеллекта.

За скобками остается вопрос, что это были за люди, которые создавали «прафилософию» (по терминологии А.Н. Чанышева)? Откуда они пришли? О чем мечтали? У кого учились? На каком языке говорили? Что это такое Эллада и Иония? Как процесс создания философии был включен в контекст не просто «железного века», а в конкретные культурные, исторические, ментальные реалии Эгейского бассейна? Без ответа на эти вопросы загадка появления философии так и не будет разгадана. Вместо ответа будет предложена простая, линейная схема бытия *единственной в мире правильной философии*, которая восходила от менее совершенных образцов к более совершенным, причем исключительно в ареале европейской цивилизации.

Вопросы для самоконтроля:

1. Каковы три ключевые версии появления философии в Элладе?
2. В чем своеобразие современных споров о происхождении философии в Элладе?

Темы для рефератов и эссе.

1. Этимология термина «Философия».
2. «Консервативная» теория происхождения философии.
3. «Варварская» гипотеза происхождения философии.

Лекция 9.
Мыслители Ионии: от Протософии к Философии.

Регион Эллады начала первого тысячелетия до н.э. представляется нам как неотъемлемый историко-культурный ландшафт, того, что принято называть Востоком. Первая цивилизация, которая прочно ассоциировалась с эллинами[43], появилась уже в середине второго тысячелетия до н.э. Ныне она называется Микенской или Крито-Микенской цивилизацией. Ее создатели строили могучие крепости, создавали сложнейший бюрократический аппарат… Война, добыча, слава – вот характернейшие признаки менталитета «протоэллинов» тех времен. По своим экономическим, религиозным, изобразительным и прочим характеристикам Микенцы были подобны любой другой культуре Ближнего Востока и принципиально, на существенном интеллектуальном, эстетическом или хозяйственном уровне мало чем отличались от своих соседей. Микенцы воевали и дружили со своими соседями, отправляли дипломатические посольства, обучались новым видам искусства и военным ремеслам, создавали союзы и активно торговали. Создатели этой цивилизации

[43] Этногенез эллинов до сих пор является вопросом дискуссионным. Преемственность Крито-Микенской цивилизации с цивилизацией классической Эллады, безусловно, есть, но вот формы преемственности вызывают множество споров и разночтений. Концепции базируются от преемственности биологического генотипа до лингвокультурных цепочек подобий и тождеств.

пришли на Балканский полуостров в начале второго тысячелетия до н.э. как разрозненные племена, не осознающие своего единства. Как нация, как культура, как цивилизация они сложились, активно перемешиваясь с местным населением (так называемыми пеласгами), подвергаясь активному воздействию Критской самобытной цивилизации. Язык Микенцев, также, по-видимому, сложился уже после завоевания Балканского полуострова, захвата Крита и превращения Эгейского моря во «Внутреннее озеро» своей цивилизации. Язык, носителями и создателями которого они были, безусловно, входил в Индоевропейскую семью. Ахейцы усвоили письменность своих критских соседей и окончательно сформировали стройную систему государственной власти. Берега Эгейского моря покрываются сетью маленьких, но энергичных и воинственных держав, центром которых были мощные города-крепости. Несмотря на воистину массивные внешние признаки цивилизации мы не можем говорить о существенном развитии или просто наличии простософской культуры того времени. Расшифрованное письмо Микенцев не давало возможности излагать тонкие понятия и категории. Все известные тексты - это хозяйственные записи и административные распоряжения. Судя по всему, это была культура аристократов, авантюристов и дерзких воинов, нацеленная на грабеж и славу.

К XII веку до н.э. минойское письмо забывается. Цитадели в результате так называемой «катастрофы бронзового века», связанной с геологическими катаклизмами и этническими волнами новых

агрессивных переселенцев разрушаются[44]. Полностью меняется уклад жизни. Исчезают царства, само государство трансформируется в нечто иное, нежели стандартная концепция восточной бюрократической деспотии. При этом уровень культуры катастрофически падает, сужается сфера торговли и морских путешествий. Наступает эпоха, которую историки называют «Темными веками» - XI—IX века до н. э.

В этот период происходит масштабное, можно сказать системное переосмысление всех ценностей и достижений цивилизации, начинается процесс формирования принципиально нового формата культуры, отмеченной не столько вторжениями и грабежами, сколько заимствованиями и синкретизмом. На этом фоне является поразительным фактом скачкообразное развитие технологий (например, выплавка железа) и скачкообразный же прыжок «в пропасть» в социально-политической сфере: от развитого государства к родоплеменным отношениям. А затем амплитуда маятника эллинской истории начинает свой стремительный разбег и за какие-нибудь три столетия (VIII-VI вв. до н.э.) эллины из варварства переносятся в цивилизацию, причем такую цивилизацию, которая на следующие несколько тысяч лет будет являться образцом и предметом поклонения сотен народов. Этот переход был поистине феноменальным. Эллины создают цивилизацию, которая не имеет аналогов во всем Древнем мире. Как?

---

[44] В науке это носит название «Катастрофа бронзового века», когда в результате массовых миграций «Народов моря» уничтожены не только микенские царства, но и царство Хеттов, города-государства Анатолии и Сирии. Все сопровождалось упадком искусства, культуры, политики.

Каким образом обычный периферийный восточный народец, с когда-то недурственной культурой, но скатившийся в варварство, вдруг разорвал путы исторической логики? Сотни, если не тысячи таких восточных народцев после крушения своих государств, скатывались к родоплеменным отношениям и растворялись без следа в пыльных бурях исторических катаклизмов. Но эллины выскочили из центробежных сил истории. Чего только стоит превращение унылой рутины дворцовой канцелярии (которая была гегемоном Восточных держав и более чем прекрасно была развита у Микенцев) в настоящую политику, как область бытия Человека и Гражданина. Но, пожалуй, самое феноменальное достояние «Темных веков» это сам греческий язык. Тот самый язык, который предки Микенцев принесли на Балканский полуостров в начале второго тысячелетия до н.э. в форме разрозненных диалектов. Тот самый язык, который формировался на залитых алкоголем хмельных пирушках аристократов, тот самый язык, который оттачивался в унынии дворцовых архивов и совершенствовался в гимнах героев. Тот самый язык, который мялся, трансформировался в тысячах дипломатических и торговых сделок, тот самый язык который (пожалуй, кроме нескольких мифов) единственное, что пережило крушение из культурных достижений Крито-Микенской цивилизации, язык – вот единственное, что оставалось у бедных крестьян и нищих рыбаков в «Темные века». Это был язык, который в лице двух гениев: Гомера и Гесиода подготовил рождение уникальной эллинской цивилизации. Вот, что об этом сокровище Эллады, сохранившейся в течение тысячелетий, сказал Э.

Биккерман: «Среди языков Древнего мира греческий выделяется своим богатством средств точного выражения отношений между обсуждаемыми предметами. Там, где другие языки просто связывают вместе предложения немногочисленными, на все пригодными союзами, греческий всегда делает возможным, а часто прямо требует детального анализа всего комплекса идей, которые надлежит выразить в речи. Страница, написанная на каком-нибудь семитском языке или на раннелатинском, в сравнении со страницей классического греческого выглядит кучей кирпичей, сваленной рядом с аркой» *[Андреев: 18]*. Именно уникальный язык Эллинов помог оформить то, что ныне называется философией. Но не могла же философия зародиться в самом языке? Язык и лингвистические формы способны изменить, исказить, отредактировать реальность мысли, но сама-то мысль не есть система закорючек-букв или гармоничных звуков-слов. Вернее, все это есть составляющие мысли, но, как правило, отнюдь не ее источник.

Ныне почти традиционным считается, что философия неким странным способом родилась из Мифа. Любопытно, но сами греки уже классического периода большинство мифологических событий относили именно к периоду «Темных веков», или чуть-чуть раньше его. Именно тогда жили герои и чудовища, на землю сходили боги. И вот парадокс, именно к этим векам сами эллины относили своих родоначальников философии: *Орфея, Мусея* и *Лина*. Относили, но отнюдь не считали их деятельность деятельностью героя мифа. Сами фигуры были окутаны романтикой мифа, но когда одежда могла быть тождественной телу? Только в

жутких изобретениях сознания, как например, в случае с Гераклом в которого впилась и жгла ядовитым огнем его собственная одежда… Не является ли нам в образе Орфея, Мусея и Лина действительный этап рождения… нет не философии, а классического для Востока начала протософии?

Если сравнить те тексты и идеи, которые приписываются указанным трем героям и которые все серьезные исследователи склонны действительно считать плодом творчества неких индивидуальностей эпохи «Темных веков», то окажется, что их смысловые единицы действительно подобны протософии Ближнего Востока и Египта. А целый спектр идей и образов попросту заимствован из литератур Восточных народов. Приведу пример Лина. Так эллины считали, что именно Лин изобрел ритм и мелодию. Именно Лин адаптировал финикийские письмена к эллинскому языку *[Фрагменты ранних греческих философов: 70]*. Его стилосу[45] приписывали множество произведений о Луне и Солнце, о Богах и Героях. Жил Лин как раз в эпоху «темных веков» за несколько столетий до рождения Гомера (кстати, он был одним из немногих мудрецов Эллады до классического периода, жившего не в Малой Азии, а в материковой Греции). Нас интересует, прежде всего, отрывок его произведения: «О природе космоса».

«Так, через распрю управляется все всегда.
Из Всего — все [вещи], и из всех [вещей] — Всё,

[45] Предмет, который представлял собой костяную палочку, заострённым концом которой наносили письмена на вощёную дощечку, а противоположным, имеющим гладкое утолщение, стирали их.

Все [вещи] — одно, каждая — часть Целого, все в одном:
Ибо все эти-вот [веши] возникли из некогда единого Целого,
А из всех [вещей] некогда, в предопределенное время, снова будет одно,
Вечно сущее одним и многим, причем [их] невозможно увидеть одновременно.
Много раз будет [повторяться] одно и то же, и никогда не наступит конец.
Жизнь сопряжена с мучительными страданиями и сонмом смертельных напастей.
Так бессмертная смерть осеняет все окрест.
Человек и все тленное умирают, а бытие
Будет неуничтожимым и сущим всегда, поскольку оно таково.
Оно будет изменяться [лишь] всевозможными кажущимися обличьями и очертаниями формы,
Скрываясь от взора всех смертных».

[Фрагменты ранних греческих философов: 71-72]

Этим мыслям и образам можно найти параллели и в Египетских космогонических гимнах, и в Вавилонских, и в Индийских и в Китайских традициях. Но есть нечто и принципиально отличающее этот текст от остальных. Жесткое, устойчивое нежелание видеть своим источником откровение или удачу. Это голос мудреца, который опирается исключительно на свое Я и максимально его возвеличивает. Для Востока это вопиющее нахальство и признак беспредельного невежества. Но для зарождающейся эллинской философии это норма и стимул для развития. Впрочем,

речь все еще идет о неких «посвященных», которым открыта истина. Именно это искусственное зауживание носителей истины – родовое пятно Востока, которое будет преследовать эллинскую философию и многие столетия спустя.

«Приготовься внимательно слушать и внемли
Тропе наших слов, истинной во всем.

Отринь многогорестных демонов смерти [керы], которые / Истребляют толпу непосвященных, опутывая их во всем / Всевозможными напастями, принимая обманчивый облик. /Не пускай их в душу оберегами ума: / Такое очищение освятит тебя неподдельно, / Если ты воистину возненавидишь тлетворный сонм напастей. / Прежде всего [обуздывай] чрево — источник всех безобразий, — / Коим вожделение правит похотливыми уздцами. . .»

[Фрагменты ранних греческих философов: 73]

Именно на излете «Темных веков» появляются фигуры, которых современные исследователи считают основателями эллинской предфилософии (в нашей терминологии протософии): *Гомер, Арктин, Креофил, Антимах и Гесиод*. Любопытно проследить их этнокультурную родину. Гомер (Смирна - Западное побережье Малой Азии), Арктин (Милет - Западное побережье Малой Азии), Креофил (о. Самос или Хиос - Западное побережье Малой Азии), Антимах (Теос- Западное побережье Малой Азии), Гесиод (Кима - Западное побережье Малой Азии). Другими словами, в ряду этих полулегендарных личностей, зачастую носящих мифологические одежды, все прочно

ассоциируется с побережьем Малой Азии. Столь последовательное и непримиримое желание эллинов видеть в своих первых учителях выходцев из Малой Азии заставляет о многом задуматься. Речь не идет о том, что они были азиатами, приехавшими учить эллинов мудрости. Отнюдь. Но мифологическое мышление не склонно наделять своих героев географическими атрибутами «просто так». За ними стоит некая реальность… Очевидно, что основные начатки систем познания мира эллины заимствовали на Востоке. Это и развитая мифология Хеттов, это и сложнейшие системы астрономических наблюдений, это и математические достижения Египта, высокие абстракции натуралистов Финикии. Мы не найдем ни единого мудреца Эллады рассматриваемого периода, который не был бы связан с Востоком: рождением ли, обучением ли, путешествием ли. Причем начинали творить мудрецы *после* общения с Востоком. Их образы несут в себе сотни деталей Хеттов, Вавилона, Сириии, Египта, наконец, Финикии. На это указывают прямые свидетельства древних авторов и многочисленные детали самих дошедших текстов. Но… но… *философии на Востоке не было*. Она появилась исключительно в Элладе. Протософские образцы Эллады, включая идеи Фалеса, Пифагора, Анаксимандра, Анаксимена имеют четкие параллели с той протософией, которая особенно бурно развивалась в Финикии. Но лишь параллели. Можно говорить, что протософия вошла в Элладу уже готовым образцом, однако подверглась мощному изменению. В нашей терминологии произошла *мутация протософии*, которая уже во времена Сократа, Платона, а особенно Аристотеля окончательно мутировала в

классическую эллинскую философию. *Тогда как на остальном Востоке происходило обычное развитие протософии в ориентософию, достигшее классических образцов в Средние Века.*

Мутация уже фиксируется в текстах *Лина*, благодаря уникальному для Востока чувству авторства, гипертрофированному желанию личной славы, как создателя и вещателя истины. Да и в текстах Гомера можно заметить некоторые мутагенные гены. Так, в отличие от остальных космогоний протософии или же в отличие от поисков Человеческого в Человеке, Гомер вводит фактор *смеха*. Смех стал финалом общения Человека с создателями сущего – Богами. Смех над Богом, смех над магией, смех над святой истиной *[Драч: 55]. Смех и легкомысленность к истине вот, что заставляет мутировать ту протософию, которая вошла в интеллектуальное поле эллинов на излете «Темных веков».* Восток был всегда серьезен, когда говорил об истине, правде, счастье, горе. Восток, обращаясь к мудрости, был сосредоточен и осторожен, ведь речь идет о самом важном для Человека: о его истинном смысле бытия. Восток всегда искал возможности слиться с природой, с Богом, стать органичной и естественной частью Бытия. Эллин был скорее в этом отношении любопытен, насмешлив и шаловлив. Он всегда ставил себя по одну сторону Бытия, а всех остальных, включая людей, Богов и природу – по другую. И это проявилось в полной мере еще в культуре Микенцев: «Ее основой была не радость жизни, не готовность броситься в объятия матери-природы, чтобы раствориться в не иссякающем потоке наполняющей весь космос живой материи, а, совсем

напротив, неистовая жажда самоутверждения перед лицом враждебного внешнего мира, героическая готовность к борьбе и упоение этой борьбой» [*Андреев: 28*]. Спустя века этот разлом между Бытием и Человеком еще более усилился, отлившись в форму особой эллинской мудрости. Ибо занятие протософией для мудрецов Эллады было игрой, забавой, нежели тяжким рвущим душу и разум трудом. *Игра – вот третий, после Личностного начала и Смеха, фактор мутагенеза* протософии в философию. Игра, Смех и Жажда Личной славы стали преемниками микенского самоутверждения. Воин-Царь Микенцев само утверждается, убивая врага на глазах у его старого отца, а мудрец-эллин выставляет глупцом старика на глазах у его учеников. Форма разная, суть – одна.

К VIII в. до н.э. Эгейское море становится настоящим «греческим озером». Но цивилизация рождалась в трудах, скудости и бедностях. Есть классический образ Эллады, впрочем, насквозь лживый и мармеладно-лицемерный: «Вечно голубое небо, тихо плещущее море, вечнозеленые ветви лавров и миртов, красивые мужчины и женщины в белых одеждах или же вообще без оных, непринужденно беседующие, занимающиеся атлетикой или танцующие на фоне прекрасных мраморных храмов и статуй». На самом деле Эллада была бедной страной, в которой влачили полунищенское существование, как цари, так и простые крестьяне. Англичанин Циммерн писал по этому поводу: «Мы должны вообразить себе дома без канализации, постели без простыней, комнаты такие же холодные или такие же душные, как воздух снаружи, только немного суше, обед, который начинается и

кончается лепешками, и города, которые не могли похвастать ни своей знатью, ни миллионерами. Мы должны научиться узнавать время без часов, переправляться через реки без мостов и через моря без компаса, скреплять свою одежду двумя булавками вместо пуговиц, носить башмаки или сандалии без чулок; обогреваться над горшком с углями, холодным зимним утром следить за игрой или судебной тяжбой, устроенной под открытым небом, изучать поэзию без книг, географию без карт и политику без газет. Одним словом, мы должны научиться быть цивилизованными людьми при отсутствии элементарного комфорта. Или, скорее, мы должны научиться находить удовольствие в обществе людей, для которых комфорт означал нечто совершенно отличное от автомобилей или кресел-качалок, людей, которые, несмотря на то или именно потому, что они жили прямо и просто и сидели за жизненным столом, не ожидая никакого десерта, видели гораздо больше пользы, красоты и добра в тех немногих вещах, которых судьба их удостоила. Это - их собственный рассудок, их тело и природа вокруг них» *[Андреев: 45]*.

Греческий интеллект, поставленный в такие условия, стал необыкновенно изворотливым, изобретательным. Героями становятся великие хитрецы, плуты, обманщики. Их хитрость это уже за гранью бытовой сметки, их хитрость это спайка эстетичности, актерства и великой энергичности ума. «Мошенники» – вот определение, которое дали Эллинам их ближайшие соседи. Эллины – это люди непоседливые, влекомые любопытством и выгодой по разнообразным дорогам, как водным, так и сухопутным. Высокая подвижность

человеческих коллективов и отдельно взятой личности потрясает воображение и сейчас, а в рассматриваемую эпоху просто не имело аналогов. Но всегда после путешествий эллины возвращались на родину, принося новые взгляды, мнения, идеи, концепции, знания. Весь этот ворох обрывков и кусков протософских систем из разных уголков Ближнего Восток был подвергнут смеху, обкатан на сотнях «игровых площадках» в формате споров и диалогов, и, наконец, обрел серию систематизаций отдельными личностями, стремившимися увековечить свои и, именно свои заслуги, как основателей Школ, Концепций, Идей.

Центром зарождавшейся мутации стал особый регион Эллады – Иония. На Западном берегу Малой Азии в полной мере расцветают великие эллинские города. Многие из них вели свою историю, начиная еще с Микенских времен (Милет и Смирна). Первые эллинские философы, которых современные ученые считают именно философами (а не протофилософами) были родом именно из одного такого городка: Милет. Поэтому и первую философскую школу Эллады частенько именуют также: «Милетской». Считается, что первым философом являлся *Фалес*, а его ученик *Анаксимандр* уже в полной мере развил именно философскую составляющую идей своего учителя. Любопытно, но факт, первый Эллинский философ – Фалес происходил из знатного Финикийского рода. А значительная часть его учения о первоэлементах имеет свои корни в финикийских учениях и текстах. Его идеи о воде, как первоэлементе, не были оригинальными, и уже в древности его же «коллеги» находили подобные высказывания у других эллинов, а ныне видно даже

принципиальное подобие идей Фалеса текстам финикийской протософии. Можно утверждать, что его крылатые выражения могут быть приписаны как эллину, так и Вавилонянину, Иудею или Египтянину:

«Старше всех вещей — бог, ибо он не рожден.

Прекраснее всего —- космос, ибо он творение бога. Больше всего — пространство, ибо оно вмещает все. Быстрее всего — мысль (νους), ибо она бежит без остановки. Сильнее всего — необходимость, ибо она одолевает всех. Мудрее всего — время, ибо оно обнаруживает все»

[Фрагменты ранних греческих философов: 103].

Что же позволило увидеть в Фалесе – источник и основу основ философии? В Фалесе, а не скажем в его младшем современнике Пифагоре, который и придумал то слово «Философ»? По всей видимости, это нечто, что принципиально, даже внешне отличает ориентософию от философии. Представляется, что это отличие коренится в различном понимании статуса мудреца и мудрости на Востоке и на Западе (Западе, которого еще не было во времена Фалеса, но который отчетливо заявил о себе уже во времена Сократа). Факторы смеха, авторства или игры - это так сказать технические моменты – мало видимые тотальному большинству. А вот назначение мудреца очевидно всем. На Востоке мудрец это тот, кто приносит пользу. Чьи дела и поступки направленны на благо его самого или же народа в целом. Мудрец и его продукт – мудрость это то, что материально отличает его от глупца или от простеца, или от попросту умного человека. Причем

мудрость и мудрый поступок не как случайный или побочный результат его деятельности, а как ежедневно подтверждаемая практика. В этом смысле, Аристотель подметил необыкновенно точно: «Из сказанного ясно, что мудрость (σοφία) есть знание и интуиция наиболее ценных по своей природе вещей. Поэтому Анаксагора, Фалеса и им подобных называют мудрыми (σοφοί), ноне умными (φρόνιμοι), видя, что они игнорируют собственную выгоду, и говорят, что они знают нечто исключительное, изумительное, трудное и божественное, но бесполезное, ибо они ищут не человеческих благ» (*Аристотель. Никомахова этика, VI, 7, 1141 Ь 2—8*). И еще у Плутарха: «По всей вероятности, в те времена [во времена Солона] мудрость одного только Фалеса вышла за границы практических нужд и пошла дальше них в умозрении (θεωρία),а остальные снискали имя «мудрецов» за свою политическую доблесть» (*Плутарх. Солон, 3, 8*). Тем самым, единичным фактом Фалес показал, что может быть мудрецом, но не желает этого. И всей своей жизнью он противился статусу мудреца в Восточном смысле этого слова. И надо отметить, народ не понял и не принял такой позиции Фалеса. То есть основная масса его современников находилась вполне в поле рациональности Востока, для которой мудрость есть основа материального благополучия. Тексты древних буквально переполнены свидетельствами того, как над позицией Фалеса смеялись, составляли анекдоты, вовсю веселились над мудрецом, который был умным и бедным, который засмотревшись на звезды, проваливался в колодец. Вероятно, накал издевательств был столь силен, что по свидетельству Аристотеля:

«…когда Фалеса, по причине его бедности, укоряли в бесполезности философии, то он, смекнув по наблюдению звезд о будущем [богатом] урожае маслин, еще зимой — благо у него было немного денег — раздал их в задаток за все маслодавильни в Милете и на Хиосе. Нанял он их за бесценок, поскольку никто не давал больше, а когда пришла пора и спрос на них внезапно возрос, то стал отдавать их внаем по своему усмотрению и, собрав много денег, показал, что философы при желании легко могут разбогатеть, да только это не то, о чем они заботятся. (6) Вот каким образом, говорят, Фалес выказал свою мудрость» (*Аристотель. Политика, A IV, 4. 1259 a 3*). То, что отстаивал Фалес и его ученики, отнюдь не отстаивал его младший современник – Пифагор. Будучи наполовину Эллином, наполовину сирийцем, после посещения Дамаска, мыслитель отправился на юг Италии, где организовал закрытый полу монашеский, насквозь аскетический религиозный орден. Пифагор приобрел большую популярность, занимался политикой, овладел властью в городе, но в результате смуты его орден был разгромлен, сам он погиб, а его ученики рассеялись по Элладе, уча пифагорейской мудрости в разных уголках ойкумены. Пифогорейцы создавали свои мистические союзы, но эллины не приняли этот вполне протософский путь развития и со временем он совершенно угас. Завоевал популярность и распространился именно стиль Фалеса и его учеников – открытый, насмешливый, игнорирующий материальную выгоду стиль мудрствования, который все дальше и дальше отходил от своих Восточных прототипов. В конечном итоге, в лице *Сократа* философия нашла

своего гениального выразителя. Со времени Сократа можно смело утверждать, что эллин «научился извлекать удовольствие из самого процесса мышления, не заботясь о том, какое применение могут найти результаты этих раздумий в обычной, повседневной жизни. Поиск истины интересовал их сам по себе и, в принципе, мог быть направлен на что угодно, будь то происхождение вселенной или истинные причины все эллинской Пелопоннесской войны. Именно в Греции впервые появился особый человеческий тип свободомыслящего интеллектуала. Сами греки называли таких людей «философами», т. е. буквально «любомудрами». Логический акцент ставился, таким образом, не на мудрости самой по себе, а на стремлении и способности такого человека извлекать наслаждение из своего превосходно устроенного мыслительного аппарата так же, как атлет наслаждается игрой своих великолепно развитых мышц. На первый план выдвигался чисто эстетический или игровой аспект умственной деятельности, что, как мы уже видели…вообще весьма характерно для греческого отношения к жизни» *[Андреев: 231]*.

Тем самым начавшись в эпоху полумифических *Мусея, Орфея, Лина*, *Гомера* и *Гесиода* проникновение в эллинский мир систем протософии Востока, достигла своего апогея в Ионии. Именно в Ионии достиг своего пика процесс мутации протософии в философию. Усилиями целой плеяды ионийцев протософия не получила своего развития как ориентософия, а мутировала в философию, тем самым навсегда отойдя от своих Восточных прототипов. Процесс был долгим и не простым, на протяжении века шла конкуренция

нового типа мудрствования *в формате Фалеса* и *в формате Пифагора*. Но к VI в. до н. окончательная победа была за новым типом.

В этом процессе мы видим как минимум две силы, способствовавшие победе стиля Фалеса. *Первая сила* – это разработка особых специфических методик «Философского поиска», нашедших свои первые четкие обоснования у *Ксенофана, Гераклита* и *Парменида*. «Философский поиск» как особая система, ориентированная на интеллектуальную интуицию, способная на предугадывание и предсказание, несет в этих своих чертах, безусловно, мотив Восточной протософии, с которой мы сталкивались в предыдущих лекциях. Но с насыщением его эллинскими смыслами, с трансформацией его силами эллинского языка, он становится мощной силой, уводящей рождавшуюся философию от своих восточных истоков. После разработок Ксенофана, Гераклита и Парменида эллинская философия (в отличие от протософий) «создает условия для принципиально новых принципов достижения знания, и элемент случайности больше не является доминирующим. Прежде на знание можно было только набрести, и, по словам Ксенофана (B 34 DK, B 35 DK), даже не узнав, что именно найдено, только догадываться и принимать на веру то, что похоже на правду: ни на ощущения, ни на логос (разум) человек опереться не может. Теперь же, вооружившись принципами философского поиска, открытия можно совершать планомерно: исследование - δίζησις или ζήτησις — принципиально отлично от случайного открытия (εὕρεσις), более того, открытия становятся продуктивнее, если опираются на исследования, а не на

случай. «Люди, исследуя, открывают лучше, чем, если полагаются на богов» (B 18 DK) — эту мысль, оптимизм которой непосредственно питается от новой идеи философского поиска, Ксенофан высказывает, несмотря на тот глубокий скепсис, который он питает в отношении познания» *[Вольф, 2012: 342-343]*. Можно привести любопытный момент мутации сложившихся на Востоке методик под воздействием эллинского менталитета. Так, исследовательница описывающая этапы «философского поиска», об окончательном этапе пишет следующее «знание будет оставаться мнением, *доксой*, до тех пор, пока не пройдет еще одной проверки — здравым смыслом (φρόνησις), — состоящей в обращении к самому себе, самопознании (самосознании). Этот способ перевода мнения в истинное знание может показаться странным, но не для Гераклита. На этом происходит сверка сформировавшихся представлений с *логосом* как носителем истины, который мы уже как-то знаем, как-то слышим. Стараться услышать объективное «логическое» содержание нужно внутри себя, а не во внешнем мире, обращаться не к «именам» и образам чувственно данных вещей, к положению дел (έργον), а к их «изнанке», рассуждая о них или выстраивая отношения между ними» *[Вольф, 2012: 345]*. По сути, здесь имеется ключевой, как для Востока, так и для Эллады момент – наличие истинности только у сверхсовершенного. На Востоке это Бог, но для Гераклита это логос. Причем если на Востоке, скажем в Индии, *началом* знания является внутренний диалог с Всевышним и Абсолютным, то для эллина это

завершение и подтверждение правильности его собственного видения бытия[46].

Вторая сила это интеллектуальное движение «Софистика» и ее носители – софисты. Последние составили целую программу педагогического воспитания элитной молодежи и значительно изменили ментальный облик патриархальной эллинской культуры[47].

Отдельные попытки философов «по старой памяти» пойти путем протософии не увенчались успехом. Пример тому неудачная педагогическая деятельность Сократа (ни один из его учеников так и не добился «счастливой» политической судьбы) или

---

[46] Безусловно, эллины были первые, кто вышел на уровень осознания этой проблемы и проговаривания ее при помощи речи. Ни одна из традиций Востока, современная Гераклиту или Пармениду, на это не была способна. Мутация протософии не только увела мысль эллина от «столбовой» дороги, но и необыкновенно ускорила скорость постановки проблем и вариантов их решения. Уже в VI в. до н.э. эллины поставили задачку: «если мы уже знаем вещь, то зачем ее искать, а если не знаем и поиск в таком случае невозможен, то, как мы все-таки можем узнавать новое. Вторая: если мы уже знаем вещь, то каким образом: знаем ли мы суть вещи, из которой выводим ее специфические характеристики, или знаем только эти ее специфические характеристики, своего рода предикаты, которые сутью вещи не являясь, как знаки, указывают на суть и могут привести нас к истинному знанию о ней». Вольф М.Н. Философский поиск: Гераклит и Парменид… Указ соч. С. 347. То есть это та проблематика, которая станет визитной карточкой индийской и китайской философии, правда столетия спустя. Ответы на задачку будут даны в разных форматах ориентософии, но гораздо позже, чем это сделала мутировавшая версия провинциальной и не подававшей никаких надежд эллинской протософии.

[47] Подробнее см.: Вольф М.Н. Софистика. Горгий Леонтийский: трактат «О не-сущем, или О природе» в современных интерпретациях : учебное пособие. - Новосибирск : РИЦ НГУ, 2014. - 249 с.

катастрофичная политическая деятельность Платона (каждый раз заканчивавшееся для мыслителя позорным рабством).

Новый тип мудрости – философия не терпел практицизма, серьезности и материальности. Он склонял своих адептов к игре разума, смеху души и постоянной борьбе за величие собственного «Я», заставляя себя само утверждаться, даже при помощи уничижения своего Учителя: «Amicus Plato, sed magis arnica Veritas». Философия Эллады вышла за орбиту естественного хода развития протософии и пошла по своему особенному пути, который привел к созданию Европейской цивилизации.

Вопросы для самоконтроля:

1. Когда появилась протософия в Элладе?
2. Каковы протософские элементы в текстах Гомера и Гесиода?
3. Перечислите первых протософских мыслителей Эллинского мира.
4. В чем заключается роль Фалеса в становлении философии.
5. Какова причина трансформации протософии Эллады в философию, а не в ориентософию?

Темы для рефератов и эссе.

1. Лин и его роль в развитии протософии Эллады.
2. Влияние Восточных идей на развитии эллинской протософи

АНТОЛОГИЯ ПРОТОСОФСКИХ ТЕКСТОВ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

ПОУЧЕНИЕ ГЕРАКЛЕОПОЛЬСКОГО ЦАРЯ СВОЕМУ СЫНУ МЕРИКАРА

Поучение датируется XXII в. до н. э. Переписан с подлинника в период правления XVIII - XIX династии.

«… [не будь] мягким в случае нападения. Наказывай... их за слова всякие. Это начало [мятежа]... Увеличиваются мятежники... Если говорят, доложи... Делит он... подчиненных... молодых в отряды... многочисленны они перед тобой... Знаешь ты, что его подчиненные любят его... Владыка племени кочевников бедуинов... прикажи [доставить] его к тебе...

Вредный человек - это подстрекатель. Уничтожь его, убей... сотри имя его3, [погуби] сторонников его. Его подчиненные любят его. Мятежник для горожан - это смута, так как он создает из подданных два отряда молодых воинов. Если ты обнаружишь горожанина и дела его известны тебе, сообщи о нем придворным, и они уничтожат его - он враг. Вредный человек для города - это подстрекатель. Подавляй толпу, уничтожай пламя, которое исходит от нее. Не возвышай [человека] враждебного. Тот, кто беден, - он враг. Будь враждебен к бедняку. [Он дает] разъяриться толпе, помещенной в рабочие дома4... [Все] переменится. Люди будут в радости. Будешь ты оправдан рядом с богом. Пусть скажут люди "[нет ничего], чего ты не знаешь". Ты наказывай согласно твоим законам. Небо для человека - хороший характер. Плох тот, кто пренебрегает советами сердца.

Будь искусным в речах, и сила твоя будет [велика]. Меч - это язык, слово сильнее, чем оружие. Не обходят [обманывают] мудрого... Мудрость, это [прибежище] для вельмож. Не нападают на мудреца, зная его мудрость. Не случается ложь в его время, так как "приходит к нему истина очищенная", как сказано в речениях предков.

Следуй отцам твоим, предкам твоим. Создается мудрость знанием. Смотри - слова их остаются записанными. Разворачивай свитки твои5, следуй премудрости, тот, кто обучается, станет искусным. Не будь злым, будь доброжелательным. Укрепляй памятники твои любовью к тебе. Умножай [богатство горожан] твоих, и будут благодарны тебе. Приходит к тебе благодарность за твою доброту, молятся о твоем здоровье перед богом Хентихети.

Уважай твоих вельмож, охраняй твоих людей. Укрепляй твои границы и твои округа. Хорошо творить для будущего. Благословляй [человека], живущего с открытым лицом, так как доверчивость хуже, чем несчастье. Пусть пройдет время твоей жизни в твоей добродетели, и несчастный полюбит землю, на которой он живет. Не имеющий вещей жаден к тому, что есть у других. Проходит жизнь на земле, но долга она. Процветает тот, кто оставляет о себе память, так как нет праведности ни для миллионов людей, ни для владыки Обеих Земель. Праведный живет вечно, избегает смерти тот, кто идет вместе с Осирисом, подобно свободному...

Возвышай твоих вельмож, чтобы они поступали по твоим законам. Не пристрастен тот, кто богат в своем доме, он владыка вещей и не нуждается. Не говорит бедняк правды. Несправедлив говорящий: "О, если б я имел". Пристрастен он к тому, кто владыка подаяний его.

Велик царь своими вельможами. Могуч царь владыка, велик он богатством своих вельмож. Говори правду в твоем доме, и будут бояться тебя вельможи в стране. Справедливость владыки - это праведность сердца. Находящиеся в передней части дома заставляют бояться тех, которые пребывают за домом8.

Твори истину, и ты будешь жить долго на земле. Сделай, чтоб умолк плачущий, не притесняй вдову, не прогоняй человека из-

за имущества его отца. Не вреди вельможам из-за их мест. Остерегайся наказывать несправедливо. Не убивай, нехорошо это для тебя. Наказывай ударами и заключением, и будет земля устроена благодаря этому. Будет наказан преступник, замыслы которого будут раскрыты. Бог знает мятежника и карает его грехи кровью... Не убивай человека, достоинства которого ты знаешь, с кем ты распевал писания.

Читай расследования... ты будешь чист перед богом. Шагай свободно в место сокровенное. Идет душа в место, которое она знает, не преступает она своей дороги вчерашнего дня, не преграждают ее всякие заклинания, приходит она к дающему ей возлияния.

Судьи судят мудрого, знай, немилостивы они в тот час, когда они выполняют свои обязанности. Плохо, когда обвиняют мудреца. Не надейся на долгие годы. Смотрят они на жизнь, как на один час. Остаются дела после смерти [человека], кладут их в кучу рядом с ним. Вечность - это пребывание там. Глуп тот, кто пренебрегает этим. Но тот, кто достиг этого, не делая греха, будет подобен богу свободно шагающему, как владыка вечности.

Возвышай молодых воинов, и будет тебя любить столица. Увеличивай из твоих подчиненных воинов. Смотри, среди твоих горожан много молодых, сильных, которым исполнилось 20 лет. Молодым воинам приятно, когда исполняют их желания... Что касается старых воинов, то я возвысился благодаря им при моей коронации. Умножай твоих вельмож, продвигай твоих воинов, увеличивай отряды молодых, следующих за тобой. Снабжай их имуществом, обеспечивай землей, [одаривай] стадами.

Не делай различия между сыном человека и простолюдина. Приближай к себе человека за дела его, и да будут творимы все ремесла...

Следи за твоими границами. Воздвигай памятники твои. Полезны для владыки отряды. Создавай прекрасные памятники для бога, живет в этом имя того, кто это делает. Творит человек полезное для его души. Делай ежемесячные жертвоприношения, бери белые сандалии, посещай храм, открывай сокрытое, входи в святая святых, ешь хлеб в храме.

Наполняй жертвенники, увеличивай хлеба и жертвы. Это полезно для того, кто это делает. Укрепляй твои памятники согласно твоему могуществу, так как один день дает вечность, один час украшает грядущее. Знает бог того, кто творит для него. Перенеси свои статуи в далекие страны...

Слаб, опустошен враг в столице Египта. Отряды молодых воинов будут сражаться с отрядами, как было предсказано предками: "будет сражаться Египет в некрополе. Не разрушай гробниц, уничтожая оставшиеся. Я сделал подобное. Случилось подобное тому, что я сделал...

Не поступай плохо с югом, так как ты знаешь пророчество столицы об этом. Свершилось согласно предсказанному. Исполнится и это...

Я прославляю себя из-за Тиниса, Маки и границы юга до Таут. Захватил я его подобно ливню. Не сделал этого царь Мери [ибра] правоголосый... Восстанавливай крепости. Хорошо творить для грядущего.

Будь хорош с югом, и прибудут к тебе носильщики с дарами. Я поступал подобно тому, как поступали предки. Если нет у них зерна, надо дать им. Хорошо это для тебя, так как они устали для тебя.

Насыщайся своим хлебом и своим пивом. Придет к тебе красный гранит без помехи. Не порть памятников другого. Пусть выламывают камни в Туре. Не строй гробницу, разрушая сделанное, чтобы соорудить свою. Смотри - вот царь владыка радости, будь кротким, и ты будешь спокоен в своем могуществе. Следуй в делах за моим сердцем, и не будет врага в округах твоих границ.

Встал владыка в своем городе, и сердце его было скорбно из-за Дельты. От Хетшену до Баки южная граница Гераклеополя. Усмирил я запад во всем объеме до Фаюма. Работают они, дают они дерево "мерет" и дерево "маат". Восток богат лучниками... Возвращен остров срединный, и все люди находятся в нем. Области называют "великий" и воздают мне хвалу.

Смотри... разрушено, сделай номом всякий большой город. Власть одного в руках десяти...

Награждай вельмож податными списками, жрецов - участками земли. Работают для тебя, как один отряд. Не будет мятежников среди них. Не будешь страдать ты из-за Нила, что он не приходит. Подати севера будут в твоей руке.

Смотри, вбит пограничный столб для азиатов. Я установил границу на востоке от Хебену до Дороги Гора. Там находятся поселения, полны они лучшими людьми со всей земли до границ ее, чтобы отражать азиатов. Хотел бы я видеть могущественного, который прошел бы мимо всего этого, и сделал бы больше, чем я. Плох тот, который уменьшит мое наследство.

Говорят это о лучинках. Подл азиат, плохо место, в котором он живет - бедно оно водой, трудно проходимо из-за множества деревьев, дороги тяжелы из-за гор. Не сидит он на одном месте, ноги его бродят из нужды. Он сражается со времен Гора, но не побеждает, и сам он не бывает побежден. Не объявляет он дня битвы, подобно грабителю, страшатся они вооруженных отрядов.

Будь доблестным, каким я был. Были лучники в крепости подобно секире: я приказал Дельте разбить их. Я разграбил их поселения, я захватил их стада. Азиат для Египта больше чем отвращение... Нападает он на одинокое селение, не нападает он на округа со множеством городов.

Охраняй Дельту. Наполнена сторона ее водой вплоть до Соленых озер. Смотри, там центр кочевников. Стены ее воюют, воины ее многочисленны. Подчиненные, они распоряжаются собой... Насчитывается там 10 тысяч свободных из простолюдинов, не имеющих повинностей. Вельможи там со времени столицы.

Укрепляй границы свои, сильны ее крепости. Жители Дельты многочисленны, они орошают землю, дают подати ячменем из места чистого... Сделали они дамбу до Гераклеополя, это свидетельствует о том, что там много горожан. Остерегайся того, чтобы не были они окружены врагами. Тот, кто осторожен, тот омолаживает годы.

Восстала твоя граница против юга. Воины это... схватили свои пояса21. Строй крепости в стране севера. Не мало имя человека в том, что он создал. Не разрушатся укрепленные города... Враг любит слабого сердцем, но судьба его плоха.

Было установлено в поучении Ахтоем правоголосым23: "Спокойный... сильнее сердцем, чем тот, кто разрушает алтарь. Настигает бог врага храма. Придет к нему подобное тому, что он сделал. Будет он мудрым в своих решениях"... Укрепляй жертвенники, почитай бога, не говори, что это слабость, не распускай рук, будь в радости... Не порть памятники, чтобы восстановил сделанное другой, который придет после. Нет никого не имеющего врага. Мудрый - это владыка Обеих Земель. Не невежда царь, он мудр уже при рождении, возвышен он на земле над миллионами.

Хорошая должность - царская власть. Нет ни сына у него, ни брата, но увековечиваются твои памятники, так как делает человек для предшественника своего, желая, чтобы то, что он сделал, было укреплено другим, который придет после него.

Смотри, случилось плохое. Произошло это в мое время. Разрушена была область Тиниса. Не по моему приказу (?) случилось это. Я узнал после того, как было совершено. Вот была необходимость в этом. Плох тот, кто разрушает, не полезно это для него. Укрепляй, что разрушено, украшай испорченное. Остерегайся возмездия за удар подобным. Это следствие всякого поступка.

Проходят поколения людей. Скрыл себя бог, знающий сущность. Не отражают руку владыки... Почитай бога на пути его, сделанного из камня, изваянного из меди. Подобно тому как потоки пополняются водою, нет реки, дающей скрыть себя. Разрушается дамба, которая скрыла ее. Идет душа в место, которое она знает. Украшай дома твои на западе, украшай место твое в некрополе добродетелью твоей как творящий истину. Опирается на это сердце. Принимается добродетель праведного больше, чем бык грешника. Твори для бога, и он сделает тебе подобное жертвами, наполняющими алтарь.

Надписи на камне сохраняют твое имя, бог знает того, кто творит для него.

Заботься о людях, пастве бога. Сотворил он для них небо и землю по их желанию, уничтожил он мрак вод, создал он для них воздух, чтобы жили им их носы. Это подобия его, которые вышли из его тела. Восходит он на небо по их желанию. Он создал для них

растения, скот, птиц, чтобы их питать. Он убил врага и уничтожил его детей за их замыслы враждебные. Он сотворил свет по их желанию и объезжает на ладье небо, чтобы видеть их. Воздвиг он для себя святилище позади них и слышит, когда они плачут. Он создал для них владыку, как опору, чтобы поддержать спину слабого. Создал он для них магию более сильную, чем оружие, чтобы отражать то, что может случиться, создал сны днем и ночью. Он убивает мятежника среди них, как человек убивает сына своего ради брата.

Не причиняй страданий. Уста мои, дают они законы для царя. Открой лицо твое, чтобы ты возвысился, как человек. Да достигнешь ты меня, не имея никого, кто бы жаловался на тебя. Не убивай никого из близких тебе, которого ты хвалил. Бог знает его. Каждый из них - это благополучие на земле. Боги следуют за царем. Да будут тебя любить люди, будут помнить тебя за твою добродетель. Избегай зла и ты скажешь: Уничтожено время страдания благодаря тем, которые пришли из дома Ахтоя, согласно моему предсказанию, что сбудется сегодня. Смотри, я говорю тебе мои мысли прекрасные из самого сердца моего, чтобы это стояло перед тобой.

Пришло к благополучному концу, как найдено в писаниях, как написано Хамуасом для самого себя, праведного молчанием, прекрасного характером, доброго, любящего людей, не стоящего в глазу другого, не сварливого, слугой господина своего, писцом, дающим отчет, искусным в работах Тота писцом Хамуасом, а также для брата своего любимого, праведного молчанием, прекрасного характером, искусного в работах Тота, писца Маху» *[Поучение: 17-21].*

ВАВИЛОНСКАЯ ТЕОДИЦЕЯ

Аккадская поэма, записанная в первой половине XI в. до н. э. вавилонским жрецом-заклинателем Эсагил-кини-уббибом.

«1 Страдалец: Мудрый ... постой, я хочу сказать тебе
. . . . . я хочу поведать тебе,
. . . . . тебе.
Слуга твой страждущий - постоянно хочу прославлять
5 Где мудрец, что был бы подобен тебе?
Где ученый, что сравнился б с тобою?
Где же советчик? - хочу рассказать свое горе:
Конченный я человек: настигло меня страданье.
Младшим я был в семье,- и судьбою отец похищен;
10 Мать, что меня родила, обратилась к Стране без возврата,
Отец и родительница моя оставили меня без защиты.
Друг: Друг мой почтенный, что сказал ты - печально.
Милый мой, помыслы ты на зло направил,
Ум твой высокий рассудку глупца уподобил.
15 Облик твой светлый мрачным сделал.
Да, оставляют нас наши отцы,- уходят дорогой смерти,-
"Реку Хубур переходят",- как говорят издревле.
Видел ведь ты всех людей многочисленных вместе:
... первенец слабый,- не ... одарил его;
20 Лоснится богач,- кто его осчастливил? -
Служащий богу - в делах удачлив,
Чтущий богиню - копит богатства.
Страдалец: Друг мой, сердце твое - поток, источник которого не иссякает,
Воды обширного моря, что убыли не имеют.
25 Тебя хочу расспросить; узнай мое дело,
Взор обрати на мгновенье, выслушай речи.
Сковано тело, нужда меня мучит,
Успех мой минул, прошла удача,
Сила ослабла, кончилась прибыль.
30 Тоска и беда затмили мой облик.
Хлеба с полей для еды не хватает,
Сикеры, живящей людей, не достает для питья мне.

Наступят ли вновь дни счастья? - вот что знать хочу я.
Друг: Уста мои сдержаны, ...
35 Рассудок твой стройный, точно безумец, ты спутал,
Рассеянным и неразумным сделал ты поведенье,
Слепому лик твой прекрасный ты уподобил.
То, что ты неотступно желаешь,- получишь.
Прежняя сень по молитве вернется,
40 Примиренная богиня возвратится по просьбе;
Те, кто тебя не прощали, сжалятся над тобою,
Разумения справедливости ищи постоянно.
Могучий защитник да положит милость,
Гнев его да смягчится, прощение он да подарит!
45 Страдалец: Склоняюсь, мой друг, пред тобой; мудрость твою принимаю.
Слушаю слово речи твоей.
. . . . . .
Дикий осел, онагр, что травой набивает утробу,
Внимал толкователю божественных истин?
50 Свирепый лев, что добрую плоть пожирает,
Жертву принес, чтоб успокоить гнев богини?
Пышный богач, что имущество приумножает,
Драгоценного золота отвесил Маме?
Задержал ли я приношенья? - Богу молился,
55 Посвящал я жертвы богине, но не услышано мое слово.
Друг: Пальма, роскоши древо, мой брат драгоценный,
Исполнен всей мудрости, золотой самородок.
Ты ведь стоишь на земле, а замыслы бога далече. Взгляни на красавца-онагра в долине,-
60 Строптивца, что нивы топтал, стрела опрокинет.
Приди, увидь врага стад, льва, о котором ты вспомнил,-
За преступленья, что лев совершил, ему уготована яма.
Пышного богача, что имущество в кучи сгребает,
Царь на костре сожжет до сужденного ему срока.
65 Путями, что эти идут, пойти и ты желаешь?
Лучше ищи неизменной благосклонности бога!

Страдалец: Разум твой - северный ветер, дуновенье приятное людям.
Избранный друг мой, совет твой прекрасен.
Одно только слово тебе я добавлю:
70 Дорогой успеха идут те, кто не ищут бога,
Ослабли и захирели молившиеся богине.
Сызмальства следовал я воле божьей,
Простершись, с молитвой искал богиню.
Но я влек ярмо бесприбыльной службы,-
75 Бог положил вместо роскоши бедность;
Дурак впереди меня, урод меня выше,-
Плуты вознеслись, а я унижен.
Друг: Воистину, умница мой, тому, что открыл ты;- нет подтвержденья!
Истину ты отвергаешь, предначертанья бога поносишь!
80 Не соблюдать ритуалы богов ты возжелал в своем сердце.
Обряды богини истинные ты презираешь.
Точно средина небес, мысли богов далеко;
Слово из уст богини не разумеют люди.
Верно понять решенья богов заказано человекам,
85 Замыслы их для людей недоступны.
86-88 . . . . . .
Текст поврежден
Страдалец: Дом хочу бросить ... Имущества да не возжелаю ...
135 Жертвы богу презрю, попру божьи меры.
Бычка зарежу, ... пища.
Тропой пойду, в даль заберусь я;
Запруду открою, пущу наводненье.
Точно вор, по широкой степи скитаться стану.
140 В дом за домом буду входить, утолю голод.
Буду голодным бродить, буду по улицам рыскать.
Точно убогий, внутрь войду ...
Далеко благо ...
Текст поврежден

180 Страдалец: Все ... обратились люди:
В жалкое рубище одет царевич,
В роскошный наряд облачен сын бедняка и голодранца.
Кто солод стерег - золотом владеет,
Кто мерой червонное мерил - тяжкую ношу таскает.
185 Кто ел одну зелень - пожирает обед вельможи,
А сыну почтенного и богатого дикий плод- пропитанье!
Рухнул богач; далеко ...
Текст поврежден
Друг: Мыслям искусным твоим ты заблудиться позволил.
... изгнал ты мудрость.
Разумное ты презрел, установленное опоганил.
215 Кто ритуалы свершает -от тяжких трудов избавлен.
... сделался важным,
... имя ему ученый:
Голову держит высоко, имеет то, что желает.
Следуй стезею бога, храни его обряды.
220 ... и на добро положен Страдалец: ... плута, ... мошенников всех.
Добро себе собирают ...
Текст поврежден
Друг :. . . . . .
235 Что до плута - завидовал ты его процветанью -
Прыть его ног исчезнет скоро!
Без бога мошенник владеет богатством,-
Оружье убийцы его настигнет!
Что твой успех, если божьей воли не ищешь?
240 У влачащего божье ярмо достаток скромный, но верный
Найди благое дыханье бога,-
И что за год утратил, восстановишь тотчас.
Страдалец: Вгляделся я в мир - дела обстоят по-другому:
Демону бог не закрыл дороги.
245 Отец по каналам волочит лодку,
А сын его взрослый разлегся в постели.
Бежит, точно пес, по пути брат старший,-

Младший счастлив,- погоняет мула .
По улице рыщет бродягой наследник,-
250 Второй сын дает бедняку пропитанье.
Что получил я от бога, которому поклонялся?
Перед теми, кто ниже меня, я склоняюсь,
Презирают меня и босяк, и богатый и гордый.
Друг: Искусный, ученый, знанья обретший,
255 Озлоблено сердце твое,- потому и поносишь бога.
Как средина небес, сердце бога далеко,
Познать его трудно, не поймут его люди.
Творение рук Аруру все существа живые,-
Отпрыск их первый у всех не ладен (?):
260 Первый теленок мал у коровы,
Приплод ее поздний - вдвое больше;
Первый ребенок дурачком родится,
Второму прозванье - сильный, смелый.
Видят, да не поймут божью премудрость люди!
265 Страдалец: Внемли мне, друг мой, пойми мои мысли.
Сохрани наилучшее слово из речи:
Превозносят дела важного, хотя он изведал убийство,
Унижают малого, что зла не делал.
Утверждают дурного, кому мерзость - как правда
270 Гонят праведного, что чтил волю бога.
Наполняют золотом ларец злодея,
Выгребают из закромов жалкого пищу.
Укрепляют сильного, что с грехом дружен,
Губят слабого, немощного топчут.
275 И меня ничтожного, богач настигает.
Друг: Царь богов Нарру, человеков создавший,
Зулуммар великий, добывший их глину,
Царица, лепившая их, владычица Мама,
Кривую речь человечеству дали;
280 Наделили его навсегда неправедностью и ложью.
Доброе дерзко говорят о богатом:
Царь-де, идет на его стороне богатства.
Малому человеку вредят, точно вору,

Творят ему мерзость, убить замышляют.
285 Обманом все зло принять заставляют, ибо нет у него защиты.
Ужасно ведут к концу, гасят его, как угли.
Страдалец: Добр ты, друг мой,- увидь мое горе.
Приди мне на помощь, страданья заметь, узнай же!
Был я послушен, учен, богомолен,
290 Но помощи и поддержки ни на мгновенье не видел.
Городскую площадь прохожу незаметно;
Тиха моя речь, негромок голос.
Головы не подъемлю, в землю смотрю я:
Точно раб, не молюсь я в собрании равных.
295 Боги, что бросили меня, да подадут мне помощь.
Богиня, что бежала, да возымеет милость.
Пастырь, солнце людей, как бог, упасет человеков!» [*Вавилонская теодицея: 202-206]*

РИГВЕДА

X, 129

1. « Тогда не было ни сущего, ни не-сущего;
Не было ни воздушного пространства, ни неба над ним.
Что в движении было? Где? Под чьим покровом?
Чем были воды, непроницаемые, глубокие?
2. Тогда не было ни смерти, ни бессмертия, не было
Различия между ночью и днем.
Без дуновения само собой дышало Единое,
И ничего, кроме него, не было.
3. Вначале тьма была сокрыта тьмою,
Все это [было] неразличимо, текуче.
От великого тапаса зародилось Единое,
Покрытое пустотою.
4. И началось [тогда] с желания, — оно

Было первым семенем мысли.
Связку сущего и не-сущего
Отыскали, восприемля в сердце, прозорливые мудрецы.
5. Вервь их 8 простерта поперек. Было ли
Внизу [что], было ли вверху?
Носители семени были, силы были. Вожделение —
Внизу, усилия — вверху.
6. Кто поистине знает, кто теперь бы поведал,
Откуда возникло это мирозданье?
Боги [появились] после сотворения его.
[Но] кто же знает, из чего оно возникло?
7. Из чего возникло это мирозданье, создал ли
[Кто его] или нет?
Кто видел это на высшем небе,
Тот поистине знает. [А] если не знает?» [*Древнеиндийская философия: 35*]

ШАТАПАТХА-БРАХМАНА
X, 5, 3

« 1. Поистине вначале это как бы ни было ни не-су-щим, ни сущим. Вначале это поистине как бы было и как бы ни было. [Все] это было лишь мыслью.

2. Поэтому мудрецом сказано: «Не было тогда ни сущая, ни не-сущая.

3. Она, мысль, будучи созданной, пожелала стать явной, более ясно выраженной, с более четким обликом. Она искала атман. Она предалась тапасу. Она обрела четкий облик. Она увидела тридцать шесть тысяч огней [своего] атмана, лучи, состоящие из мысли, сложенные мыслью. Они были разожжены лишь мыслью, сложены мыслью. Мыслью совершались на них жертвоприношения, посредством мысли пели они, посредством

мысли воздавали они хвалу. То, что совершается обычно во время обряда жертвоприношения, при обряде жертвоприношения, было совершено одной лишь мыслью в них, состоящих из мысли, сложенных мыслью, в виде [жертвоприношения], состоящего из мысли. Сообразно с этим то, что эти существа мыслят обычно мыслью, поистине есть складывание этих [огней]. Поистине их разжигают, их складывают, на них совершают жертвоприношения, возле них поют, возле них воздают хвалу. Столь велико развертывание мысли, столь велико творение мысли в отдельном, столь велика мысль. [Существует] тридцать шесть тысяч огней, лучей; из них каждый отдельно столь велик, сколь велик был тот прежний [огонь].

4. Эта мысль создала речь. Она, речь, будучи созданной, пожелала стать явной, более ясно выраженной, с более четким обликом. Она искала атман. Она предалась тапасу. Она обрела четкий облик. Она увидела тридцать шесть тысяч огней [своего] атмана, лучи, состоящие из речи, сложенные речью. Они были разожжены лишь речью, сложены речью. Речью совершались на них жертвоприношения, посредством речи пели они, посредством речи воздавали они хвалу. То, что совершается обычно во время обряда жертвоприношения, при обряде жертвоприношения, было совершено одной лишь речью в них, состоящих из речи, сложенных речью, в виде [жертвоприношения], состоящего из речи. Сообразно с этим то, что эти существа высказывают обычно речью, поистине есть складывание этих [огней]…,

5. Эта речь создала дыхание. Оно, дыхание, будучи созданным, пожелало стать явным, более ясно выраженным, с более четким обликом. Оно искало атман. Оно предалось тапасу. Оно обрело четкий облик. Оно увидело тридцать шесть тысяч огней [своего] атмана, лучи, состоящие из дыхания, сложенные дыханием. Они были разожжены лишь дыханием, сложены дыханием. Дыханием совершались на них жертвоприношения, посредством дыхания пели они, посредством дыхания воздавали они хвалу. То, что совершается обычно во время обряда жертвоприношения, при обряде жертвоприношения, было совершено одним лишь дыханием в них, состоящих из дыхания, сложенных дыханием, в

виде [жертвоприношения], состоящего из дыхания. Сообразно с этим то, что эти существа дышат обычно дыханием, поистине есть складывание этих [огней]. Поистине их разжигают, их складывают, на них совершают жертвоприношения, возле них поют, возле них воздают хвалу. Столь велико развертывание дыхания, столь велико творение дыхания в отдельном, столь велико дыхание. [Существует] тридцать шесть тысяч огней, лучей; из них каждый отдельно столь велик, сколь велик был тот прежний [огонь].

6. Это дыхание создало зрение. Оно, зрение, будучи созданным, пожелало стать явным, более ясно выраженным, с более четким обликом. Оно искало атман. Оно предалось тапасу. Оно обрело четкий облик. Оно увидело тридцать шесть тысяч огней [своего] атмана, лучи, состоящие из зрения, сложенные зрением. Они были разожжены лишь зрением, сложены зрением. Зрением совершались на них жертвоприношения, посредством зрения пели они, посредством зрения воздавали они хвалу. То, что совершается обычно во время обряда жертвоприношения, при обряде жертвоприношения, было совершено одним лишь зрением в них, состоящих из зрения, сложенных зрением, в виде [жертвоприношения], состоящего из зрения. Сообразно с этим то, что эти существа видят обычно глазами, поистине есть складывание этих [огней]. Поистине их разжигают, их складывают, на них совершают жертвоприношения, возле них поют, возле них воздают хвалу. Столь велико развертывание зрения, столь велико творение зрения в отдельном, столь велико зрение. [Существует] тридцать шесть тысяч огней, лучей; из них каждый отдельно столь велик, сколь велик был тот прежний [огонь]».

[*Древнеиндийская философия: 59-60*]

«СИ ЦЫ ЧЖУАНЬ» («ПРЕДАНИЕ ПРИВЯЗАННЫХ СЛОВ») ИЗ «ЧЖОУ И».

«Чжан 1

Небо вверху (почтенно), Земля внизу (презренна) — [соответственно этому гексаграммы] Цянь и Кунь устанавливаются.

Низкое и высокое по уровням располагаются — [соответственно этому] благородное и худородное по рангам распределяются.

Движение и покой обладают постоянством [смены] — [соответственно этому] твердое и мягкое чередуются. Квадраты по родам обобщают, вещи по множествам делятся(1) - [соответственно этому] счастье и несчастье рождаются. В Небе вершатся образы, на Земле вершатся формы — [соответственно этому] метаморфозы и изменения проявляются.

Таким образом — твердое и мягкое друг к другу прилегают, восемь триграмм друг с другом соединяются. Возбуждаются они [небесным] громом и [земным] сотрясением, увлажняются они ветром и дождем.

Солнце и Луна, чередуясь, движутся, и приходит то холод, то жар.

Дао [гексаграммы] Цянь вершит мужское,

Дао [гексаграммы] Кунь вершит женское.

Цянь знает великое начало, Кунь творит совершенные вещи.

Цянь посредством перемен знает,

Кунь посредством текста может(2).

Если есть перемены, то соответственно переменам познавай;

если есть текст, то соответственно переменам следуй(3).

Если будешь соответственно переменам познавать, обретешь родство;

если будешь соответственно переменам следовать, обретешь заслуги.

Если обретешь родство, то сможешь стать долговечным; если обретешь заслуги, то сможешь стать великим. Если сможешь стать долговечным, то осуществишь Дэ достойного человека;

если сможешь стать великим, то осуществишь дело достойного человека.

Освоишь перемены и текст — обретешь принципы упорядоченности Поднебесной.

Обретешь принципы упорядоченности Поднебесной - равновесие установишь внутри нее.

Чжан 2

Совершенномудрые люди создали гексаграммы и узрели [в них] образы, приложили афоризмы к гексаграммам и прояснили счастье и несчастье, [увидели, как] твердое и мягкое друг друга подталкивают и порождают метаморфозы и изменения.

Вот почему:

счастье и несчастье — образы потери и обретения; раскаяние и сожаление — образы беспокойства и опасения;

метаморфозы и изменения — образы прихода и ухода; твердое и мягкое — образы дня и ночи; движение шести черт — Дао трех пределов(4).

Вот почему:

то, в чем благородный муж, пребывая в покое, находит умиротворение, — последовательность "Перемен", то, что, радуясь, изучает, — афоризмы к чертам [гексаграмм].

Вот почему:

если благородный муж пребывает в покое, то созерцает их (гексаграмм) образы и изучает их афоризмы;

если действует, то созерцает их (гексаграмм) метаморфозы и изучает их предсказания.

Вот почему:

"От неба благословение этому.

— Счастье. Ничего неблагоприятного"(5).

Чжан 4

"Перемены" с Небом и Землей совпадают,

поэтому могут в точности соткать Дао Неба и Земли.

Смотрю вверх — созерцаю в Небе узоры-вэнь, смотрю вниз — рассматриваю на Земле узоры-ли, по ним познаю основы тьмы и света.

Начало обращается концом, по ним познаю смысл жизни и смерти.

Цзии и ци творят вещи, дух (хунь) парящий творит метаморфозы,

по ним познаю состояние души-гуй и духа-шэнь.

Уподобляюсь Небу и Земле,

поэтому не нарушаю [гармонии триединства].

Знаю круговороты мириад вещей и как Дао спасает Поднебесную,

поэтому не преступаю меры.

Иду своей стороной и не сбиваюсь с пути, радуюсь Небу, знаю Судьбу, поэтому не печалюсь.

Доволен своей участью, искренен в человеколюбии, поэтому способен любить [людей].

Беру за образец изменения Неба и Земли и не нарушаю меры.

[Беру за образец] кругоизвивное творение мириад вещей и не допускаю промахов.

Проникаю в Дао дня и ночи и познаю [круговорот вещей].

Все это осуществимо потому, что у духа нет постоянного местонахождения, а у перемен нет неизменной формы…

Чжан 6

Перемены широки (обширны), высоки (велики)!

Если говорить о том, что находится далеко, то ничто не противится.

Если говорить о том, что вблизи, то во всем покой и порядок.

Если говорить о том, что находится между Небом и Землей, то всё в достатке.

Цянь (Небо): его покой — сжатость,

его движение — распрямление по вертикали,

поэтому высокое (великое) рождается в нем.

Кунь (Земля): ее покой — закрытость, ее движение — расширение по горизонтали, поэтому широкое (обширное) рождается в ней. Широкое (обширное) и высокое (великое) согласуются с Небом и Землей(8).

Циклы метаморфоз согласуются с четырьмя временами года.

[Смена] инь и ян согласуется с [чередованием] Солнца и Луны.

Прекрасные качества перемен и текста согласуются с совершенным Дэ.

РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПЕРВОИСТОЧНИКИ

«Вавилонская теодицея» // История Древнего Востока. Тексты и документы / Под ред. В.И. Кузищина – М.: Высш. шк., 2002.

Древнеиндийская философия в 2-х т. – Т. 1. Начальный период. - М.: Соцэкгиз, 1963.

Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. - Т. I. - М.: «Мысль», 1972.

Из поучения Птахотепа // Поэзия и Проза Древнего Востока. – М.: Изд-во «Худ. Лит.», 1973.

Из спора разочарованного со своей душой // Поэзия и Проза Древнего Востока. – М.: Изд-во «Худ. Лит.», 1973.

Надпись Сенусерта III из Семне // История Древнего Востока. Тексты и документы / Под ред. В.И. Кузищина – М.: Высш. шк., 2002.

Поучение Гераклеопольского царя своему сыну Мерикару // История Древнего Востока. Тексты и документы / Под ред. В.И. Кузищина – М.: Высш. шк., 2002.

Пророчество Неферти // История Древнего Востока. Тексты и документы / Под ред. В.И. Кузищина – М.: Высш. шк., 2002.

Прославление писцов // Поэзия и Проза Древнего Востока. – М.: Изд-во «Худ. Лит.», 1973.

Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. – М.: Наука, 1989.

УЧЕБНИКИ

Воденко К.В., Самыгин С.И. История религиозной философии. – Р-н-Д: Феникс, 2015.

Вольф М.Н. Софистика. Горгий Леонтийский: трактат «О не-сущем, или О природе» в современных интерпретациях. - Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014.

Стивенсон Д. Восточная философия. – М.: АСТ, 2005. – 400 с.

Канаева Н.А. Индийская философия древности и средневековья. - М.: ИФРАН, 2008.

Радхакришнан С. Индийская философия. – М.: Академический проект, 2008.

Степанянц М.Т. Восточные философии. - М.: Академический проект, 2011.

Семенов Н.С. Философские традиции Востока. – Минск: ЕГУ, 2004.

Томпсон М. Восточная философия. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000.

Федотова Л.Ф. Философия Древнего Востока. – М.: Издательство «Спутник +», 2015.

Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии. - СПб.: Евразия, 1998.

Чанышев А.Н. Философия Древнего мира. - М.: Высш. шк., 1999.

МОНОГРАФИИ

Obenga T. African Philosophy : The Pharaonic Period : 2780 - 330 BC. - Popenguine, Senegal: Per Ankh. – 2004.

Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. – СПб.: Алетейя, 1998.

Афонасин Е. В., Афонасина А. С, Щетников А. И. Пифагорейская традиция. - СПб.: Издательство РХГА, 2014.

Ван-дер-Варден Б. Пробуждающаяся наука II. Рождение астрономии. – М.: Наука, 1991.

Вольф М.Н. Ранняя греческая философия и Древний Иран. - СПб.: Алетейя, 2006.

Вольф М.Н. Философский поиск: Гераклит и Парменид. - СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012.

Драч Г.В. Рождение античной философии и начало антропологической проблематики. – М.: Гардарики, 2003.

Жданов В.В. Древнеегипетские теокосмогонии как формы предфилософского дискурса: монография. - М.: РУДН, 2012.

История Востока. В 6 т. Т. 1. Восток в древности / Гл. редкол.: Р.Б. Рыбаков. — М: Вост. лит., 2002.

Лазарев Ф.В., Трифонова М.К. Оправдание мудрости. – Симферополь: Синтагма, 2011.

Лукьянов А.Е. Становление философии на Востоке (Древний Китай и Индия). – М.: УДН, 1989.

Мень А. Ветхозаветные пророки. – Ленинград: Совет. Писатель, 1991.

Мень А. Как читать Библию. – Брюссель: «Жизнь с Богом», 1981.

Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. - СПб.: «Азбука-классика», «Петербургское Востоковедение», 2005.

Тураев Б. А. Остатки Финикийской литературы.- Спб.: Тип. В. Киршбаума, 1903.

Финикийская мифология. / Сост. Н.К. Герасимова. — Под общ. ред. Ю.С. Довженко. — СПб.: "Летний сад", Журнал "Нева", 1999.

СПРАВОЧНИКИ

Иллюстрированная энциклопедическая библиотека. Древний Восток: История. Философия. Религия. Искусство. - М.: «Деконт +», 1996.

История и культура Древнего Востока / Отв. Ред. А.А. Вигасин. – М.: РОССПЭН, 2008.

Индийская философия / Отв. ред. М.Т. Степанянц; Ин-т философии РАН. М.: Вост. лит., 2009.

Китайская философия. Энциклопедический словарь / под ред. М.Л. Титаренко. - М.: Мысль, 1994.

СТАТЬИ

Емельянов В.В. Образы предбытия в шумерских литературных текстах // Вопросы Философии. – 2015. - №11.

Емельянов В.В. Предфилософия Древнего Востока как источник нового философского дискурса // Вопросы Философии. – 2009. – №9.

Жданов В. В. Представления о справедливости в контексте предфилософских категорий древнеегипетской культуры // Пространство и Время. – 2013. № 4 (14).

Жданов В.В. Предфилософская мысль Древнего Египта и греческая предфилософия: опыт сравнительного анализа в современной зарубежной

египтологии и антиковедении // Вестник РУДН. Серия "Философия". - 2012. - №3.

Матвейчев О.А. К вопросу о малоазийских корнях ранней греческой философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. - 2015. - Том 15. - Вып. 4.

Рассоха И.Н. Финикийская философия как социальный институт // Гілея. – 2015. - №97.

Чанышев А.Н. Любовь в Античной Греции // Философия любви. Ч. 1 / Под общ. ред. Д. П. Горского; Сост. А. А. Ивин. - М.: Политиздат, 1990.

Шевченко О.К. О «Восточных философиях» в высшем философском образовании РФ // Вестник Российского философского общества. – 2016. - № 2.

ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ

Ancient Egyptian Philosophy. – Режим доступа: http://www.bibliotecapleyades.net/cienciareal/crystal_tablet/tsrl02.htm

Рассоха И. Н. Финикийская философия и Библия. Открытие финикийцами Америки. Харків: ХНАМГ, 2009. – Режим доступа: http://www.rummuseum.ru/portal/node/2443

Сектор Восточных философий Института философии Российской Академии наук – Режим доступа: http://iph.ras.ru/orient_phil.htm

Научное издание

Курс лекций по истории Восточных философий (ориентософии).

Том первый. Протософия.

О. К. Шевченко

Издательство ООО ИД “Историческое сознание”
241524 г. Брянск, п. Мичуринский, ул. Депутатская, 6
Тел.: +7 (999) 221-14-02

Отпечатано в АО «Первая Образцовая Типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов,1
Тел.: +7 (495) 502-52-23

Подписано в печать 11.08.2017 г.
Формат 60x90 1/16 , печать офсетная.
Усл. печ. л. 9. Тираж 300 экз.